

ЮРИЙ ГЛАЗКОВ ЧЕРНОЕ БЕЗМОЛВИЕ

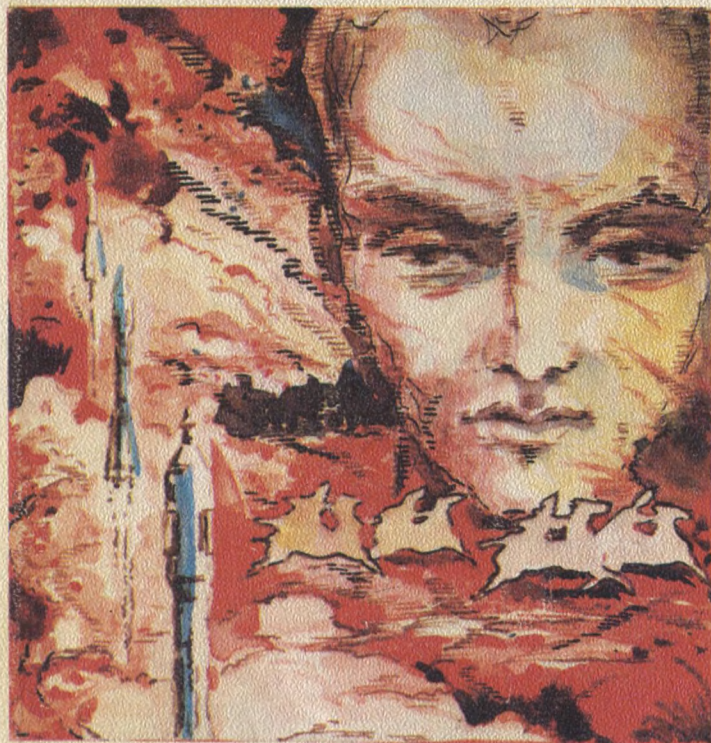

84p7
Г52

В.

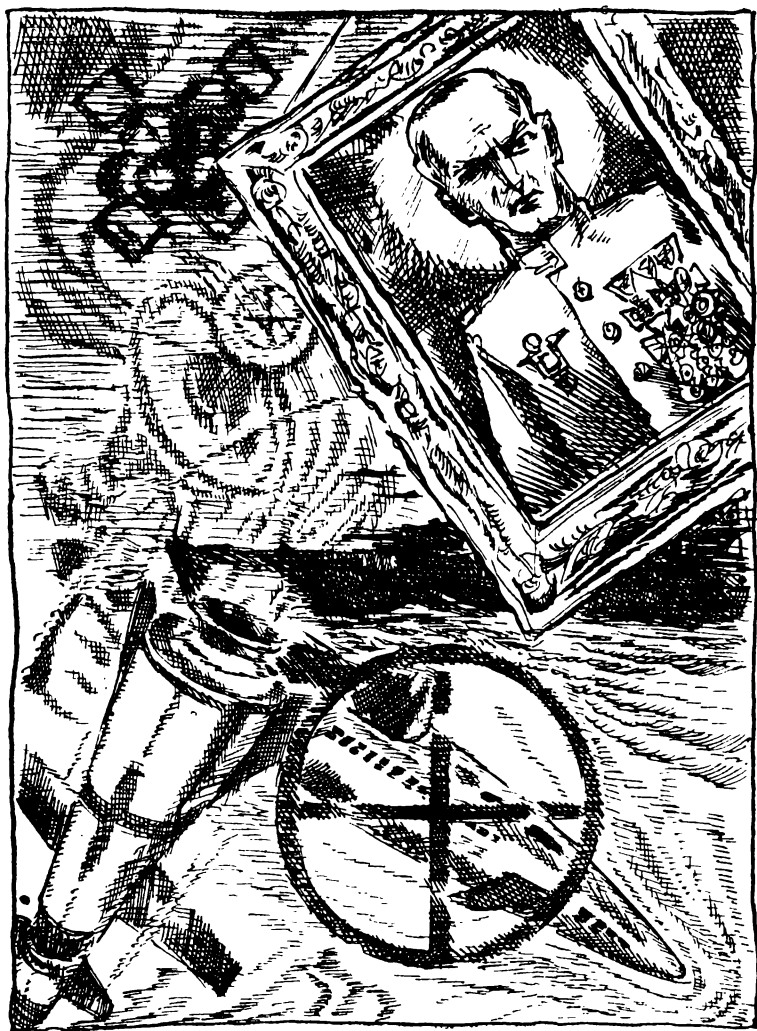
БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ЮРИЙ ГЛАЗКОВ
**ЧЕРНОЕ
БЕЗМОЛВИЕ**

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ЮРИЙ ГЛАЗКОВ

ЧЕРНОЕ БЕЗМОЛВИЕ

*Сборник
фантастических рассказов
и новелл*

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1987

**ББК 84Р7
Г 52**

**Рисунки космонавта
Владимира Джанибекова**

**Г 4702010200—138
078(02)—87** **КБ—048—012—86**

ОТ АВТОРА

Безмолвный, черный космос... Знакомые созвездия смотрят немигающим взглядом. Орбитальный научный комплекс «Салют-5» — «Союз-24» мчался над Землей в бесконечном сплетении витков. Первый виток, второй, третий и... снова первый, второй, третий... под нами проплывали горы, реки, моря, океаны, поля, города... проплывала планета Земля с нашими радостями и бедами, созданием и разрушением, с миллиардами человеческих судеб... Отсюда, с высоты орбиты, хорошо видно, что сделал человек на Земле, что сделал хорошо, а что плохо, где помог природе, а где нанес ей огромный ущерб, как будто человечество выставило напоказ свои деяния, разумные и неразумные.

Едина и многолика наша планета. Она представляется огромной, когда идешь по полю, взбираешься на горы, плывешь в океане, летишь в самолете. Однако здесь, в космосе, оглянувшись вокруг, понимаешь ту бесконечную малость мира, который мы представляем, ту ничтожную малость нас самих и нашей красивой планеты. Мы любим свои родные места: свой город, свою деревню, свою степь, свой лес. А родную нашу Землю? Ее тоже надо любить. Одна она у нас — планета Земля. Второй Земли не будет.

Часто вспоминаю картины, открывавшиеся в иллюминаторе орбитальной станции «Салют-5» и космического корабля «Союз-24». Прижавшись щекой к иллюминатору, хотелось бесконечно долго всматриваться в красоту нашей Земли... Осталась позади Южная Америка, расцвеченная яркими красками Сарьяна, и в иллюминаторе появился могучий океан с волнами Айвазовского, а впереди уже встает туманная Англия, и в памяти рождаются картины Мане, а там, еще дальше — вечные льды Кента.

Над головой густая чернота Куинджи, а вот и Африка с кричащими красками Гогена, изумрудные атоллы Океании сменяют островерхие горы Тибета, и картины Рериха живым полотном бегут под нами, а вот и зеленые просторы Левитана, леса Шишкина — это моя Родина. Великий мастер — Природа создала полот-

на неповторимой красоте, к которой лишь приближают нас великие художники, глубже воспринимающие краски окружающего мира. Вспоминались слова людей, побывавших в космосе раньше меня и, наверное, так же, как и я, с восхищением и замираньем сердца смотревших на нашу планету с огромной высоты.

Первый космонавт планеты Ю. А. Гагарин писал: «Смотрел то в небо, то на Землю. Четко различались горные хребты, крупные озера. Видны даже поля. Самым красивым зрелищем был горизонт — окрашенная всеми цветами радуги полоса, разделяющая Землю в свете солнечных лучей от черного неба. Была заметна выпуклость, округлость Земли. Казалось, что вся она опоясана ореолом нежно-голубого цвета, который через бирюзовый, синий и фиолетовый переходит к иссиня-черному... При взгляде на нашу Землю с космической высоты поражает не только красота того или иного континента. Бросается в глаза их близость друг к другу, их единство. Все части света сливаются в одно целое. И как прекрасна стала бы жизнь на нашей планете, если бы молодые люди всех континентов Земли увидели, почувствовали свою близость, поняли, что у них есть общие интересы, которые могут создать чудесную планету для мира и дружбы... Облетев Землю на корабле-спутнике, я увидел, как прекрасна наша планета. Люди, будем хранить и приумножать эту красоту, а не разрушать ее!»

Джим Ловелл, одним из первых астронавтов США облетевший Луну, писал: «Там черно-белый мир. Там нет цвета. Во всей Вселенной, куда бы ни посмотрели, единственные признаки цвета были на Земле. Тут мы могли увидеть голубизну морей, желтоватый и коричневый цвет материков и облачную белизну... Наша планета была самым прекрасным зрелищем во всей Вселенной. Люди, живущие на ней, даже не представляют себе, чем они владеют. Может быть, потому, что лишь немногие из них имеют возможность оторваться от Земли и затем снова вернуться на нее, как это сделали мы».

Замечательные слова людей, всем сердцем ощутивших хрупкость и неповторимость нашей планеты.

Действительно, какое это счастье — жить на планете Земля, какое счастье, что люди имеют такую хорошую, красивую, уютную планету! И порой там, в космосе, мне хотелось крикнуть: «Люди, берегите Землю, она такая маленькая, хрупкая, нежная, ранимая, нет другой такой планеты».

И ведь правда, мы, земляне, пока не нашли братьев по разуму. Да и есть ли они вообще? И не являются ли попытки поджигателей войны попыткой уничтожить самое дорогое и высшее достижение в развитии Вселенной — разум? Трудно смириться с мыслью, что есть на Земле люди, которые видят свою цель в разрушении, уничтожении, войне, убийстве. Но ведь такие люди есть. Это они развязали две мировых войны, они сбросили на японские

города атомные бомбы... Они нагнетают напряженность, они форсируют гонку вооружений, изобретая все новые, изощренные способы массового уничтожения. Им уже мало океанов и морей, мало тверди земной и воздуха — им подавай войну в космосе.

В Соединенных Штатах в настоящее время ведется интенсивная подготовка к «звездным войнам». Создано объединенное космическое командование, которое собирается дирижировать занебесными носителями оружия. В секретных лабораториях вспыхивают мощные лазеры, создается лазерное, пучковое и другое космическое оружие.

Даже самые мрачные писательские фантазии — вспомните «Войну миров» Г. Уэллса или «День триффидов» Дж. Уиндема — кажутся детскими забавами по сравнению с чудовищными планами современных стратегов «звездных войн».

«Космос — это среда, откуда весь мир можно держать в страхе», — заявил один из американских астронавтов после полета на корабле «Спейс Шаттл». С таких позиций наша неповторимая Земля становится удобной мишенью, услужливо подставляющей под перекрестия космических прицелов континенты, страны, города. Разлетающиеся осколки спутников, сплетающиеся лучи лазеров, невидимые лучи-убийцы, ракеты, разрывающие на куски орбитальные станции, напряженные лица космических солдат, впившихся взглядом в прицелы, задыхающиеся звездолетчики, судорожно глотающие последние капли живительного воздуха, — вот космос глазами этих безумцев.

Земля под прицелом, города под прицелом, под прицелом детские сады, поля, села. Земля, лишенная спокойствия, лишенная радости жизни, лишенная счастья человеческого. Человечество, лишенное уверенности в завтрашнем дне, лишенное будущего. Но и этого мало мракобесам, их помыслы тянутся еще дальше, в глубь космоса — к Луне. И там мечтают они постронть военные базы, оттуда намереваются угрожать Земле.

Оружие, оружие, оружие... оружие под водой, оружие под землей, оружие на земле, оружие в воздухе, оружие в космосе. Надо быть настоящим безумцем, чтобы продолжать раскручивать новые витки гонки вооружений.

Позиции Советского Союза по этим вопросам определены — советские люди против любого оружия и на Земле, и в космосе.

Нельзя допустить, чтобы Землю рассматривали через прицелы космические, чтобы человек и сложнейшие компьютеры тщательно выбирали в проплывающих под ними континентах города, поселки, заводы, чтобы через секунды превратить все это в дымящиеся обломки, в безжизненные развалины.

И поэтому космонавты, видевшие черный космос, изумрудную Землю, белую Луну и далекие немигающие звезды, зачастую берутся за перо и пытаются рассказать обо всем этом людям. Пусть это

не всегда получается профессионально, но это слова, идущие от души, от сердца, это те мысли, которые рождаются в космическом полете, когда думаешь о Земле, о судьбах человеческих, о Вселенной, о разуме, о жизни. Порой это осмысление реальной действительности, а иногда на ум приходят фантастические гипотезы, космические коллизии, разного рода шуточные ситуации в заоблачных высях, исторические экскурсы ну и, конечно, взгляд обращается в будущее. А будущее зависит и от отношения к проблемам войны и мира, в частности к проблеме «звездных войн». Я бы сказал — это уже «реалистическая фантазия». Одним словом, в предлагаемой фантазии многие гипотетические события как бы нашли свое рассмотрение через восприятие реального космоса, реального космического полета, в котором мне выпало счастье участвовать.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ДРУГОЙ ЗЕМЛИ НЕ БУДЕТ

СОБЫТИЕ

Ракета застыла на стартовом устройстве, глядя в небо. Она была красива — белая, высокая, сверкающая на солнце. Мощь и стремительность удачно сочетались в ней. Лучшие умы планеты создавали ее и проявили себя как настоящие художники. Специалисты сновали на стапелях, окружающих ракету, — шла подготовка к старту.

На бетонном квадрате появился автобус, все оживились и устремились поближе к нему. Автобус остановился, из него неуклюже вышел человек, облаченный в ярко-оранжевый скафандр. Впервые здесь, на космодроме, отчетливо и ясно прозвучало новое слово — космонавт. Оно было торжественное и необычное, а материализованное воплощение его выглядело по-земному обычным и добродушным. Согбенная от скафандра фигура космонавта вызвала сочувствие, а перчатки, болтающиеся, как у детей, на веревочке, пропущенной за шейей, делали ее просто трогательной.

— К полету готов, — кратко доложил космонавт.

Лифт доставил его к вершине ракеты, и он исчез в черноте входного люка. Люк задраили, космонавт остался один на один с космическим кораблем, с премудростью его электронных устройств и клубками проводов. Он отлично разбирался во всем, что придумали и создали тысячи людей его страны.

Космонавт был светел умом, прост и надежен. Чи-

стые голубые глаза его впитали цвета океанов и неба, высокий лоб — мудрость народа.

Зажигались и гасли транспаранты — это включались на проверку и выключались многочисленные системы и приборы космического корабля. Спокойным зеленым цветом сигнализировали те из них, что были готовы к старту. Голос космонавта лился из динамиков, он рассказывал о своем корабле, который поднимет его в космос — туда, где никто из разумных планеты еще не был. Он — ПЕРВЫЙ.

Работа шла своим чередом. Вот отошли тяжелые фермы, обнимающие ракету, и теперь ее держали только цепкие руки тяготения. Планета пока еще не отпускала своего отважного сына, дерзнувшего разорвать пространство привычного мира.

Вот и время старта...

Человек с высоким, массивным лбом, широкий в плечах, впился крупными руками в микрофон:

— Счастливой тебе дороги! — волнуясь, напутствовал он.

Его голос слышали все и космонавт. Он улыбнулся, помахал рукой и задорно крикнул в ответ:

— Поехали!

Он был очень молод, Первый Космонавт Планеты.

Ракета ожила, пламя осветило «фундамент» величавого сооружения, и она сначала медленно, словно нехотя просыпаясь, как древний русский богатырь, оторвалась от бетона и металла, а потом ринулась в неизведанное, черное и бесконечное пространство, родившее когда-то саму планету.

Линия полета протянулась в космос и, не замкнувшись над планетой, устремилась вниз. С орбиты слышался голос космонавта. Его восхищение красотой планеты перемежалось деловыми сообщениями о работе корабля, о своем самочувствии, о первой встрече человека с космосом и невесомостью. Потом голос стал глуше, натруженнее. Своего посланца планета встреча-

ла навалившейся тяжестью, объятия ее были сильными и могучими.

И вот космонавт снова ступил на родную землю — радость переживали все. Планета была счастлива, ее люди доказали свою смелость и мудрость.

...Кор привычно бросил взгляд на экран, сегодня просматривался сектор звездной системы, где уже обнаружена жизнь и первые проявления ее космического века — спутники, взлетающие один за другим. Бесстрастные компьютеры Центра Галактики зафиксировали появление еще одного спутника.

«Внимающий мир» Кор уже хотел перевести экран на другой сектор, но остановился, вскочил и радостно побежал к «Познающему мир». Такого еще не было, в Центре господствовали узаконенная тишина и спокойствие.

Бор удивленно взглянул на ворвавшегося Кора.

— Бор, у нас радость, позволь тебя поздравить! В Галактике явилась еще одна планета, победившая тяжесть, — разумные третьей планеты желтой звезды вывели в пространство корабль с себе подобным, с разумным, Бор. Он уже на планете, все окончилось хорошо. Планета ликует. Бор, тебе просто везет, это уже пятая планета, запускающая разум при твоём дежурстве! Носители разума там — люди.

Бор не сводил глаз с радостного Кора.

— Их осталось три, Кор. Две разрушили друг друга. Настал трудный век и для планеты, о которой ты говоришь, маленькой и красивой. В руках ее разумных огромная энергия, знания и необъятное пространство. Как они распорядятся всем этим, Кор? Да будет путь их мудрым и светлым, да сумеют они сохранить Разум, Кор.

Кор возвратился к экрану и долго всматривался в планету-изумруд, кружащуюся в бесконечном танце

вокруг желтой звезды. Красота планеты зачаровывала и казалась Кору совершенной и вечной.

«Сколько же придется пережить вам, разумные, — думал он, — чтобы было действительно так. Показать бы вам всем вашу планету, люди смогли бы тогда лучше понять, чем они обладают, в какой красоте живут, что им подарила природа-мать. Вот бы их сюда, к экрану Галактики, где видны и развитие и разрушение». Кор вздохнул и перевел экран в сектор фиолетовой звезды с роем планет, летящих вокруг нее, — там, на пятой планете, зарождалась робкая, хрупкая жизнь.

ПОЛЕТ «СВЯТОГО ПАТРУЛЯ»

В кабине трое. Полковник Джон Грей, опытный пилот воздушно-космических сил США. Сорок пятый раз поднимает он махину из алюминия и стали в звездные дали. Устало прикрыты глаза, руки покоятся на подлокотниках кресла, не дремлет только мозг, до автоматизма отслеживая команды наземных служб.

«Домой попаду не скоро, — размышляет Грей. — Как там дела у Дика? Что-то творится с парнем. Серьезный, слишком серьезный, тоже хочет заняться космическими деньгами. Но они трудные, очень трудные, эти деньги. Давно прошла романтика, в космосе делают работу, бизнес вышел на орбиту. А где бизнес, там грязь. Эх, да разве объяснишь тебе, Дик, что твой отец, седой и легендарный астронавт, стал космической лошадью, которой управляют «мундиры»? А вожжи тянутся в «серый дом»... Раньше хоть приказ давали по-человечески: устно или пакет с заданием. А теперь... Сэр, получите приказ: программа в ведущем компьютере номер один, банк данных с коррекцией на третьи и пятые сутки. Ваша задача, сэр, обеспечить выполнение программы. И все. Вроде ты летишь помогать этому чертову ящику — компьютеру, «умнику», как его удачно

обозвал Вирджил. Вот и сейчас: в брюхе «Святого патруля» семь контейнеров, семь длинных черных ящиков. Работа по особому указанию. Пятый контейнер особо важный, не подлежащий контролю. При работе с ним коэффициент осторожности единица, такого еще не было. Нет, хватит. Хватит катать в космос этих «котов в мешке» в виде длинных стальных контейнеров, похожих на гробы, а то все больше поговаривают, что среди них...»

Мысли Грея прервал голос ведущего старт.

— О'кэй! Ведущий компьютер дал норму. Через пять минут дадим пламя. На связи я, Хью.

— О'кэй, старина Хью. Ты опять меня провожаешь. До скорого. Ты только смотри не зажарь нас в этой старой сковородке, давай пламя плавнее, я ведь уже не молод. На борту норма. Юджин крутит головой так, что подшипники его шлема не заржавеют еще лет сто, они, наверное, раскалились докрасна. Юджин, не обожги шею! Вирджил, как всегда, дремлет. Хью, дай ему в наушники песню о Мэри. Вирджил, ты меня слышишь?

— Слышу, Джон, слышу. Ты опять шутишь. Придумал бы что-нибудь новое. Дайте объявление в газетах, Хью, что у меня уик-энд. Каркайте дальше, старые вороны, дайте мне отдохнуть, — добродушно проговорил доктор Кросс, специалист по полезной нагрузке.

— Юджин, как дела? — поинтересовался Грей.

— На борту порядок, сэр, системы, вверенные мне на контроль, в норме. Средние отклонения в коэффициентах 0,05, — четко доложил второй пилот Хьюз.

«Новичок, сразу видно, новичок. Наверное, и я таким был в первом полете. Наверное, не отвяжется от мысли: как оно все будет там, в космосе? Ничего, он парень крепкий. Поговаривали, правда, что после нашей конюшни, авиационно-космической, он еще где-то пропадал почти полгода. Каких мустангов ты там объезжал, красавчик ковбой по имени Юджин? Уж не серой ли масти? Еще молод, а уже капитан...»

Сигнал готовности прервал мысли полковника.

— Приготовиться к старту, проверить ремни, стекла шлемов вниз, кресла на старт, руки с пультов прочь. Молитесь на пламя, — проревел динамик. И тут же: — Джон, слышишь, Джон, даю пламя... Десять процентов, двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят. Сейчас встанешь на пламя. Шестьдесят, семьдесят, восемьдесят, девяносто, сто. Джон, лети в свою преисподнюю, передай привет знакомым чертям и возвращайся. Хью ждет тебя. Слышишь, Джон?

— Хорошо, Хью, вернусь, раз ты ждешь. А ты посмотри за моими бесенятами. К Дику зайди, он что-то не в себе. Да, Хью, у тебя спички есть?

— Есть, Джон, а что?

— Сунь в пламя, а то тяга мала, — расхохотался Грей.

Гул пламени слился в единый сплошной рев, и тысячетонное, неуклюжее на вид сооружение сначала медленно, а потом все быстрее ринулось в космос.

На орбиту легли удачно, без потерь и поломок, да и Юджин вроде бы сразу подружился с невесомостью. Это уже удача...

— Юджин, присмотри за ориентацией, проверь системы. Вирджил, погляди на свои контейнеры-подкидыши, как они там? Ангар откроем потом. Мне не понравился на выведении второй силовой агрегат. Я пока займусь его проверкой. За работу, парни.

Второй пилот Юджин Хьюз бросил взгляд в иллюминатор. Земля была над головой. Необычно, красиво, но любоваться этой красотой некогда. Ориентация держится хорошо, корабль огибал Землю, вращаясь с той же угловой скоростью, с которой летел вокруг Земли. Благодаря этому, когда будет открыт ангар, приборы цепко схватят Землю под свой контроль, а компьютеры, обрабатывая информацию, будут что-то передавать в антенны «серого дома». А что за информация, знают только «мундиры»... Второй компьютер дал норму бор-

товых систем, третий проверил системы открытого космоса, тоже все в норме. Ведущий компьютер пока важно молчал, неторопливо моргая табло в режиме ожидания.

— У меня все о'кэй, сэр, — доложил Юджин Хьюз.

Доктор Кросс занимался своими компьютерами и контейнерами. Тесты самопроверки компьютеров, нянчивших контейнеры, показали, что все в порядке. Кросс запустил программу проверки, и компьютеры загудели, прошупывая «подкидышей», размещенных в ангаре. Все в порядке, полезная нагрузка готова к работе. Первый, второй... четвертый. А как там пятый контейнер? На него подключен свой, тоже пятый, компьютер. Тест самопроверки, пятый компьютер в норме. Кросс включил тест проверки контейнера. Привычное гудение машины внезапно прервалось. «Выдача информации запрещена, тест-проверки не включать», — четко светилось на дисплее.

«Ого!» — присвистнул Кросс и снова включил тест. Никаких результатов. Он враждебно посмотрел на компьютер, как бы обвиняя его в недоверии, но тут же одумался. При чем здесь машина? Сознвая бесполезность своих действий, он еще раз нажал на клавишу проверки пятого контейнера.

На сей раз результат не замедлил последовать. Компьютер загудел, будто тяжело вздохнул, и... отключился от бортовой сети.

— Обедать, — объявил Джон Грей.

Все поплыли на кухню, раскрепились вокруг обеденного стола.

— Меню на дисплее, — любезным женским голосом объявил компьютер систем жизнеобеспечения, и по экрану побежали строчки вариантов обеда. Они перемежались кадрами с дымящимися супами, поджаристыми бифштексами и улыбающимися красавицами, посыпанными и поливаемыми все эти прелести специями, соусами и приправами.

Вариант под номером три заканчивался словом «SHASLYK». В кадре показались Кавказские горы, гуляющие барашки, поджаривающиеся на костре шашлыки и усатые люди в бурках, со сверкающими глазами, заглатывающие куски жареного мяса. Голод поволчы заворочался в желудке.

Все дружно потянулись к клавише с вариантом три.

— О'кэй, — ответила на это машина, даже вроде с иронией.

С потолка медленно выползала змееподобная гибкая трубка.

— Мистер Грей, прошу, ваш бульон, — вежливо предложила машина.

Такие же трубки спустились к двум другим астронавтам.

Полковник Грей с удовольствием посасывал горячий бульон, прикрыв глаза и вспоминая свой дом, Калифорнию.

Юджин Хьюз уплыл к иллюминатору. Рассматривая Землю, вытянул свою трубку чуть ли не во всю длину. Доктор Кросс быстро справился с луковым супом и уже просил второе и кофе. Из открывшегося отверстия показался пакет с шашлыком. Кросс извлек пакет, вскрыл его и с удовольствием стал жевать мягкое, вкусное мясо. По кабине распространился аромат жареной баранины. Грей и Хьюз, бросив свои трубки, тоже взялись за шашлык. Покончив с кофе, все три астронавта перешли к неторопливой беседе.

— Сэр, расскажите что-нибудь о своих прежних полетах, — попросил Хьюз. — То, что больше всего запомнилось.

— Это трудно, Юджин. Любой полет имеет свой «изумруд». На Луну — одно, около Земли — другое. Но вот когда я шел на посадку на старушку полосу соляного озера в своем тридцать третьем полете, а на хвосте не доставало теплозащиты, это действительно захватывало дух. Хвост прогорал на глазах, и я не знал, хватит

ли его до посадки. Бог был милосерден, хвоста хватило, хотя еще минута, и он бы летел отдельно, и мы отдельно. В мыслях я уже готовился к катапультированию кабины, но внизу были горы, и я тянул до последнего. Вот так-то, спаси нас бог. Юджин, расскажи-ка и ты о своих делах, космос располагает к откровенности. Земля и люди, наши земные невзгоды и удачи остались внизу. В космосе мы одни.

— Что тут долго говорить, сэр, жизненный путь мой короток. Окончил школу летчиков-испытателей ВВС, потом аэрокосмическую, да это вы знаете. Тестовые имитационные полеты прошли удачно. А теперь с вами, сэр, в полете реальном... Я счастлив, сэр!

— Как твои личные дела, Юджин? — поинтересовался Кросс. — Помолвка скоро?

— Нет, пока нет. Но в прицеле девушка есть. Встретил на Майами-Бич. Работает в баре «Рай дьявола». Забежал на пляже глотнуть виски. Отдал свои доллары, их быстро убрали со стойки красивые руки. Поднял глаза на их обладательницу и... утонул в ее голубых глазах. Чтобы не захлебнуться, пришлось потратить много усилий. Двадцать долларов хозяину, чтобы заменить у стойки Сьюз, пятьдесят просадил тут же, в «Рае», чтобы произвести впечатление, пятьдесят в баре и отеле неподалеку. Но это все оправдалось. Утром она поинтересовалась моим бизнесом, я ответил. И вдруг полились слезы. Я был ошарашен. Оказалось, она жалеет меня и ужасно боится этой «черной дыры», как она назвала космос. И я влюбился, влюбился выше ушей. И сейчас люблю свою Сьюз. Очень ее ревную, ее бизнес слишком бойкий, парней крутится в баре рой, да и старичков с мешками долларов немало. Вот так. На пляже их забегаловка видна неплохо, много неона. Думаю, найду их отсюда. Посмотрю, не слишком ли много машин прибудилось возле моей Сьюз.

— Ну, ну — засмеялся Кросс, — карауль свою Сьюз, ведь ты на «Святом патруле». А как обнаружишь со-

перника, пошарь в брюхе «Святого». Может, найдешь что-нибудь получше 38-го калибра.

— А полгода после аэрокосмической ты где был? — поинтересовался Грей.

— Сэр, позвольте не отвечать на этот вопрос. Сказать правду я не могу, а обманывать не хочу.

— О'кэй, Юджин. Спасибо за откровенность, — помедлив, сказал Грей. Да, дела: странный пятый контейнер, автономный пятый компьютер, Юджин, избегающий правды. Все складывается в какую-то цепь. Ну ладно, космос проявит всех, как лакмусовая бумажка. Пока посмотрим. И Вирджил что-то задумался...

— Эй, Вирджил, а что успел ты? Мы с тобой не летали полетов шесть. Как ты провел эти полтора года? Как твоя Мод?..

— У Мод все в порядке, Джон. Родила мне третьего, Майкла. Мой Майкл уже много умеет. Он шустро вращает глазами, мало ест, кричит и заставляет носить ему чистые простыни... А работал я в институте Коллинза, мы проектировали какую-то систему управления. Все сидели в отдельных комнатах, даже ленч и обед в разное время. Знаю только, что боссов очень заботила защита системы от излучений. Тут-то, Джон, я и блеснул. Шеф запрыгал как кенгуру, когда я подкинул свою идею. Она очень проста, но ее сразу засекретили, спрятав в стальные мешки фирмы. Все равно она у меня перед глазами, эта идея. Я спал и видел ее, я ее вынашивал, как мать ребенка, бережно и осторожно, я ее родил на свет божий. Я очень горжусь ею, Джон.

— И ты совсем не летал, Вирджил?

— Нет, Джон. Но тренировался четыре месяца, так что форму не потерял. На этот полет не рассчитывал. Но заболел Буль, ты знаешь, он подцепил где-то корь. Это в его возрасте! Вот мне и всучили этих «подкидышей», что в брюхе нашего «Святого». Чувствую, один из них явно серой масти. Пятый контейнер. Знаешь,

Джон, я не сторонник мундирных дел. Не по душе мне этот «подкидыш»...

— Ну, дело твое, — сказал Грей. И, помедлив, командовал: — По пультам! Время вышло, кончай разговоры. Приготовиться к открытию створок ангара. Пусть наши «подкидыши» подышат свежим космосом. Юджин, запроси «умника», когда и что делать. И пусть трудится сам, мы сядем на контроль.

— Есть, сэр, — на военный манер ответил Юджин и запросил данные о программе. На центральном экране появилась карта Земли, изогнутая змея траектории корабля, часы и минуты текущего времени.

— Внимание, — послышался мелодичный машинный голос. — Условия операции выброса: ориентация на двигателях средней тяги, створки на Землю. Раскрытие створок над Черным морем, над Сибирью выброс первого контейнера, с интервалом в четверть витка выброс второго, третьего и четвертого. Привязки по времени на экране. Управление от ведущего компьютера. Спасибо за доверие.

— Издевается, — пробурчал Грей. — Это мы им доверяем, а они? Вот пятый даже отключился от общей сети. С остальными-то ясно — глобальная связь из произвольной точки с передачей по спутниковой цепи...

— Далее замеры фонового излучения за бортом, — продолжала машина. — Работа сразу после выброса четвертого контейнера. Детектор выносится на манипуляторе, удаление от корабля на максимум, замер по всему витку. Напоминаю, пятый контейнер не подлежит контролю. К нему допущен лишь капитан Юджин Хьюз, второй пилот, документация в нише номер пять, шифр по варианту семь. От имени руководителя полетной программы и министерства обороны желаем вам успешной работы.

«Ну ладно, — подумал Грей. — Наконец-то кое-что прояснилось. Мой второй пилот все-таки не просто второй. Того и гляди скажут, что второй пилот — это я...»

Тем временем Кросс, молча проглотив речь информатора, с нескрываемым интересом смотрел на Хьюза. Тот отвел глаза. Неловкое молчание прервали сигналы внимания. Пришла пора включать ориентацию. Корабль, и без того смотревший на Землю «спиной», сначала замер, остановив медленное вращение, потом плавно повернулся по крену и продолжил свой безмолвный марафон. Вот и Черное море, телекамеры показали, как медленно сложились створки ангара, будто поджал свои длинные ноги кузнечик. За створками открылось огромное брюхо ангара с прилепившимися, словно сонные пчелы, контейнерами. Первый из них мигал ярким пульсирующим светом, как бы проявляя предстартовую нетерпеливость. Это сигнал готовности к выбросу. На экране дисплея засветилась надпись: «Первый готов, до старта одна минута».

— Вероятность успеха запуска 0,99, — прозвучал голос компьютера.

— С нами бог, — выдохнул Грей.

Экран ожил. Контейнер нехотя оторвался от брюха корабля и осторожно выскользнул из ангара. Ярко вспыхнули огни малых двигателей, и угловатый спутник стал удаляться от махины корабля.

«Одним меньше», — облегченно подумал Грей.

Строго по программе были выброшены второй, третий и четвертый контейнеры, ставшие спутниками планеты. Они мчались друг за другом цепочкой, словно стая гончих собак.

— Сэр, пора выносить детектор, — напомнил Кросс.

— Это твоя работа, Вирджил, действуй. Система стабилизации в автомате, «умник» за ней присмотрит. Проверь сначала манипулятор, а как таскать детектор, ты знаешь не хуже меня.

— О'кэй, сэр. Разминка не помешает. — Кросс поплыл в сферу верхнего обзора и управления. Прозрачный пузырь возвышался в кормовой части кабины экипажа, позволяя осматривать всю верхнюю полусферу

над кораблем. Кросс подплыл к пульту управления, просунул руки в герметичные перчатки и погрузил их в вязкую, прозрачную жидкость. На экране дисплея возникли контуры манипулятора и детектора, покоящегося в ближнем углу ангара.

— Сэр, разрешите поработать самому, пусть «умник» полюбуется на мое искусство, — попросил Кросс.

— Разрешаю, — ответил Грей. — Работай, Вирджил. Видно, ты соскучился по космосу среди белых халатов. Разомнись, док.

Это очень просто. Надо прямо руками взять модель детектора, находящуюся здесь же, в этой вязкой жидкости, а манипулятор, извиваясь, как живая анаконда, точно повторит все движения и надежно схватит детектор, удерживая его железной лапой. Движения рук Вирджила плавные, их сковывает, сглаживает вязкая среда. Послушный этим движениям, оживает манипулятор. Вот он, плавно изогнувшись в своей конечной части, освободил среднее, а потом начальное звено, дав сам себе полную свободу. Теперь не спеша к детектору. Вот и он, небольшой черный ящик. Надо и его освободить от крепления, это легко. Теперь ухватить за транспортную скобу. Это тоже не составляет трудности.

— Детектор включить на удалении не менее тридцати метров, — неожиданно вмешался компьютер.

«Начинается!» — выругался про себя Кросс.

— Включить детектор! — подал он команду вслух.

Но она осталась невыполненной. Еще и еще раз. Безрезультатно.

«Черт бы их побрал, заблокировали через «умник»-компьютер. Ну да ладно, не на того напали. Компьютер я обойду, не будь я Вирджил Кросс, но погодя...»

Вытянув манипулятор на всю длину, Кросс передал управление на компьютер. Пусть сам измеряет космический фон. Но как его перехитрить? Отключить, имитируя замыкание? Бесполезно. «Умник» тут же переключит контроль на резерв. Значит, его, компьютер,

надо ошарашить, как человека, неожиданной ситуацией... Тогда, может быть, и он ошибется, отвлечется, на время «позабыв» о детекторе.

Перейдя на ручное управление манипулятором, Кросс, словно охотник в засаде, ожидал удобного момента. Медленно перемещал он манипулятор, ощущая всем своим существом контроль со стороны компьютера. Догадка скоро подтвердилась, компьютер выключил детектор в нескольких метрах от корпуса «Святого». Все ближе и ближе ангар. Пятый контейнер и детектор расположены в его противоположных концах.

«Даст ли «умник» пронести детектор вблизи пятого контейнера? Наверняка нет. Вот он, критический момент», — напряженно размышлял Вирджил. И решил:

— Срочно проверить все системы, включенные в режим, усилить захват детектора, контроль стабилизации, створки ангара зафиксировать в открытом положении, ручное управление манипулятором не блокировать, — подал он команды компьютеру.

Он рассчитал точно. Машина замечала свои электроны по многочисленным системам корабля, запоминая и интегрируя результаты измерений. Выходные блоки перегрузились, и компьютер отключил лишний контроль, в том числе и блокировку включения детектора, не столь важную для текущего момента, который крайне усложнили команды Кросса. И он ловко воспользовался короткой ошибкой машины, быстро переместил детектор в район пятого контейнера и включил. Машина тут же «опомнилась», взяла управление на себя, выключила детектор и водрузила его на место в ангаре. Но поздно, дело сделано!

— Внимание, внимание! Допущено отклонение от инструкции управления манипулятором и детектором. В тест-блоки компьютера была введена голосовая информация о необходимости проверки систем и ряд других команд, не согласующихся с положением на

борт. Подробный отчет о работе автоматики и других операциях готов, логические блоки не в состоянии оценить причины и цели действий доктора Кросса. Предлагаю срочное психологическое обследование.

Машина умолкла, храня в себе обвинительный акт против Кросса.

«Все-таки ты ничего не поняла, умная железка, набитая электронными мозгами», — злорадно подумал он.

Джон Грей, разумеется, не последовал совету машины, он сразу понял истинную цель действий доктора Кросса. Подлетев к нему, положил руку на плечо, дружески сдвинул. Обменявшись понимающими взглядами, они устроились у накопителя научной информации, запросили данные замеров детектора. Почти постоянный уровень радиации за бортом, ничего удивительного. Вот отметка о выключении детектора, кривая фона легла на ноль... А вот то, что они искали: резкий скачок радиации, значительно превышающий уровень фона, и опять ноль — компьютер вновь отключил детектор. Это замер, соответствующий включению детектора вблизи контейнера номер пять. Кросс добился своего.

— Что скажешь, Джон?

— Ясно одно, в пятом уран. Больше ничего пока сказать нельзя. Уран в таинственном пятом контейнере, автономный компьютер, Хьюз со своими личными инструкциями. Сложный клубок. Юджину пока ни слова, посмотрим, что будет дальше.

— О'кэй, Джон, хорошо, что мы вместе, что нас двое. Могло быть и по-другому, старина.

Прошел день, другой. На орбите было спокойно, работа шла своим чередом. Спала Земля, спали люди, а из космоса на них смотрели приборы. Казалось, забылась история с детектором, помнил о ней лишь компьютер, спрятав обвинения доктору Кроссу в стальных хранилищах информации. Что касается обнаруженного урана, ну что же, уран и уран. Возможно, источник

питания или еще что-либо. Грей старался отогнать от себя другие предположения.

Как-то во время отдыха экипаж разлетелся кто куда. Грей разместился в библиотеке, читал свои любимые детективы, где нестареющий агент 007 ловко проникал на очередную военную базу, вскрывал сейфы, крошил черепа охранникам и уносил секреты. Юджин Хьюз увлеченно возился на своем рабочем месте. Кросс, случайно оказавшийся рядом, с интересом наблюдал за его действиями.

Хьюз включил прицел, установил усиление. Кросс взглянул в иллюминатор. Под кораблем просматривалась береговая черта, знакомые очертания. На прицельном экране дисплея появился Майами-Бич.

«Вот оно что. Решил посмотреть, как там дела у Сьюз», — понял Кросс. Тем временем Хьюз уточнял наведение.

На экране мелькали берег моря, прибой, строения, бунгало, вот стоянка автомашин. Сегодня воскресенье. Машин много. На экране остановилась крыша высокого здания, похожего на полуразвалившуюся трубу.

«Рай дьявола», — догадался Кросс.

Вдруг картина резко сменилась. На экране возникли какие-то другие строения, руки Хьюза заработали с быстротой и слаженностью автомата. Строения застыли в прицеле, они видны все отчетливее, руки Хьюза тянутся к устройству ввода данных предварительного прицеливания. «Данные введены», — гласит надпись на экране. Сброс операции. Повторение прицеливания автоматом.

«Вероятность благополучного исхода операции в обоих случаях 0,99», — появилась надпись на экране.

«Благополучного», — усмехнулся Кросс.

Экран вспыхнул вновь. Теперь в прицеле крупный танкер, разрезающий волны океана. Повторение тех же операций. На экране мелькают города Европы, Азии, Австралии, Южной Америки...

На следующий день Хьюзу прибавилось работы. Он получил телетайп, адресованный лично ему, остальным предписывалось во всем содействовать второму пилоту. В акватории Индийского океана наблюдалась активность на море и в воздухе. Можно было видеть огромные палубы авианосцев, узкие рыла боевых кораблей, толстые, неуклюжие транспорты, воздух был испещрен инверсионными следами самолетов. Чувствовалось, что здесь заваривается очередная каша. Хьюз не отрывался от прицела, что-то наблюдал, высчитывал, заносил какие-то данные в банк оперативного анализатора и хранителя информации, вел переговоры с Землей на понятном лишь ему кодовом языке. На борту «Святого» царило напряженное ожидание.

Закончив очередные переговоры, Хьюз попросил Кросса заняться контролем положенных ранее на орбиту контейнеров, а Джона, извинившись, — проверкой всех систем корабля по коэффициенту полной готовности. С Земли обязали обоих подчиниться этой просьбе, как приказу.

Работа на борту закипела. Дел хватало всем. Информация стекалась с периферийных компьютеров к ведущему. Тот четко чеканил на экране дисплея результаты проверок и обобщающие выводы.

Резкая сирена заставила всех вздрогнуть. Астронавты замерли вслушиваясь.

— Боевая тревога, боевая тревога, — пролаял динамик. — Ответственный за выполнение приказа командир экипажа полковник Грей. Боевое задание капитану Хьюзу по варианту номер три, цели пять, шесть, семь, готовность полтора часа. При работе с целями внести в программы результаты наблюдения с орбиты. Доктор Кросс обеспечивает постоянную готовность контейнеров на орбите, резерв в ангаре, контейнер номер семь. Обратит внимание на объекты, появившиеся в районе контейнеров и не имеющие опознавательных признаков нашей государственной принад-

лежности. Капитан Юджин Хьюз, приступить к работе с контейнером номер пять. Блокировки сняты. С нами сила и бог!

— По местам! — скомандовал Грей. — За работу, время не ждет.

Через час, оторвавшись от компьютера, Хьюз с досадой доложил на Земле об отказе в пятом контейнере. Земля не заставила себя ждать:

— Капитан Хьюз, у вас два часа. Эта часть задания ваша, всю ответственность за нее несете вы. Напоминаем, задача боевая.

Хьюз выхватил из пятой ниши документацию и углубился в размышления. От волнения он, нарушая инструкцию, остался в общем салоне. Шли минуты. Зло кусал губы, ругаясь от досады, бормоча проклятия... Растерянno обвел глазами салон. На лице была беспомощность.

— Помочь? — предложил Кросс.

— Запрещено, — ответил Юджин, продолжая изучать схему.

Доктор Кросс невольно взглянул на чертеж. И... как гром среди ясного неба! Ведь это его схема, его детище, рожденное им и отнятое у него в угоду «серому дому»...

«Но ведь эту схему «мундиры» приспособили к атомной бомбе, именно поэтому ее так строго засекретили и упрятали в стальные сейфы. Бог мой, неужели пятый контейнер... Боевая готовность! А моя схема, мое детище? Как хотелось, чтобы она работала! В конце концов, не мне отвечать за это, пусть отвечает и решает Юджин. Я член экипажа, я даже не военный. Пусть решает Юджин, Грей, наконец, ведь он полковник, командир экипажа. Ладно, я подскажу, а решают пускай они», — лихорадочно думал Кросс.

— Эй, дружище, я в курсе этой схемы, она моя, я над ней немало попотел. Отказ там. Надо сделать сброс схемы и повторить сначала. Дай указание пятому «умнику», чтобы после проверки правой части он сделал

задержку на десять секунд, иначе схема опять запрет-ся. И все пойдет как по маслу. Прости, что я увидел ее, это случайно. Извини, Юджин.

— Спасибо, Вирджил, — взволнованно проговорил Хьюз, — сейчас прогоним в твоём варианте, и все будет о'кэй. Спасибо.

— И ты бросишь эту штуку на Землю, Хьюз? — тихо спросил Грей.

— Да, в Индийский океан, в район Персидского залива, сэр, так велит приказ, — выпалил Хьюз и тут же спохватился: — Если подтвердят приказ, сэр.

— А что внутри, ты знаешь?

— Нет, для меня это просто контейнер номер пять, Вирджил. А что там внутри — не моё дело.

— Юджин, в нём ракета с ядерным зарядом. Это я знаю наверняка. А теперь думай, это твой бизнес.

Второй пилот побледнел, рука, протянувшаяся к запуску тест-программы пятого контейнера, повисла в воздухе.

— Что ты сказал? — прошептал он. — Ведь под другими номерами целые города, там живут люди. Ты не ошибся?

— Ошибки нет, Юджин, — сурово промолвил Грей, — Вирджил не станет врать, я с ним не первый раз на орбите.

Хьюз посмотрел на часы. Ещё полчаса. А потом? За иллюминатором простирался океан, береговая линия, прибой.

— Сьюз, Сьюз, что же мне делать, Сьюз, — беззвучно шептал он дрожащими губами, — что делать, что делать?

— Юджин, если хочешь, я помогу. Схемы я не видел, ты инструкцию не нарушал. Прогони ещё раз три тест-проверку контейнера, не пользуясь моим советом. Схема опять запретится, готовности снова не будет. Сбрось эти данные на Землю и молчи. «Серый дом» ска-

жет, что делать дальше. Не думаю, чтобы «мундиры» быстро докопались до истины, я на это потратил годы. Ты будешь морально прав, Юджин.

— Я тоже так думаю, — поддержал Грей.

— Спасибо за совет, — ответил Хьюз.

«Выход правильный, технически правильный, — думал он, — но ведь есть приказ, есть моя военная карьера. А время идет, его не остановишь. Но вторая Хиросима — это ужасно. Господи, за что же на меня все это, помоги мне, господи...»

Включив тест-программу проверки пятого контейнера, он с надеждой и страхом ждал результата. Конец проверки, схема неисправна, готовности нет. Вот и конец второго теста. Результат тот же. Все, в запасе всего десять минут.

«Проклятый «подкидыш»!» — мысленно выругался Хьюз, взглянув на контейнер, видимый на экране дисплея.

В середине третьего теста взвыла сирена повышенного внимания. Все замерли. Хьюз побледнел, до крови закусив губу.

— Полет прекратить. Поздравляем с успешным завершением тренировочного полета по боевому патрулированию. Посадка на полосу двадцать восемь, ветер сто пятьдесят градусов, четыре метра в секунду, нижний край облачности тысяча метров, аэродром готов к приему корабля. Закрывать створки, раскрепить контейнеры. Особое внимание креплению пятого контейнера, пятый компьютер отключить. Помогите вам бог! — прозвучало в динамике.

— Слава богу! — возликовал Хьюз.

— Занять кресла, — скомандовал Грей, — работа по посадочному расписанию. Поздравляю. Орбитальной тренировке конец. Юджин, выше нос.

— Да, сэр, — радостно откликнулся второй пилот.

— Этот полет заканчивается, Юджин, но ведь будут

и другие... Помни об этом, Юджин, — тихо проговорил Кросс.

«Святой патруль» со смертью в брюхе устремился к Земле, возвращаясь из очередного рейса.

ЧЕРНОЕ БЕЗМОЛВИЕ

Мчалась в бесконечном пространстве изумрудная планета, планета, несущая жизнь и разум. Она цвела, радуясь лучам теплого светила, оглашая твердь, небо, моря и космос разноязычным многоголосьем. Несущие разум рвались познать мир, в котором они живут, свое место в общей беспредельности. Они обрели власть над энергией своего светила.

Ширились познания, росло любопытство, все глубже проникал пытливый ум в безмолвные волны летящего времени, в глубь беспредельного пространства, разыскивая себе подобных, посылая сигналы, отправляя в дальние путешествия автоматические аппараты с рассказами о себе, о своих городах, лесах, океанах, о мире звуков и красок, искусстве, письменности, языке. Посланники неслись все дальше и дальше, храня в себе эти знания, ставшие сами за время полета уже далекой историей...

Цивилизация изумрудной планеты уже не раз вступала в контакт с себе подобными, объединившись в межгалактическое содружество.

И вот однажды люди получили сигналы молодой цивилизации, рожденной на периферии спиралевидной галактики. Ее посланец достиг Земли и рассказал об одном удивительном и гармоничном создании природы...

...Наш корабль вздрогнул и остановил свой бег. Мы находились в области планеты, окруженной тонкими кольцами, здесь жили те, кто прислал нам посланца. Наконец-то корабль мог отдохнуть! Отдыхали и мы, «группа удовлетворения первого любопытства», как нас шутливо называли дома.

Мы не спешили открывать иллюминаторы, опыт на учил нас остерегаться потока информации, врывающегося в разум, будоража и возбуждая его. Мы стали осторожны.

Пусть сначала осмотрится наша электроника, ее бесстрастные чувства точны и безошибочны, лишены эмоций и потому не подведут.

Нас было пятеро: координатор экспедиции Тим, его помощник Хак и группа непосредственного контакта — пилот исследовательского бота Тод, разведчики: Кет и я — Дик.

Система контроля безопасности не подавала признаков беспокойства: мягкий спокойный свет разливался по отсекам корабля, а музыка, звучащая в салоне, несла успокоение. Вокруг корабля и внутри его ничто не вызывало тревогу.

Но все же все мы были напряжены, мы ждали разрешения Тима на обзор Вселенной. И Тим, понимая наше состояние, дал разрешение. Защита иллюминаторов стала медленно открывать обзорное поле. Это было похоже на расширяющийся туннель, ведущий в безграничность Вселенной. Перед взором исследователей возникла чужая чернота космоса с незнакомым рисунком созвездий. Звезды дрогнули и поплыли в иллюминаторе — наш корабль начал свое вращение, как бы осматриваясь вокруг.

В иллюминаторе показалась огромная планета.

— Пятая планета, — подсказал компьютер. — Она самая большая: по тем сведениям, которыми мы располагаем, она значительно больше планеты, к которой мы летим, вернее, вы летите, — как будто с некоторой юризной добавил компьютер.

Корабль продолжал свое размеренное вращение. — Вот она, вот их звезда! — воскликнула Кет.

Перед нами сияла золотая звезда, живительная звезда системы, в которой мы оказались после броска во Вселенной.

Перелет к планете не составил труда. Приближаясь к ней, мы включили все средства приема информации и торжественно передали наше межгалактическое приветствие. Но нас встретила полнейшая тишина. Еще и еще раз мы посылали обращение к цивилизации планеты, сообщая, что мы здесь, рядом, что мы готовы к встрече на планете или на орбите, просили сообщить нам координаты разрешенной посадки, но все было тщетно. Тишина. Все тревожно всматривались в иллюминаторы, вслушивались в шорохи в космосе, но ничто не говорило о готовящейся встрече. Мы проверили координатор пространства, он точно вывел наш корабль в систему, давшую о себе знать, координаты совпадали, структура системы тоже. Мы ничего не понимали.

— Посадка на спутник планеты. Готовьте компьютер к посадке, меры предосторожности максимальные, усильте контроль окружающего пространства. — Голос Тима был тверд и спокоен.

Посадка на спутник, вращающийся вокруг планеты, была делом обычным. Он был как будто специально создан для наблюдения. Рассматривая поверхность спутника, все мы отметили какую-то его опустошенность, не было на нем признаков жизни: бескрайнее каменное море с застывшими в вечном безмолвии глыбами-волнами. Унылая картина. Черно-белый мир, мир, лишенный цвета, царствовал вокруг, куда бы мы ни обращали взгляд. И только планета, позвавшая нас, владела гаммой красок: голубизна морей, белые облака, желтовато-коричневые цвета материков... Планета, величаво вращаясь, показывала со всех сторон свое величие. Но долго любоваться мы не имели права — надо было разобраться, понять, что же случилось, что произошло, почему молчит планета. И более детальное изучение планеты вызвало тревогу: на суше видны огромные кратеры, не было городов, возделываемых полей, волны океанов и морей омывали безжизненные берега.

— Может быть, что-то случилось и жители ушли вглубь? Или на дно океана?

Вокруг планеты вращались спутники. Мы изучили их орбиты. Компьютер долго анализировал собранную информацию, сопоставляя ее с моделью, построенной на основе сообщения посланника, долетевшего до нас, до нашей Галактики. Казалось, компьютер морщит лоб, напрягая свою гигантскую голову, и, наконец, он дал решение, предупредив о возможных неточностях и ошибках.

— Цивилизация планеты, — сказал компьютер, — достигла умения пользоваться малой частью энергии своего светила и использовала энергетические ресурсы планеты. В космическом развитии был достигнут уровень, позволяющий перелетать к ближнему небесному соседу. Спутниковые системы, видимые вокруг планеты, в основном представляют собой хранилища больших энергий.

Сообщение компьютера еще больше насторожило нас.

— Нужен непосредственный контакт, нужно вести поиск жизни там, в ее недрах или океане, — сказал Тим, — другого выхода у нас нет. Старт завтра.

Ранним утром мы были готовы к старту. Десантники заняли места в боте и стартовали, устремившись навстречу неизвестности. Приближаясь к планете, мы всматривались в очертания ее материков, веря в лучшее, но взгляды скользили по унылым, безжизненным ландшафтам. Лишь система спутников указывала на принадлежность планеты к обитаемым: спутники были явным творением разума и труда. Они безмолвно мчались по своим орбитам, словно стая хищников, выследивших свою добычу.

— Посмотрите налево, Тод, — сказала вдруг Кет. — Один из спутников напоминает ошестинившийся ящик.

Действительно, слева висел длинный, неуклюжий предмет с массой люков, антенн, иллюминаторов.

— Пощупайте его радаром, Дик. Может, он откликнется, ведь зачем-то он здесь летает, — предложил Тод.

Я включил радар узкого луча и медленно повел им в сторону спутника. Вот луч коснулся спутника, побежал дальше и, скользя по одной из антенн, уперся в темноту иллюминатора. Спутник вздрогнул, остановив свое, казалось бы, беспорядочное вращение, резко развернулся, один из его люков откинулся, и из него выскользнуло веретенообразное тело. Оно хищно, как бы принюхиваясь, повернулось и, взметнув пламя из дюз, рванулось к боту.

— Включить все поля защиты! — прокричал Тод.

Бот, словно звезда, засиял, окутавшись защитными полями. Натолкнувшись на защитный барьер, веретенообразное тело вспыхнуло ослепительным светом и исчезло.

— Следы мгновенного ядерного распада, — сказал я, — а спутник ушел на другую орбиту, его координаты в компьютере. Что это, нападение или защита?

— Не знаю, но все-таки явная враждебность, — откликнулся Тод. — Все излучения снять, защитные поля не выключать. Кет, что там у тебя? Может, убрать с орбиты? Этих сумасшедших ящиков здесь более чем достаточно.

— Минуту, командор, — попросила Кет, — компьютер ломает голову, просит еще подумать, ох и осторожен он стал, наш старый Кью. (Так дружески называли мы главный компьютер бота, ставший действительно правомочным членом экипажа.)

Заговорил Кью:

— Приоритета в выборе места посадки нет, поток информации равномерен, скуден со всех материков, рекомендую идти на посадку сейчас, избежав встречи с другими спутниками, их много, встреча с ближним из них через шесть минут, в большинстве из них заложено много энергии. Посадку можно произвести на материке

сразу за океаном, он простирается с севера на юг планеты.

— Ладно, — решилсЯ Тод. — Посадку разрешаю. Приготовиться.

Облачившись в скафандры, привычно разместившись в креслах, мы устремились вниз. Все ближе и ближе поверхность планеты, мы рвались к ней, но не могли найти места для посадки. Еще и еще раз отказываясь от нее, мы пролетали все дальше и дальше, уклоняясь то влево, то вправо, а картина на экране внешнего обзора оставалась по-прежнему унылой, однообразной, не обещающей никаких перемен.

И вдруг в тяжелом молчании прозвучал спокойный голос нашей Кет:

— Командор, я на всякий случай включила указатель концентрации энергии и металла, они одновременно чуть отклонились от нуля в квадрате, над которым была сплошная облачность. Надо осмотреть это место, так рекомендует и Кью.

Мы вернулись туда, куда указал нам компьютер, и, осторожно пробив облака, вынырнули на небольшой высоте. Под нами была та же безжизненная картина. Но, присмотревшись внимательнее, можно было почти интуитивно почувствовать какую-то упорядоченность в кажущемся хаосе нагромождений. Индикаторы вздрогнули и чуть отклонились, показывая сконцентрированное наличие металла и энергии. Под нами было нечто похожее на огромную птицу, привалившуюся на один бок. Мы приземлились неподалеку. Мрачность местности, безмолвие лежащей огромной подбитой серебряной птицы, явно созданной разумом способных творить и созидать существ, настроило нас еще более тревожно.

— Командор, это похоже на наши старые корабли. Посмотрите, Тод, у него маленькие крылья, видно, он летал, опираясь на атмосферу. С ним что-то случилось, может, нужна помощь? — взволнованно выпалил я.

— Это летательный аппарат, — размеренно пояснил Кью. — Площадь крыла позволяет летать в атмосфере планеты. Сигналов бедствия нет, он стоит здесь давно. Направляю робота.

— Спасибо, Кью, — улыбнулся Тод, — направо туда номер семь, он потолковее остальных. Помнишь, в шаровидной галактике Ц-8 он распознал в неподвижных столбах разум. Выпускай его потихоньку.

Кью согласно поморгал индикаторами.

Из бокового люка бота медленно выскользнул шарообразный робот-разведчик. Осторожно, словно подкрадываясь и понимая все напряжение обстановки, он стал продвигаться к неизвестному кораблю.

— Да, здесь давно никто не ходил, — слышался голос в динамике, — начинаю с осмотра силовой установки, жестких излучений нет. Кью, даю тебе размеры сопел, двигатель явно ракетный, — с гордостью говорил робот, — посчитай, что он может, плотность атмосферы у тебя есть, массу планеты ты знаешь, топливо наверняка химическое, я бы на вашем месте...

— Не мешай считать, — остановил красноречие младшего собрата Кью. Робот умолк, застыл в ожидании расчетов. Мы не вмешивались в их перепалку, зная, что она не мешает работе, что для наших электронных помощников это своеобразное развлечение.

Кью закончил обработку информации и заявил, что такие двигатели могли использоваться только на орбите, они слабы.

Робот двигался дальше.

— Днище обгорело, он явно спустился с орбиты, гасил энергию торможением, — корпусом и крыльями, а вот система посадки простейшая, после посадки он катился на колесах, теряя энергию, до полной остановки. Повреждения на левой стороне системы посадки, поэтому он и покосился, но не опасно.

— При этих размерах, при оценочной массе, способе и скорости посадки он мог катиться около километра, —

вмешался Кью, прервав разговорчивого робота. — Вон там, — продолжал Кью, — впереди, словно голова птицы, кабина и иллюминатор обзора, наверное, там были носящие разум, управляющие аппаратом.

— Поднимись туда, загляни внутрь через иллюминатор, найди входной люк, — приказал он роботу.

Мы молча слушали переговоры машин, настроение было гнетущим, мы ощущали беду, но пока не понимали, где она, откуда она может прийти или уже давно пришла, а мы пока этого еще не замечаем.

Робот добрался до носовой части и, опираясь на растущую телескопическую опору, вышедшую из его днища, стал подниматься все выше и выше.

— Обшивка термостойкая, цела, следов повреждения нет, похоже, что он сел без аварии. А вот и входной люк...

— Не открывать! — быстро скомандовал Тод. — Загляни в иллюминаторы.

Робот продолжал подниматься, вот он оказался на уровне кабины, и его телескопическая нога стала сгибаться, а сам робот, наклонившись к кабине, словно приник к стеклу.

— Темно, — слышался его голос, — вижу много приборов, кресла пилотов, одно пустое, в другом что-то лежит, похоже, скафандр. Все выключено, энергия не расходуется, мои индикаторы не ощущают ее утечки. Одним словом, там, внутри, слишком тихо. — Последние слова робот подобрал с трудом, явно не желая выразиться определеннее. — Что дальше?

— Иди к люку, разберись с ним. Рассказывай все подробно, что видишь, ощущаешь, что слышишь, ставь защиту по ходу движения, обеспечь надежный выход и... постарайся без эмоций, — сказал Тод и вздохнул, — будь осторожен.

Робот пополз по обшивке корабля.

— Люк открыт, — доложил он. — Впечатление такое, как будто кто-то специально сделал так, чтобы не

было трудно войти... — не сдержался от комментария робот.

— Сообщай пока только факты, — оборвал его Тод.

Робот молча принялся за работу, движения его были обиженными. Люк вскоре был сдвинут, и на экране возникла пещерная чернота входа. Всем хотелось быть сейчас на месте робота и самим шагнуть в эту заманчивую и немного зловещую черноту. Но инструкции строго гласили: «Только после роботов». Немало ловушек срабатывало, унося жизни десантников. Робот замер над зияющей чернотой, ожидая дальнейших команд.

— Ты чего замолчал? — спросил Тод. — Что-нибудь случилось или боишься?

— Страх нам неизвестен. Мы его не знаем. В нас, роботах первого проникновения, заложено обязательное требование повышения вероятности успеха поставленной экипажем бота задачи, — официальным тоном, с обидой ответил робот и вошел в чужой корабль.

На экранах мы увидели кабину. Три кресла, явно предназначенные для размещения экипажа. Два кресла были пусты, в третьем лежал скафандр. Робот застыл над ним.

— Осторожно пошевели его, — сказал Тод.

Робот медленно протянул руку, слегка толкнул скафандр. Ничего не произошло, скафандр, тихо качнувшись, снова застыл в неестественной позе.

— Попытайся открыть гермошлем, — предложил я. Задержавшись на несколько секунд, робот занялся гермошлемом.

Стекло откинулось столь неожиданно, что даже робот невольно отшатнулся.

Когда робот снова навел свои зрительные анализаторы, то пришла пора отшатнуться и нам, а Кет резко отвернулась от экрана... На нас в упор с немим укором глядели огромные пустые глазницы пилота, давным-давно ушедшего из жизни. Бездонная пустота глазниц носящего когда-то разум навеяла ужас.

— Закрой, — приказал Тод, и робот с быстротой автомата исполнил его команду.

— Займи правое кресло, изучи приборы, попробуй понять систему управления, найди регистратор голосовой информации и изображения, разберись, как включаются источники энергии.

Робот послушно устроился в кресле пилота, покосившись на соседнее, где угрюмо лежал безжизненный скафандр.

Приборное оборудование было нехитрым, понятным для нас, понятны были и некоторые надписи, ведь мы были знакомы с алфавитом и письменностью этой планеты. Робот анализировал, сопоставлял, советовался с Кью, запрашивал Тода и меня, консультировался у Кет. Наконец общими усилиями была найдена панель, где располагались органы включения энергии и связи.

— Пробуй, — приказал Тод.

Робот утопил клавишу, и в кабине послышались привычные шорохи динамиков, по жилам спящего корабля побежала энергия. Но нас сейчас интересовало другое.

— Подключи хранитель информации, — снова приказал Тод.

Робот нажал еще одну клавишу, и в кабине послышалось сначала легкое шипение, а затем заставивший всех вздрогнуть голос:

«Мое имя Дан Грем, я шеф-пилот воздушно-космической патрульной службы. Рассказать обо всем трудно, для этого нужно вспомнить всю жизнь, а времени уже нет, скоро я погибну, слишком сильная радиация. Видеозапись, наверное, тоже не выдержит, надежда только на защищенный «черный ящик», в нем должно все, что мы говорили, сохраниться. Прощайте и простите нас...»

Несколько минут молчания, и динамик ожил многоголосием:

«— Дан, опять мы на орбите и опять все вместе, это прямо какое-то везение, а? Я часто вспоминал тот полет, ну и натерпелся я тогда, первый раз в космосе — и сразу такая переделка! Я тогда был еще капитаном, молодым, скажу прямо, струсил я тогда, честно признаюсь. Теперь-то я понимаю, что к чему.

— Да, поздравляю тебя, Юджин, ты здорово поумнел за это время, особенно это заметно по твоим плечам, где появились такие красивые и большие звезды, здорово шагаешь! Верно, Вирджил?

— Я тоже тебя поздравляю, Юджин, но еще больше я рад за тебя, что ты стал отцом, я видел недавно Сьюз, она рассказала мне о вашем сыне. Послушать ее — родился гений! И в кого из вас он так ловко считает? Ты давно уж отвык от вычислений, за тебя это делает компьютер. Бизнес получит в твоём сыне умного предпринимателя, а страна — новую звезду ученого мира! Извини, Юджин, я, наверное, неудачно пошутил, на меня что-то плохо подействовал наш срочный старт. Что за спешка, как на пожар! Я видел, что и другие корабли начали готовить к старту. Скоро конец третьего витка, а эфир молчит, ни единого звука, что за странная манера игры в молчанку?»

Вдруг громкий возглас:

«Грем, Вирджил, что это? Все от горизонта до горизонта светится ослепительным светом, что это, Грем? Это не северные сияния, из атмосферы вырываются исполинские грибы, они похожи... на шапки атомных взрывов...»

Гнетущая тишина продолжалась несколько минут, только легкое шипение в динамиках, как змея, вползло в наше сознание пониманием неотвратимой беды.

«— Это война, парни, это рвались ракеты, бомбы, это вспенилось море, смотрите — внизу ничего нет, словно и не было, под нами сплошные разрывы, нет больше жизни, парни, считайте, остались мы одни, больше никого, никто не ответит нам.

— Что же делать, Грем, Вирджил, что делать? — слышался всхлипывающий голос.

— Читай свои дурацкие инструкции, там ты прочитаешь, что ты сильнее всех, что тебе все можно, да, теперь ты много можешь, когда кругом тишина! — Голос Грема был груб и тверд. — Теперь даже ты, отец, не отличишь жены и сына от камня — теперь все едино, теперь все сначала, если есть кому начинать! Господи, прости нас, сильных и слабых, прости нас, неразумных!»

Послышался грохот. И тишина. Томительная тишина. Мы вслушивались в шорохи динамика, всматривались в него с надеждой на чудо.

«— Грем, очнись, Юджин застрелился, мы остались вдвоем. Очнись же наконец, старина, прошло уже пять витков, внизу ничего нет, одна пустыня, словно и не было ни городов, ни полей, все как будто смыло гигантской волной. Юджин не выдержал, пустил пулю в лоб, я не успел, да и не хотел ему помешать, ему теперь легче, чем нам, Грем.

Грем, старина, что мы будем делать, жизни осталось на трое суток, кислорода больше нет, полет-то планировали туда-сюда, аварийных запасов нет, садиться некуда, да и там смерть, излучение дьявольское, там везде смерть. Наш полет оказался не туда-сюда, а только туда. Дан, мы тоже умрем, только надо выбрать где... Я уже выбрал, Дан, прости меня. Я выйду из корабля, поднимусь повыше и останусь там, насколько хватит кислорода. Я хочу остаться там, на орбите, один. Навсегда. Я виноват перед всеми, кто жил на нашей несчастной планете. Я ученый, а не сумел помешать всему этому безумию, очень хотел, но так и не смог, все не верилось, что такое может быть, все думал, что кто-то помешает, что кто-то не допустит, что чей-то разум и сила воспрепятствуют этой дикости, а сам не боролся, не хватило мужества. Не осуждай меня, Дан, тебе останется шикарный корабль на одного. Дан, весь

мир тебе останется на одного, не правда ли, многие мечтали бы о таком?

— Я тебе не буду мешать, Вирджил. У меня тоже не хватило сил остановить все это, тоже не верилось, даже после того полета... Вирджил, ужасно смотреть вниз, не могу смотреть туда, не могу туда смотреть, не могу, мне страшно, Вирджил, впервые в жизни страшно. Где мой внук? В камне? В облаке? В каплях дождя? Где, скажи, Вирджил, ведь ты ученый, скажи мне, скажи... Ты надеваешь белый скафандр? Ты это здорово придумал, как саван... Дай я тебя обниму, мой ученый друг. Ну а теперь я надену на тебя гермошлем. Иди, Вирджил, иди, а то я не дай бог заплачу, а еще хуже— заплачешь ты, я знаю, ты это умеешь делать. Теперь иди, я закрою за тобой люк. А я, Вирджил, решил умереть там, внизу, я решил посадить наш корабль и умереть там, возле дома, на старом соленом озере, откуда мы начинали. Иди, Вирджил, иди, я тебя буду помнить до конца своей жизни... до скорого конца».

В динамиках тишина... потом опять голос Дана Грема:

«Вирджил, я тебя вижу, ты машешь рукой, прощаешься, прощай, друг, ты стал уже звездой, яркой звездой, Вирджил. Может, пройдет много лет, и тебя найдут, и увидят, какими мы были, они увидят тебя таким же, какой ты сегодня, ты не состаришься для них, Вирджил, прощай, я готовлюсь к посадке».

Из динамика еле слышно прошелестел далекий голос:

«Прощай, Дан, наш корабль красив, как никогда, он огромен, посади его мягко, пусть хоть он останется на планете, пусть через него узнают другие, что мы умели, прощай, я отключаю связь, Дан. Да, Дан, если вдруг кого встретишь там, внизу, расскажи, что это не мы, расскажи, как мы умирали. Прощай, я открываю клапан... Разгерметизируюсь... Прощай...»

Щелчок, тишина...

Мы поняли все, мы поняли, что ждать и искать нечего.

— Возвращайся на бот, старт через десять минут, — приказал роботу Тод.

Мы стояли молча, склонив головы. Прощай, планета, мы расскажем о тебе, о твоём разуме, погубившем себя, мы расскажем о тебе всем, носящим разум. Такое не должно повториться.

СОН

В ближнем космосе загорелась новая звезда. Космический корабль чертил свой путь среди множества неподвижных звезд. Это был полет в интересах будущих экспедиций в дальний космос, к ним, к этим немигающим и «вечным» звездам. В корабле двое. Бен — чернокожий парень из Африки, которому предстояло самому познать космос, невесомость, радость взлета и тяжесть посадки. С ним летел учитель — огромный белый гигант с черными глазами, в которых, казалось, вместились глубина бездонного космоса.

Рев двигателей прекратился, корабль унял дрожь, которая, словно трепет перед бескрайними просторами Вселенной, сопутствует выходу на орбиту. Наступила невесомость.

— Харри, а невесомость — это чудо, мне так легко и радостно! — прокричал из своего кресла Бен.

— Не кричи так сильно, Бен, двигатели уже не работают, можешь говорить тише, я хорошо тебя слышу, хотя и очень и очень старый. А невесомость — это действительно прекрасно, но подожди, она, как сладкий сон, убаюкивает и притупляет осторожность, а потом незаметно подкрадется расплата. Это было уже не один раз. Когда станешь летать чаще, тебе, как и всем, станет грустно, радость уйдет: для тебя корабль станет

Землей, и потянет куда-то еще и еще дальше, в... для вас еще не изведанное, но такое же близкое, как и нам.

— Харри, как странно ты говоришь, как странно звучат твои слова «для вас». Кому и что уже близкое? — переспросил Бен, тревожно глядя на Харри.

— Потом, Бен, не спеши, скоро ты все поймешь. А сейчас смотри вниз, скоро под нами проплывет Африка — твоя родина, Бен. Ты все знаешь о ней, о своем прошлом, о прошлом своего народа, предков?

— Да нет, конечно, Харри, как я могу знать все, мой дед Банту много рассказывал мне о прошлом, о наших предках, пересказывал мифы, легенды, истории. Но ты знаешь, он и сам-то многого в них не понимает, говорит, что так сказал ему его дед, а тому деду его дед... Даже некоторые слова в этих историях потеряли свое значение, и никто не знает, что они означают. Рассказы деда похожи на магнитофонные записи, к сожалению, без видеоканала. Если увидеть все, о чем он говорит, многое прояснилось бы. Но они очень интересны, Харри. А сколько, наверное, забыто, безвозвратно потеряно, так что я очень мало знаю.

— Нет, Бен, ты знаешь и помнишь много, просто не было нужного момента, чтобы твоя память проснулась, она в каждой твоей клеточке, не удивляйся, она в тебе, Бен, она еще проснется и, может, здесь, в космосе...

— Вот она, моя Африка, как она красива, Харри, как она прекрасна! Сколько разных красок на лице моей родины, они как яркие драгоценные камни на маске древних, как переливаются эти камни в лучах Солнца. Харри, Харри, смотри, вон там джунгли, в них, я знаю, старинный город с разрушенными храмами. Дед рассказывал, что белые раскопали там бронзовые изваяния правителей, он помнит все их имена.

А это лента Нила, пирамиды Египта, я был среди них много раз, уму непостижимо, как они все это построили тогда, без машин, без кранов, без дорог. Вон храмы Зимбабве, а там храмы Лалибелы. Харри, а ты

был в Тассили? Не правда ли, чудо в пустыне, прямо как мираж! А раньше, дед говорит, там были травы, гуляли стада. И там, где сейчас песок и зной, жили племена людей! Выдумывают эти старики, что ли?

— Горы Лалибелы очень тверды, там трудно высекать что-либо, — ответил Харри и, повернув ладонь вверх, посмотрел на длинный красноватый шрам, бугром вздымавшийся от края до края ладони.

— А дед твой не выдумывает, была жизнь в Сахаре, была, дорогой Бен. Сахара была вся в джунглях... — Харри замолчал и, вздохнув, продолжил: — Вот видишь, Бен, ты уже много вспомнил, смотри внимательнее на свою родину, запоминай ее черты.

Проплыла величавая Африка, и корабль несясь теперь над волнами океана навстречу Австралии. Бен все еще смотрел вниз, и видно было, что он еще там, над своим континентом, над его желтыми пустынями, голубыми реками, глубокими темными озерами, зеленью джунглей.

— Бен, надо работать, так я тебя ничему не научу. Ты еще много вспомнишь, не спеши. Давай займемся навигацией. Покажи, как ты будешь определять место корабля в пространстве, и рассчитаю траекторию трехдневного перелета к Луне, а я немного отдохну.

Встряхнувшись, словно пытаясь выбраться из сетей своих мыслей, Бен взялся за дело. Замигали индикаторы компьютеров, зазвучали их металлические голоса, телескопы стали обшаривать небесную сферу, разыскивая нужные светила. Бен оживленно переговаривался с компьютерами, то спрашивая их, то отвечая на их вопросы, делился с ними своими соображениями, корректировал их действия. Находилось место и для шуток. Особенно этим отличался главный компьютер Кью, так его прозвали космонавты.

— Мастер Бен, вы сегодня плохо выглядите, не больны ли или плохо спали в стартовую ночь? Вы даже чуть побледнели, — ровным голосом проговорил он.

— Да нет, спал. Хорошо, ничего не болит, — ответил Бен, пропустив мимо ушей слово «побледнели», которое, конечно же, ну никак не подходило к его иссиня-черному лицу. Потом все-таки догадался о тонкости «электронного» шутника и отпарировал:

— Кью, я посмотрел в твои ящики, там почему-то нет фетра.

— А что? — не понял Кью.

— Чем же ты будешь протирать свои линзы? Это же надо, перепутать белое с черным! У меня нормальный, здоровый, черный цвет лица, запиши это в свою ячейку контроля моего здоровья. Вот я тебе подкину сейчас такую задачу, что твои электроны будут носиться в твоей железной голове так, что она станет красной, а может, и раскалится добела, вот тогда ты наконец узнаешь, что такое головная боль. Запросишь таблетки, да только глотать тебе их нечем...

— Расчеты окончены, — сухо, чуть обидавшись, провозгласил Кью.

Бен посмотрел результаты расчетов, дружески подмигнул Кью и передал их Харри.

— Молодец, Бен и... ты тоже, Кью, подумайте теперь о сходе с орбиты, аэродром запасной в Центральной Африке. Готовность расчетов через пятнадцать минут.

Бен кинулся к измерителям, длинные его пальцы забегали по клавишам, но не музыка лилась из-под них, а сухие цифры. Бен от усердия даже чмокал своими пухлыми губами, издавая причудливые звуки.

Высокий черный лоб то прорезывала глубокая складка, то он становился ровным, гладким, словно волна пробегала по воде и терялась в ее просторах.

Харри ласково посматривал на Бена из глубины своего кресла, делал пометки в своем журнале.

«Все мысли можно прочитать на лице, вот оно, африканское простодушие, — размышлял Харри, — дорого же оно вам обошлось, это ваше простодушие...»

Так, от задания к заданию, прошел день. Наступило время отдыха. Поужинали. Бен, захлебываясь от восторга, все рассказывал Харри о своих впечатлениях первого космического дня. То и дело заглядывая в иллюминатор, он пытался говорить с набитым ртом:

— Вон там Баальбек, вон там Пальмира, вон там...

— Ты хорошо знаешь историю, Бен, сегодня тебя ждет еще и приятный сюрприз, так что ложись поскорее спать.

— А сюрприз? — простодушно заявил Бен. — Харри, учитель, ты обещаешь сюрприз, а сам укладываешь меня спать! Не думаю, что ты положил мне сюрприз под подушку, как это делают детям? Не во сне же я получу его, Харри?

— Получишь, получишь, я говорю правду, ложись, отдыхай и спи, — улыбнулся Харри.

Бен уплыл в свой отсек, умылся, расправил спальный мешок, включил кондиционер, поставил индикатор успокоения на шум листвы и запах джунглей...

«Надо спать», — подумал он.

Но, не утерпев, заглянул опять в иллюминатор. Под ним была уже ночная Африка, города ярко светились огромными светлыми пятнами.

«Сколько огней в сегодняшней Африке, скоро для джунглей места не останется, — думал он. — А вот огромное темное пятно, огней совсем нет. Наверное, Сахара, — догадался он. — А что делает Харри, наверное, анализирует результаты моего труда, наш неутомимый учитель. И почему он такой? Все космонавты преклоняются перед ним, прямо как наши предки перед богом, его знания кажутся бесконечными, а умение во многих делах настолько совершенно, что порой казалось, что автоматы боятся и слушаются его мысли. Наверное, они тоже «склоняют» свои электронные головы перед его гением.

Ну ладно, надо спать, а то учитель заметит нарушение режима, автоматы запишут в регистратор отклоне-

ние от программы дня, а этого допустить нельзя — полет-то контрольный. Эх, если бы можно было заглянуть в будущее, прошлое, посмотреть на ту, старую Африку...

Что это? А, вспомнил, мне говорили, что это космические излучения, они попадают на сетчатку глаза и вызывают такие странные и интересные картины — сполохи, дуги, светящиеся траектории. Надо же, как интересно, и спать не хочется... не хочется... не хочется».

Мысль ускользала, дыхание стало менее глубоким, ровным... Бен спал...

На экране внутреннего обзора на Харри смотрело лицо Бена. Глаза были закрыты, припухлые губы делали выражение лица по-ребячески любопытным и чуть капризным, широкий нос придавал мужественность и значительность, курчавые волосы, как грозовые черные тучи, обрамляли лицо.

«Сколько противоречивых черт в этом лице, как будто вся история Африки отражена на нем: и величие, и покорность, и доброта, и жестокость. А все вместе — хороший, умный африканец Бен.

Ну что же, пора и делать сюрприз — история Африки не коротка, ночи еле хватит».

Харри достал прибор, бережно, даже ласково погладил его и включил, внимательно вглядываясь в лицо Бена.

По лицу Бена прошли волны, лоб стал морщиниться, как от боли, губы зашевелились, глаза распахнулись в удивлении и снова закрылись, руки то сжимались в кулаки, то раскрывались призывной широкой ладонью, то обнимали кого-то, то грозно замахивались на невидимого врага. Казалось, Бен жил стремительным сном, переживая и полностью находясь в его власти... Бен спал, но мозг его видел...

...Вот черное, злое небо, ветер, дождь, пригибающий джунгли. Кучка продрогших косматых людей бежит,

спасаясь от ненастья и молний. Удары грома, яркие вспышки заставляли падать несчастных на землю, где, дрожа от страха, они сжимались в комок, похожие на большие шевелящиеся камни. Вот они вскакивают и бегут, на лицах людей страх, ужас гонит их вперед и вперед. Звери, похожие на тигров, львов или леопардов! Они крадутся по пятам, выбирая удобный момент для убийственного броска. Глаза их горят, лапы сжимаются, бока дрожат от нетерпения, пасти скалятся, обнажая длинные, как кинжалы, зубы...

«Надо им помочь, предупредить», — думает Бен, но язык его не шелохнулся, ни единого звука не вырвалось из его горла, он продолжал спать и видеть.

Вот один из несчастных людей стал отставать. Вожак сверкнул глазами, сделал призывный знак рукой вперед и продолжал бежать, увлекая всех за собой. Возле него, удерживая детеныша, вцепившегося в мохнатую грудь, бежала рослая женщина. Она тоже увидела отстающего, и в глазах ее промелькнули жалость и отчаяние. Предупредительный вопль ее долетел до отставшего, и он рванулся вперед. Но было поздно. В этот момент хищник молнией свалился с дерева, и душераздирающий крик жертвы, хриплый и обреченный, пронесся над толпой. Зверь терзал окровавленное трепещущее тело.

Толпа косматых людей, похожая на испуганное стадо животных, ринулась вперед еще быстрее... Тьма джунглей поглотила их.

Картины сна, молнии над джунглями перемешались со вспышками в глазах, Бен жил в двух мирах одновременно... в одном он страдал, падал и побеждал... в другом он отдыхал, созерцая жизнь прошлого.

В сознании Бена возникла гористая местность... Видимо, туда добрались несчастные беглецы. Но теперь они были вооружены каменными топорами, в руках у них длинные крепкие ветки, заостренные на конце, с привязанными острыми каменными осколками.

«Надо же, уже и копыя и топоры, вооружены, слава богу», — промелькнула мысль у Бена.

Вот вожак призывно кричит, и мужчины сбиваются в общую кучу, толпа смотрит на вожака. Он начинает подпрыгивать, размахивая топором, гордо выпячивает голую грудь и бьет в нее кулаками. Гул, как от африканского барабана, разносится вокруг. Вожак бросает топор, хватается копьё, делает движение, как будто бросает его, хватается топор, разрубая со свистом воздух. Топор то вздымается вверх, то с силой опускается вниз.

«Как будто рубит что-то. Наверное, показывает, как он будет убивать и разделявать добычу», — догадался Бен.

Толпа с воплями последовала примеру вожака. Это было ужасное зрелище: сильные косматые полулюди-полузвери гримасничали, кривлялись, высоко подпрыгивали, сильные их руки-лапы, как толстые сучья деревьев на сильном ветру, раскачивались, каменные топоры с силой врезались в мягкую, влажную землю. Вокруг них вздыбилась изрытая, черная земля вперемешку с корнями и травой.

«Наверное, позже они догадаются, что так можно и землю пахать», — подумал Бен.

Но вот наконец вожак замирает, замирает и толпа. Взгляд вожака устремлен к женщинам и детям. Те увлеченно хлопают себя по животам, очевидно, показывая готовность дружно уничтожать охотничьи трофеи мужчин. К вожаку подходит высокая женщина, обхватывает его сильными руками и прижимается к нему.

«Надо же, уже тогда обнимались? — удивился Бен. — А я-то думал, что они так греются, когда видел под дождем обнявшиеся фигуры, а может, сначала грелись, а теперь поняли, что это приятно...»

Но вот вожак осторожно освободился от могучих объятий своей подруги и поднял руки вверх. Толпа охотников последовала его примеру, в руках у них были топоры и копыя.

«Проверяет оружие, что ли? Вот это вожак», — отметил Бен.

В джунглях возникла сцена охоты. Крадучись, словно пантеры, черные люди скользили бесшумными тенями от дерева к дереву, всматриваясь в густую листву и траву. Из листвы дерева высунулась любопытная мордочка обезьяны. Неосторожность ей дорого обошлась — мгновение, и, пронзенная острой веткой-копьем, она свалилась вниз с жалобным криком. Удар каменным топором, громкий всхлип, и тишина леса восстановлена вновь. Толпа согнутых людей устремилась дальше, а обезьяна беспомощно болталась на плече одного из охотников. Он направился в стойбище.

Вот из травы показались очертания огромного слона. Заметив крадущиеся тени, он задрал хобот и проревел сигнал опасности. Самка и детеныш бросились наутек, а самец, грозно склонив голову и выставив гигантские бивни, стал разъяренно топтать ногами и угрожающе трубить. Тени замерли, а потом, медленно окружив слона, стали стягивать кольцо. Слон удивленно и тревожно замолчал, маленькие его глазки беспokoйно забегали, голова судорожно замоталась то вправо, то влево, но везде были дерзкие маленькие черные тени. Почуввав в этих, казалось бы, беспомощных тенях опасность, слон, отчаявшись, рванулся вперед, размахивая, словно дубиной, могучим хоботом. Вожак иступленно завизжал, и все скопом кинулись на слона.

Трещали копыта, стучали топоры, отлетая от «железных» бивней, хрустели кости, черепа... Все смешалось в огромную, страшную шевелящуюся гору, из которой летели стоны, хрипы, вопли людей. Казалось, что эта огромная шевелящаяся гора катилась по джунглям, оставляя после себя раздавленные, пронзенные бивнями, окровавленные жертвы. Слон мужественно боролся, разбрасывая охотников в стороны и прокладывая себе дорогу. Охотники падали, вскакивали и опять и опять бросались на жертву, терзая ее уколами, ударяя

топорами; в отчаянии пытаюсь впиться в него зубами, ломая их о толстую шкуру. Слон превратился в кровавое месиво, кровь слона перемешалась с кровью охотников. Наиболее опытные и хитрые охотники старались пронзить копьем глаза слона, другие забирались на ветки деревьев и прыгали оттуда ему на спину, ударяя его куда-то за огромными ушами. Очевидно, это было самым нежным и уязвимым местом гиганта. От этих ударов он визжал и терял самообладание, действия его становились все более вялыми, и вот он уже рухнул, раздавив при этом несколько неосторожных охотников. Тотчас на его тушу вспрыгнули вожак и несколько молодых, сильных охотников. Победный клич, «барабанные» звуки от ударов кулаками в мощную грудь, дикая, радостная пляска слились в какую-то вакханалию.

«Как же они его донесут, — подумал Бен, — или все сюда прибегут?»

Тем временем охотники стали в круг, протянули руки к небу, и единый мощный трубный рев покатился по джунглям. Он был сильнее рева слона, рыка льва, рычания тигра... А охотники, подчиняясь единому ритму рвущегося из их груди рева, раскачивались на своих толстых косматых ногах и по единому вскрику ударяли каменными топорами. Искры летели от ударов, осыпая головы охотников, от чего картина поверженного слона, пляшущих и ревущих людей, искр, сыплющихся на них, стала похожей на картины магических сил, которым поклонялись древние африканцы.

День, яркий свет; седой старик, сидящий на шкуре, покрывающей замшелый камень, рассказывает что-то сидящим вокруг него.

«Старейшина, — заметил Бен, — наверно, пересказывает легенды глубокой старины, как мой дед Банту».

В сознании Бена оживала картина рассказа старика... Черное небо, космос, далекая яркая звезда. А где же Солнце? Его нет на небосводе. Но свет заливают Землю, это свет от далекой звезды. Вот в чем дело!

Вот она, звезда — источник света, затмившего Солнце, но она далеко, она в глубоком космосе! Звезда на глазах становилась ярче и ярче, белый свет заливал все вокруг. Старика рассказчика сменяли другие старцы, как бы передавая друг другу легенду меняющегося мира. На глазах Бена сменялись поколения за поколением. Нестерпимый свет заполнил все вокруг, звезда окуталась облаком, вспорхнула, как бабочка, расправив крылья. Эти крылья ширились в своем могучем взмахе, и вот уже одни они, эти гигантские крылья, несутся в бесконечном безмолвии безбрежного океана Вселенной, теряясь в ее просторах и тая.

«Что же это? — старался осмыслить происходящее Бен. — Да ведь это взрыв звезды, описания его передавались нашими братьями-пигмеями, о нем рассказывают легенды Китая. Но при чем здесь взрыв сверхновой, какая тут связь с Африкой?»

А следующий старик, так же как и его предки, собрав вокруг себя соплеменников, продолжил повествование. Возникла картина ночного звездного неба.

«Где же Луна, — взволновался Бен, — ее и раньше не было! Где же она?»

Тщетно вглядывался Бен в темноту неба, Луны действительно не было. В черноте космоса возникли одна за другой яркие светящиеся точки, они стремительно приближались к Земле. Вот одна из них вспыхнула, пронзая атмосферу планеты. Одна за другой метеоритной дугой они терялись где-то за горизонтом.

«Метеоритный поток, что ли?» — старался понять Бен.

Опять возникли картины общины. Коленопреклоненные черные люди. Они склонились перед причудливой чечевицеобразной формы глыбой. Вокруг обгорелая трава, поваленные деревья. И вдруг на гладкой поверхности глыбы ярко высветился эллипс.

«Да ведь это же космический корабль, а светлый эллипс — это, наверное, люк», — догадался Бен.

Из люка вышел белокурый исполин с иссиня-черными глазами.

«На кого-то он похож, где-то я его видел, видел не один раз», — промелькнула неясная мысль у Бена. И он снова весь ушел в созерцание происходящих событий.

Белый исполин призывно поднял руку и начал говорить, волна черных коленопреклоненных людей охватила его, как прибой.

— Мы прилетели к вам от звезды, которая погибла. Она взорвалась от нашего незнания и неумения управлять ее энергией. Мы были неосторожны и жаждали все больше энергии от нее, и она вышла из нашего повиновения. Мы погубили звезду, давшую нам жизнь. Солнце — подходящая для нашей жизни звезда, но всемогущий разум природы подарил ее вам, людям, она — ваша звезда. Мы не знаем с кем говорить на вашей планете, у кого просить разрешения остаться на ней, у вас нет единого государства, вы разбросаны на планете, как семена жизни в огромном поле. Нас осталось очень мало, мы научим вас многому, научим не спеша и не мешая идти своей дорогой, мы поможем вам. Примите нас, скитальцев Вселенной, бездомных, неразумных, загубивших свой дом и свой живительный огонь — звезду. Мы научим вас сохранить свое светило, дающее вам тепло и жизнь всему живому и неживому.

В корабле нас двое. Я — космолетчик и хранитель знаний, мое имя Гон, имя моей жены Хара. Вашей планеты достигли и другие корабли. В каждом корабле мужчина и женщина. Мы хотим стать вашими друзьями. Но мы не только пришли к вам, не спросив согласия, мы несем вам и беду, большую беду. Скоро прилетит наш основной корабль, он огромен, хотя и меньше вашей планеты. Будет большая беда, но мы спасем вас. Мы умеем быстро летать в вашем небе, нам хватит времени предупредить вас и попытаться спасти. Простите и поймите нас, люди, носящие в себе разум!

«Черный вождь ведь ничего не понимает, зачем белый гигант говорит ему все это?» — взволновался Бен.

Видно, это понимал и Гон. Он остановил свою речь и продолжал:

— Когда придет наш основной корабль, он остановится около вашей планеты, Земли, — опять поправился Гон. — Наш корабль будет лететь около нее, на небе появится большая близкая звезда. Но, когда придет корабль, поднимется огромная волна. — Он опять замылся... — Вождь, — обратился Гон к единственному чернокожему, который слушал его с поднятой головой, — ты знаешь, что такое... — он подбирая слова, — что такое... большая вода?

Гон для убедительности даже поднял руки над головой.

Вождь закивал головой и произнес первые слова.

— Ты бог, ты знаешь силу огня, ты его укротил. Он твой раб, ты носишь его с собой. — Вождь показал на корабль. — Ты можешь зажечь траву и лес, зажарить быка. Научи нас это делать. Холодно дожидаться, когда боги зажгут огонь с неба. А если и зажгут, его трудно сохранить, дожди заливают его. У нас старики и дети, они умирают без огня. Хранители огня держат его в пещерах, кормят его деревом, но приходят другие и крадут его у нас, убивая людей нашего племени. Помогите нам, добрый бог.

Исполин улыбнулся:

— Научим, научим, это очень просто. И вам не надо будет убивать друг друга из-за огня. Он будет у всех, и когда надо будет, вы сможете позвать его к себе.

— Покажи, как это? — попросил вождь.

Исполин поднял руку, молния сверкнула в его руке, тонкий синий луч зажег траву, раздробил камень.

«О таком же пришельце с громовым оружием, способным на большом расстоянии убивать птиц и зверей, зажигать деревья и кусты, рассказывают легенды ин-

дейцев каяпо в Америке, — отметил про себя Бен. — Наверное, там был товарищ Гона».

Вождь склонил голову и что-то забормотал, а его чернокожие соплеменники еще сильнее вжались в траву.

— Подними голову, вождь. Я не бог. Я такой же, как ты, но из другого мира, который был отсюда далеко-далеко. Это хорошо, что ты знаешь про большую воду. Мне легче тебе объяснить. Когда на небе появится большая холодная звезда — наш корабль, поднимется большая вода. Она поднимется высоко и затопит много земли.

Надо уйти в горы, высоко в горы, и переждать там большую воду. Она потом уйдет. Но многие могут погибнуть. Я хочу, чтобы вы не погибли. Поэтому я здесь, поэтому мы прилетели к вам заранее. Потом мы научим вас работать, строить жилища, пасти скот, научим петь и рисовать, а сами уйдем в далекие горы. Вы нас не будете замечать. Живите своей жизнью. Только в крайних случаях мы будем являться вам, чтобы открыть глаза на события и вещи, подсказать, но без насилия. Вы, носящие разум, сами должны выбрать свой путь среди бесконечных дорог Вселенной.

Он опять легко улыбнулся, понимая, что вождь не способен все понять, и он не знал, как с ним говорить доступнее и проще, что может воспринять примитивный пока мозг вождя племени. Но долг и правила косморазведчика обязывали его сказать эти слова, слова установления доброго контакта.

— Может, мы уйдем на другую планету, но одна из них холодна для нас, другая — слишком жаркая. А пока попробуем переделать под свою жизнь вон ту, смотри, она красноватая. Там нет зарожжденного разума, мы можем ее заселить, но сейчас она для нас непригодна: мало кислорода, дышать нельзя. Понимаешь, вождь, нельзя дышать, — Гон показал затрудненность дыхания судорожным вздохом.

Вождь закивал головой, однако видно было, что далеко не все ему понятно и он делает вид понимающего, чтобы не упасть в глазах своих соплеменников.

— Мы построим там, на красной планете, хранилища-жилища, огромные пирамиды, в которых мы жили на своей планете, а потом попытаемся сделать планету пригодной для нашей жизни. Она потом, далеко потом, и вам сможет пригодиться. Так что мы лишь ваши гости.

«Это он про Марс говорит, — определил Бен, следя за взглядом гиганта. — Вот откуда там эти огромные пирамиды, а лицо женщины, это лицо их, пришельцев, женщины, оно зовет их, оставшихся с нами, зовет призывно, глядя на Землю. А мы-то ломали голову, кто мог это сделать».

Гигант говорил дальше:

— Вождь, знаешь ли ты где-нибудь недалеко высокие горы, туда надо идти, идти всем вместе, сейчас, иначе будет поздно.

— А хранилище пламени? — спросил вождь, указывая на космический корабль.

— Моя жена, Хара, в нем переждет это время там, далеко вверх над Землей, вода их не достанет.

Хара, стоя в люке, кивнула головой, ее глаза светились добром и материнской лаской.

«Какая красивая, стройная, сильная, действительно как богиня», — подумал Бен.

— Возьми для нее мясо козла, мы недавно пришли с удачной охоты, вы наши гости, вот вода. Ей надо пить и есть, — предложил вождь, — или боги живут без воды и пищи? Мы всегда оставляли после охоты вам, богам, часть добычи вон там, на том дереве... и к утру все исчезало, вы, боги, брали нашу еду и благословляли на другую удачную охоту. Не откажи, великий гость.

— Хорошо, я возьму вашу пищу, она нам подходит. А теперь готовь свое племя к переходу, я пойду с вами. Сколько дней идти?

— Солнце зайдет три раза и три раза встанет, когда поднимется в четвертый раз, мы будем уже в горах.

Толпа чернокожих с детьми, с дубинками в руках, с топорами и копьями бредет по саванне, впереди черный вождь и белокурый исполин. На исполине свободные переливающиеся одежды, голова скрыта под шлемом, лишь глаза были видны сквозь небольшие прозрачные прорезы. Могучие плечи стали как будто еще круче, выпуклее и мощнее. Было понятно, что это защитная одежда, укрывающая пришельца от неожиданностей путешествия. Движения пришельца были легки и даже изящны, он буквально скользил по земле, не зная усталости. А рядом шли, горбятся, неуклюжие черные люди, лишенные одежд, и беззащитная их оголенность вызвала у Бена щемящую тревогу, но мысли его вернулись к пришельцу...

«Так вот откуда эта странная, непонятная для многих наскальная картина, которую называли иногда «Великий бог марсиан»... это же он, пришелец Гон, в своем защитном скафандре. Как просто и ясно. Фигура на камне огромна, как Гон».

Люди устали, пришелец поглядывает на небо и топчет отстающих, указывая вверх. Все со страхом поднимают головы, тянут руки к небу, взывая к богам сохранить им жизнь. Женщины поднимают детей в могучих руках с мольбой защитить их. Исполин отчаянным жестом махнул на них рукой и стал терпеливо ожидать конца исступленной мольбы. Последние визгливые крики утихли, и наступила тишина...

И вдруг истошный вой ужаса и отчаяния пронесся над черными спинами. Кричали женщины, со страхом указывая в сторону леса. Туда бежал лев, а в его пасти чернело окровавленное тельце ребенка. Беспомощность таилась в позах людей, вождь в бессилии перед мощью и быстротой льва смиренно опустил голову, пряча глаза от умоляюще-призывного взгляда матери ребенка.

Пришелец резко вскинул руку и послал луч в убегающего льва. Треск, грохот, предсмертный рев льва... и он беспомощно лежит, разбросав свои страшные лапы. Мать бросилась к ребенку, старательно избегая смотреть на льва, клыки которого обнажились в смертельной гримасе. Но ребенок был мертв. Клыки сделали свое ужасное дело. Маленькое истерзанное тело лежало обезображенным кроваво-красным месивом. Мать бросилась на колени, протянула к пришельцу останки ребенка и запела песню прощения, подползая к белокурому исполину, обдирая колени об острые камни. Красивое темное лицо ее сияло каким-то внутренним светом, надеждой, в глазах горел огонь разума и понимания силы и умения гиганта, его нечеловеческих возможностей. Это была молитва ему, богу, все умеющему и все могущему, богу, способному сотворить чудо.

Гигант печально покачал головой, показывая жестами и словами, что его оружие может лишь убивать, но не воскрешать. Он поднял женщину на руки, прижал к себе и ласково, как ребенка, погладил ее по голове. Судорожные рыдания женщины затихли, и она уснула. Гигант двинулся дальше, унося спящую женщину на руках. Вождь и толпа двинулись за ним, озираясь по сторонам.

Гигант обернулся к вождю и что-то ему сказал. Тот радостно вскрикнул и быстро подошел к воинам. Повинуясь его приказу, воины окружили женщин, детей и стариков. Теперь со всех сторон шли воины с оружием наготове. Пришелец довольно кивнул головой и пошел вперед.

«Как похожа несчастная мать на мою дальнюю прабабку, ее портрет нашли при раскопках в Бенине, в королевском дворце. Она была королевой. Как красив этот портрет, как прекрасна была сама королева — мой предок», — думал Бен, вспоминая этот удивительный портрет: робкая женщина, красивая, молодая, с большими удлинненными глазами, кажущимися совсем не-

земными. Высокая корона не сумела скрыть ее роскошные волосы, и они косичками свисали из-под нее, обрамляя лицо причудливым узором. Совсем девчонка, какая из нее королева? И губы капризно изогнуты, словно надулась на кого-то, взгляд потуплен, в глазах и женская грусть, и девичья задумчивость.

Мысли Бена формировались в какую-то единую систему, цепляясь друг за друга и выстраиваясь в логическую цепь, портрет королевы-предка заставил его вспомнить и о другом.

Ведь в королевском дворце Бенина нашли странную и непохожую на африканскую бронзовую голову. Черты лица были крупные, глаза огромные, глубокие, ни одной африканской черточки, отличие от бронзовых изваяний правителей, найденных там же, было просто поразительным. Тогда высказывалось предположение, что эта бронзовая голова от статуи одного из богов атлантов-гигантов. Промелькнувшее в памяти лицо Гона и странное бронзовое изваяние старины Бенина слились в портрет. Так вот кто был одним из африканских богов, это он, Гон — пришелец с неба, из другого далекого мира. А другие атланты? Конечно, конечно же, это были его друзья, опустившиеся с небес в далекой Америке, Азии, Европе... Так вот откуда странное и волнующее до сих пор религиозное совпадение — на всех континентах боги сошли с неба. Вот откуда легенды индейцев, вот откуда космический корабль инков, вот кто возил с собой китайского императора в космос, вот чьи старты нашли описание в индусских папирусах, вот о ком сложены легенды и мифы, вот они, материализованные боги.

Тем временем картина видения сменилась. Вот и горы, цепочка беглецов уже на вершине. Гон и часть чернокожих валят деревья, строят укрытия, заваливают камнями расселины, сооружая плотины. Другие складывают на вершине запасы пищи, воды. Наступил вечер. Сложили огромные сучья, стволы деревьев. Гон

зажег костер. Чернокожие заворуженно смотрели, как в руке Гона родился огонь, как он перенес его к веткам, и огонь стал пожирать дерево. Уставшие люди собрались вокруг костра. Гон что-то им рассказывал, а они, как притихшие школьники, внимательно его слушали, учились, запоминали, Гон показал, как из шкур зверей делать одежду, как растереть колос и добыть зерно, как посадить его в землю, как поливать и беречь от ветра.

На следующий день Гон руководил строительством огромного загона. Таскали камни, рубили сучья, делали бревна. Чернокожие не понимали смысла строительства, но слушались Гона, смиренно выполняя его волю.

«Наверное, вот так же строили Стоунхендж, не понимая, зачем и что, но строили. Тот друг Гона, наверное, хотел показать возможности математики и астрономии с помощью грубых камней. Добился ли он своего, вот бы посмотреть историю Англии. А прекрасная Пальмира? Тот просветитель, наверное, хотел оставить людям силу красоты архитектуры — вот бы все это увидеть», — успокоенно думал Бен.

К вечеру в горы потянулись животные, они были чем-то напуганы, они чувствовали приближение беды. Хищники и антилопы бежали рядом, опасность соединила их. Гон расставил охотников, показал, что надо делать, и общими усилиями они гнали антилоп, быков и других животных в построенный загон. Хищников среди них не было, они отчаянно кидались в сторону, и загонщики-охотники пропускали их дальше в горы. Вождь и воины прыгали от восторга, загоняя из засад диких животных, но никак не могли понять, почему Гон не разрешает их убивать, а наоборот, велел их кормить и поить. И лишь когда кончились запасы и надо было идти на рискованную охоту, они поняли смысл этого нехитрого сооружения. Антилопы, зажаренные на огромном вертеле, были лучшей платой за затраченный ранее труд. В загон попали дикие козы и несколько

козлят. Несчастливая мать, потерявшая ребенка, приласкала одного из них. Козленок терся твердым лбом о ноги женщины, она гладила его по спине, бокам, и слезы катились из ее глаз. Чернокожая взяла козленка на руки и прижала к своей мощной груди, как своего ребенка. Козленок заблеял. Прибежала коза и испуганно стала крутиться у ног женщины, постепенно приближаясь к ней. Вот и она потерлась своим мохнатым боком о ее ноги. Женщина нагнулась и погладила козу. Та притихла, уставившись на козленка, спокойно лежащего на руках чернокожей.

«Вот так, наверное, случай помог понять, что животных можно приручить, — подумал Бен. — Правда, Гон все равно бы научил их доить коз и коров. А смысленная была моя родственница, ничего не скажешь, молодец: и красива и умна».

Потемнело небо, молнии сверкали от горизонта до горизонта, ветер свистел, вырывал деревья с корнем и бросал их, как щепки, гибли люди, звери. Все живое жалось к вершинам гор. С неба хлынула вода, сметая на пути мелкий лес, размывая склоны гор. Рушились горы, унося в пучину воинов, женщин, детей, животных. Около Гона, стоявшего, как огромная статуя, пали ниц оставшиеся в живых. Вождь пел песню всемогущему богу, прося и умоляя вернуть им Солнце, покой и сохранить жизнь.

Гон стоял, подняв руки вверх, со стороны казалось, что он пытается удержать падающее небо, защитить несчастных людей, заслонив их от потока воды, сверкающих молний и страшного грома.

«Вот они, могучие атланты-боги, по образу которых создано столько скульптур, столько построено храмов, вот он, прародитель атлантов — бог Гон», — вспомнил Бен великолепные каменные статуи атлантов.

На горизонте вставала стена — это гигантская волна катилась по саванне, сметая все живое и неживое на своем убийственном пути. Деревья, огромные кам-

ни, слоны, носороги — все перемешалось в этой смертоносной волне, все стало единым, как когда-то.

«Господи, — прошептал Бен, — спаси их, спаси; они же мои предки, они же дали мне жизнь, за что выпали им такие страдания, за что?» В сознании Бена промелькнула картина фашистских концлагерей. Трупы людей бульдозерами сваливали в огромные рвы. Строй бульдозеров, как волна, пытался смыть позор и изверства над себе подобными, позор возомнивших себя богами.

«Сколько же страдало человечество, сколько нелепого, жестокого и неразумного совершил ты, человек», — рассуждал Бен.

Водяная стена подступала все ближе. Рев ее неся впереди, сея страх и ужас. Перед волной бежали стада зверей, но они, устав и чувствуя бессилие и обреченность, останавливались и покорно ждали, опустив головы, отдавая себя всепожирающей лавине воды, камней и тел. Сильные звери обращались к лавине, рычали и даже бросались на нее, оскалив пасти и выставив вперед клыки, бивни, когтистые лапы. Поток захватывал их, крутил, бил, мят, и вот уже бездыханные тела появлялись на гребне гигантской волны.

Птицы камнем падали с неба, принося смерть и ужас сверху. Это был настоящий ливень из птиц, остроклювых, когтистых и смертоносных. Чернокожая женщина, прижимая к себе козленка, кинулась к Гону, прося защиты и целуя его ноги. Гон поднял ее, окутал плащом и простер над ней свою мощную руку, спасая от стихии. Так и стояли они рядом, могучий исполин с поднятой рукой, словно подпирающей небо, и укрывающий женщину, — символ продолжения жизни на несчастной земле.

Волна уже совсем рядом. Страх, кругом страх: и на земле, и в небе, в сознании людей, в их глазах и мыслях. Многие падали замертво, не выдерживая этого настоящего ада, всеобщей гибели. Дикие звери жались

к людям, пытаюсь у них найти спасение. Всеобщая дрожь охватила людей и зверей, дрожь страха и ужаса. Дрожала и земля. Казалось, горы встряхивают своими могучими плечами, пытаюсь сбросить цепляющуюся за них жизнь. Соседняя гора раскололась, и из огромной впадины выплеснулась раскаленная лава, завершающая убийство. Облака пара, шипящей воды заволакивали все вокруг, раскаленный воздух сжигал легкие, люди судорожно кашляли, хватаясь за горло, вжимались в дрожащую землю.

И лишь Гон стоял, печально глядя на все происходящее, стоял и ждал, когда свершатся события, рожденные желанием его братьев и сестер, его народом. Он видел светлое будущее во мраке настоящего.

— Люди, — громоподобно обратился он к несчастным, — люди вы будете жить, вы будете любить, рожать детей, и в этом ваша бесконечность, вы, как и мы, уйдете далеко в поисках носящих разум, в поисках себе подобных, в поисках друзей. А сейчас терпите, надо пройти через невзгоды, надо будет еще много раз умирать и вставать снова, чтобы продолжить жизнь, умножать знания, совершенствовать разум. Я отдам вам Солнце, светящее и греющее днем, я освещу вам ночь, чтобы хищные звери не убивали вас в непроглядной темноте. Смотрите, люди, вот оно, ваше ночное солнце, его принесли вам мы!

Бен с трепетом наблюдал, как его темнокожие братья обратили свой взор на темное небо... Из-за горизонта вставало огромное, белое, холодное солнце.

— Это наш корабль, имя ему Луна, отныне это ваше ночное солнце, берегите его, берегите свою планету, берегите их, теперь они одно неразделимое целое.

Гигантская волна ударилась в горы, но, не дойдя до вершин, с грохотом и шипением стала сползать вниз, тучи развеялись, и звездное небо открылось взору, но, кроме звезд, в небе сияла Луна — виновница бед и подарок пришельцев.

А вода делала свое дело, взрезая горы, сметая лес с их отрогов. Горы стали голые, беззащитные, и лишь вершины сохранили изуродованные деревья. Гон поднимал лежащих без сознания людей. Вождь и красивая женщина помогали ему. Гон наклонялся над распростертыми телами, и они один за другим вставляли, испуганно оглядываясь вокруг. Казалось, он вдыхал в них дух жизни, обладая чудодейственными чарами.

— Ты бог, Гон, ты навсегда останешься в нашей памяти, если даже уйдешь от нас. Ты не умрешь? Сколько ты можешь жить? — спросил вождь.

— Мы живем, сколько хватит сил и желания, пока не устанем и нам самим не захочется уйти из жизни, — ответил Гон, — Я увижу твоих потомков. И буду качать твоих далеких внуков, — сказал он женщине, укутанной в плащ.

Она доверчиво прижалась к исполину.

«Как хорошо, что Гон спас их, как хорошо, что спасли скот, зверей, лес, травы. Ведь теперь надо начинать все сначала. Можно быть спокойным, ведь с ними Гон и его друзья», — решил Бен.

И словно в подтверждение этих мыслей, в сознании Бена возникла другая картина. Преобразились люди, они стали стройнее, на них красивые одежды, женщины богато усыпаны украшениями. Пасется скот, быки тянут плуг, люди сеют. Стоят хижины, над ними дымок, лошади запряжены в нехитрые повозки. Веселая детвора бежит в только им понятном хороводе. Улыбки, счастливые лица. А вот группа женщин, стройные, чернокожие, гибкие, как пантеры. Одна, украсив свое тело узором белых точек, несет в руке лилии, ее голову украшает традиционная негритянская прическа, в руках удругой, с бритой головой, небольшое легкое копье. А вот черная женщина с прической, напоминающей стрижку египетских жриц, она несет лук и стрелы. В середине группы возвышается еще одна женщина, в одной руке у нее лотос, в другой — лук и стрелы. Лук большой, как

у мужчин, одежды ее не похожи на одежды других. прическа тоже.

«Какая-то она необычная, стройная, рослая, выше всех, в ней что-то не негритянское... — думал Бен. — Да она же белая... и черты лица ее совсем иные... это же жена Гона, Хара, это ее лицо, это она. Но где-то еще я видел это, как будто кинолента перед глазами, я видел это, видел... и это лицо, и эту сцену... Да, да, точно, видел в горах, в пещере Маше, в Южной Африке. Вот, стало быть, что высек на скале древний художник. Наверное, они шли упражняться в стрельбе из лука и метании копья. Мужчины уходят на охоту, а женщины не хотят быть беззащитными. Или Хара их учила быть наравне с мужчинами? А цветы зачем? Совсем забыл, ведь это же женщины, видно, уже тогда они не обходились без цветов. Женщины нашего времени много впитали от своих предков.

А это что? Неужели они научились строить города? Кругом каменные кружева, колонны, законченные архитектурные ансамбли, площади, дома, ажурные стены, фрески... Действительно, настоящий диковинный город. Необычный город. Да это же Тассили! — догадался Бен. — Это же скальный город — гордость Африки. Его никто не строил, его построила природа, вымыв реками, дождями, ручьями в песчаном плато. В нем жили наши предки, получив от природы жилье и крышу. Может, и потоп, вызванный кораблем пришельцев, приложил здесь свою творческую силу архитектора? А сколько там чудесных рисунков на скалах и песчанике, да разве только в Тассили оставили нам свое творчество древние художники? Гон их научил, что ли?»

Древняя Тассили, прошел долгожданный дождь. Молодой вождь зовет на охоту. После дождя в водоемах много воды, туда на водопой придут звери, охота будет легкой, надо только уметь терпеливо ждать. Собираются добровольцы. Их немного: вождь и два вои-

на. Ведь теперь у чернокожих свой скот, и охота стала уделом сильных и смелых воинов...

Бредут по глинистому склону три воина, за спиной луки и стрелы, в руках длинные копья. Вождь, шедший позади, остановился и стал внимательно разглядывать что-то под ногами. Это следы другого воина, явственно проступившие на мокрой и скользкой глине. Вождь взял глину в руки и стал мять ее, бесформенный комок стал податлив, мягок. Вождь сжал сильный кулак, глина живыми змейками брызнула сквозь пальцы. Вождь засмеялся, игра ему понравилась. Огромный кулак еще и еще сжимал глину. Вот вождь разжал кулак и осмотрел кусок глины, лежащий на широкой ладони, на нем отпечатались его пальцы, трещины на коже. Но, видно, интерес вождя к глине пропал, и он дал знак двигаться дальше. Молчаливые воины шли впереди вождя, заслоняя его от неожиданного нападения с гребня откоса. Шедший правее воин поскользнулся и покатился по крутому склону. За ним тянулся причудливый след, борозды змеями извивались все ниже и ниже. Вождь смотрел вслед скользящему воину и улыбался его неловкости, а потом стал копьем водить по мокрой глине, стараясь повторить орнамент линий, оставленных на склоне падающим воином: черта, еще черта, кружок; точки, змейки переплелись в единый грубый чертеж... Поджидая спешащего снизу воина, вождь опять мял глину и лепил из нее шары, нанизывал их на стрелу, стал лепить еще что-то, показывая своему товарищу. И здесь... оглушительный рык раздался сверху, и лев взметнулся стремительной рыжей тенью. Вождь отбросил стрелу и схватил копье. Уперев его в глину и прижав ступней, он выставил острие навстречу летящему зверю. Глина подвела льва, он не допрыгнул до чернокожего человека и тяжело плюхнулся в метре от вождя; скользя и упираясь лапами, пытаясь затормозить свое падение, он все же налетел на копье. Это спасло жизнь вождя. Копье пронзило грудь льва и

сломалось, а вождь отлетел от разъяренного хищника. Стрела проткнула бок льва — это метко стрельнул воин. Лев попытался взобраться по глинистому склону и покинуть поле боя. Еще одна стрела впиалась ему в лапу. Лев яростно прыгнул и исчез. Вождь собрал воинов и сказал:

— Льва надо убить, он ранен и безумен, он может прийти к нашим хижинам и убить беззащитных женщин и детей. В погоню!

«Не так уж они беззащитны», — констатировал Бен, вспомнив женщин с луками и стрелами.

Кончился дождь. Сияло жаркое африканское солнце. Воины возвращались, шкура и голова льва были с ними. Вождь теперь шел впереди и пел победную песню.

Знакомый отрог. Сверху орнаменты падения, борозды недавнего сражения со львом, следы от рук и ног были еще причудливее. Все трое смотрели на эти следы и заливались громким смехом, вспоминая прошедшие события, кто куда падал, кто как карабкался.

— Твои следы похожи на следы кабана, — говорит воин. — А ты полз на четвереньках, как малое дитя, волоча тяжелый зад.

— А вон следы от льва, когда он упал на бок, смотри, как хорошо видны на глине его грива и передняя лапа. Жаль, что он не весь упал, а то бы был целый лев из глины, — поддержал воина вождь.

На глаза ему попалась отброшенная стрела с комками глины, нанизанными на нее.

— Смотри, Ассон, глина засохла на солнце и стала как камень, ей можно воевать, можно сразить небольшого зверя или птицу. Вот как кинуть его сильнее и дальше?

— Вождь, смотри, эти ссохшиеся комки глины похожи на носорога, только нет ног. Надо будет прилепить ему ноги, и будет глиняный носорог. Вдохнуть бы в него жизнь, и он побежит. Дети будут играть в зверей.

— Вдохнуть жизнь могут духи или боги, — ответил вождь, — об этом надо спросить жреца Коло-Коло. Он рассказывал, что боги, давным-давно приходившие к нам с неба, вдохнули жизнь в наши тела на горе жизни, там, где сейчас каменный город.

Воины пришли в селение и стали с жаром рассказывать о своем геройстве. Жена вождя недоверчиво улыбалась, вождь сердился и стал бранить жену. Слушатели разделились, одни верили охотникам, другие поддерживали скептицизм жены вождя. Голова и шкура их не убеждали. Тогда вождь приказал принести воды и разлить ее по глинистому участку. Воины, сопровождавшие вождя, поняли его замысел и размесили глину ногами, выровняв копьем. Вождь, высунув от напряжения язык, стрелой стал рисовать: черта — склон горы, кружок и палочки — вождь, его руки, ноги, голова; еще черта — копье, вот другие охотники... лев, стрела в его боку и лапе, копье, пронзившее льва. Все с любопытством смотрели на творения вождя. Угловатые фигурки воспроизвели картину сражения... Солнце на глазах иссушило глину, придав картине твердость, нерушимость и убедительность. Сомнений не осталось: так было, лев был побежден героями-охотниками.

Податливый песчаник оказался лучшим материалом для художеств вождя. В тени песчаного города, в его прохладе проводил он долгие часы, вырубая на стенах картины охоты, стада быков и коров, слонов, жирафов, людей.

Лучшим его достижением была картина, на которой были изображены три изящные женщины, ведущие тихую беседу. В ней было столько изящества, пластичности, красоты и грации, что даже Гон восхитился ею.

Гон появлялся все реже, но уже не в роли бога, а в роли просветителя, несущего знания. Тем не менее его появление было для чернокожих настоящим праздником. Охотники надевали одежды, похожие на одеж-

ды Гона, копировали его движения, состязались. Гон тоже выходил на охоту, взявшись за лук и стрелы. Много дней трудился вождь над картиной охоты. На первом плане Гон, в своих странных одеждах, с луком и стрелами, вокруг охотники. Гон учил чернокожих плавить руду, обрабатывать металл.

Все реже приходил Гон, вожди искали власти, вражда охватывала племена. Отступала зелень джунглей, наступала пустыня, уходили звери, жить становилось труднее. Жажда захватничества овладела вождями. Пришла война и в эти края.

Сражение с врагом... Искалеченные тела, пробитые копьями и стрелами, пронзенные мечами, изуродованные тяжелыми дубинками. Племя проиграло бой и было обречено на гибель. Раненый вождь, скрываясь в лабиринтах песчаного города, совершил последний подвиг — изобразил на песчанике битву и себя, раненого, приползшего к жене с луком и последней стрелой, предназначенной для нее, чтобы не досталась врагу. Она мужественно приняла смерть, протягивая к вождю руки, она любила его своей первобытной любовью, верила, что он скоро к ней придет там, в другой жизни, в бесконечность которой они поверили от Гона. Пустыня довершила разрушения, стерев с лица земли усилия людей. Лишь город природы да живопись на скалах могут рассказать историю племени.

«Так вот как ты погибла, Тассили, вот твоя история, жаль, что ты погибла, Тассили, безжалостны пески Сахары, но Африка жила и живет, много памятников мудрости и детства древних на тебе, моя Африка», — размышлял Бен.

Проплывали картины строительства королевского дворца Бенина. Из раскаленных тиглей темнокожих умельцев выходили золотые носороги, птицы, змеи, украшения, бронзовые отливки королей и королев, богов, изваяния Гона и его друзей. Опять завоеватели, разрушения, поверженные колоссы. Особенно впечат-

ляли картины обучения искусству рубить камни, высекать из них дома и храмы. Церкви Лалибелы, упрятанные в толще огромной горы от глаз врагов, поражали гигантскими усилиями, потраченными на восхваление богов. И здесь войны, пожары. Конные тучи защитников ислама и разбитые лица «не тех» богов.

Египет, огромные пирамиды, строившиеся одна за другой. Гон сумел заложить астрономические знания в геометрию пирамид, зашифровав в них размеры Солнечной системы.

Важные фараоны сменялись один за другим. Жрецы, накопив знания и скрывая их от народа, все больше верили в свое божественное происхождение и силу среди огромных пирамид.

В храме Амона стоит живая статуя — Гон. Старый жрец беседует с ним, устало прищулив глаза, величие и самонадеянность на его морщинистом лице. Глаза, как глаза птицы, прикрыты пергаментными веками. Жрец не говорил, а вещал, упиваясь своим красноречием.

— Жрец, почему ты пытаешься спрятать наши учения от людей, почему знания, которые мы вам дали, выдаешь за свою мудрость, почему свое бессилие и невежество ты прячешь за вымышленными богами? Мы не приняли роль богов, зачем же ты укрепляешь в людях веру в то, чего нет? Не для этого мы ушли от вас! — обратился к жрецу Гон.

— Мы уже достаточно умны, чтобы идти своим путем, наши знания обширны, мы много знаем. Мы научились хранить в глиняных сосудах энергию света и тепла, передавая ее по медным проводам. Зачем всем много знать, пусть знания будут уделом нас, избранных, мы будем указывать толпе, куда идти и что делать. Пахарь не может знать лучшей дороги, чем путь за волами и плугом, воин не может знать, как лучше жить и какая дорога нужнее, — медленно произнес жрец.

— Дорога для кого, жрец?

— Для нас и нашего народа.

— Ты лжешь, жрец. Знания ваши пока что как знания наших детей, ты преувеличил их глубину, ты заблудился, жрец. Много беды принесут наши знания, мы ошиблись, рано вверив их таким, как ты. Мы решили уйти от вас. В Америке индейские вожди и жрецы дошли в своем невежестве до человеческих жертвоприношений несуществующим богам. В Африке то же. В Азии полчища всадников истребляют людей и их труд, бросают стариков, женщин и детей с высоких башен. Многие забыли наши учения, знания, данные вам. Государства инков пришли в упадок, их истребили закованные в железо жестокие люди, неосторожные индусы разрушили взрывом город, пытаясь проникнуть в запретное ядро, дающее энергию, упрямые вавилонцы пытались построить башню, чтобы добраться до нас, невежды разрушили Пальмиру, прекрасные творения совместных трудов разрушаются и сжигаются. Лишь Атлантида шла по пути всеобщего знания и всеобщей радости, но ее постигла катастрофа.

Мы больше не будем учить вас, знания наши мы спрячем в горах Тибета, но вы не дойдете до них, не войдете в наши дома и библиотеки, вы их не сможете даже увидеть. Запомни слово Шамбала и не пытайся понять его — это суть наших знаний. Мы будем здесь, среди вас и рядом с вашей планетой. Опомнитесь, вернитесь к разуму созидания, утратьте жажду вражды и разрушений, жажду власти и угнетения. Жрец, люди поймут, что вы их обманули. Придет новое учение, и вас забудут. Люди не могут жить в тупой вере во всемогущих богов. Выбор должны сделать вы сами, люди, посягающие разум».

Все исчезло из сознания Бена, он открыл глаза и, словно сбрасывая тяжесть прошлого, обвел глазами проплывающую под ним Африку.

— Вот это сон, — пробормотал Бен и почувствовал на себе внимательный взгляд.

Бен вздрогнул, поднял глаза и встретил взгляд глубоких, черных глаз Гона.

— Харри... ты Гон, ты бог и наш учитель, ты жив... — бессвязно вскрикнул он, пытаясь встать перед ним на колени.

— Нет, Бен, я не бог, а твой друг.

Под кораблем проплыла Африка, безбрежный океан лежал внизу, а бесконечный космос звал еще дальше и дальше...

ЗООПАРК

Идея оказалась потрясающей. Правительство было в восторге. От восхищения члены кабинета даже забыли наградить докладчика аплодисментами, не говоря уже об орденах и медалях. Впрочем, если поразмыслить, что и сделал потом Президент, то награждать-то было не за что — он сам о чем-то подобном думал. Да потом это решение очевидное, если заглянуть в историю. Десятки тысячелетий, а может быть, и миллионы лет назад вход в пещеру сторожил косматый получеловек с дубиной в мощной лапе. В дальнейшем свою долину стерегли люди в шкурах с копьями в руках, потом границы своего государства охраняли дозорные на конях со щитами, пиками, мечами и саблями, а уж потом появились винтовки, пулеметы, пушки, корабли, самолеты.

Сначала разделили сушу и в вечной ссоре за нее принялись делить казавшийся тогда еще необозримый, беспредельный океан. С водой покончили и принялись за океан воздушный. Его тоже разделили, прикрывшись друг от друга радарам и оружием, стоящим на земле и летающим в воздухе. Но космос пока оставался общим, а это Президента никак не устраивало. Как же так: он Президент самой разбогатевшей страны, призванной, по его мнению, самим богом распоряжаться

всем миром, вынужден мириться с тем, что чужие спутники и космические корабли свободно летали в заоблачных высях. В этом убеждении Президента рьяно поддерживали «медные каски». Так зачастую называли военных в его стране.

Все чаще и чаще обращался Президент в своих мыслях к космосу: надо такое придумать, чтобы самим стать неуязвимыми, а иметь возможность угрожать всем.

Однажды Президент был приглашен на испытания нового оружия. Он видел, как мощный синий луч ударял в какой-то прозрачный многоугольник и, расщепляясь, впивался и в небо, и в океан, и в сушу. Земля плавилась и пузырилась жирным бульоном, лес горел, облака в небе мгновенно исчезали, роняя вниз скудные капли, закипавшие еще в воздухе. Пахло озоном и еще чем-то. Все были в восторге.

— Вот так одним лучом можно уничтожить не одну, а сразу много целей и в воздухе, и на земле, и на воде, — заключил доклад об испытаниях представитель «медных касок».

Президент слушал доклад, а сам внимательно глядел на прозрачный многоугольник, расщепивший всепожирающий луч и даже не изменивший при этом своего цвета.

«Вот бы создать из этих смертоносных лучей над всем моим государством что-то вроде щита-колпака и спрятаться под него. Захотел — открыл щель и нанес кому надо сокрушительный удар, и снова под колпак», — мечтал Президент.

Испытания закончились. Довольные члены кабинета оживленно загалдели. А Президент, замороженный увиденной картиной, все думал и думал...

Через три недели ему представили доклад. Президент удивился: как будто кто-то прочитал его мысли. Докладчик — высокий стройный генерал — излагал новую оборонную идею...

— Лучи, как одеяло, закроют страну, спутники с

лазерами и ракетами будут висеть над нами, перекрывая, к нам все пути: из космоса, с воздуха, с моря и суши. Они будут сторожить нас, как цепная собака сторожит двор своего хозяина. Они будут видеть, слышать, чувствовать, следить, решать, защищать и нападать. Если что почудится — и с борта спутиков посыплются ракеты и лучи-убийцы, уничтожая все вокруг. Нам нечего будет бояться ответного удара—наш щит надежен и прочен, — закончил генерал свой доклад.

Президент был в восторге. Шли годы... Сказано — сделано. Страна надрывалась, космический колпак стоил дорого. Страна словно исчезла с лица планеты. Корабли с бананами и апельсинами не заходили в их воды и порты, самолеты не залетали в их воздушное пространство и не садились на их аэродромах, космические корабли облетали стороной «их космос».

Шло время, менялась жизнь на планете, лишь безумные упрямцы продолжали свое дело, все глубже пряча свою страну под лучами.

Планета вступила в общее содружество, радуясь и развиваясь. Космические корабли сновали туда-сюда, унося любопытных и ищущих знания в разные уголки Вселенной. Планета, в свою очередь, стала достопримечательностью в Галактике. Поток туристов-инопланетян не затихал. Еще бы — только здесь можно было увидеть уголок настоящей первобытной природы и пещерного ума. «Зоопарк», — так смущенно шутили жители планеты, говоря о стране под колпаком.

ГОЛОСОК

...Корабль пронизывал пространство, и впереди лежало черное, бесконечное безмолвие. Немегающие звезды застыли в глубинах космоса.

На борту корабля находились три представителя военного департамента и ученый.

Ученому принадлежал ящик с трубками, приборами, питательными растворами и прочей требухой, как пренебрежительно называли содержимое блестящего контейнера хозяева корабля — военные.

У военных были свои заботы — под прицелами города, базы, аэродромы, ракеты, целые страны и континенты... Блестящий контейнер просто вызывал у них недоумение своей бесполезностью в том большом деле, для которого были нужны они — повелители оружия.

«Навязал нам сенатор этого ученого, — мысленно рассуждал командир Петерсон, уставясь в потолок. — Теперь при нем то не сделай, то спрячь, это не включи! Не корабль, а летающая богадельня, созрело у него там, видите ли, что-то...»

— Эй, доктор! — громко и неожиданно произнес Петерсон. — Как себя чувствуете? Как невесомость?

— Благодарю вас, полковник, — откликнулся доктор Старкер. — У меня все вроде бы нормально, я вот о нем думаю... — Он тронул блестящий контейнер.

— О нем?! — Командир рассмеялся. — А что о нем думать?!

— Не могу понять, как он перенес стартовые перегрузки и встретил невесомость, — серьезно ответил доктор. — Это, понимаете ли, очень для него важно...

— Док, вы говорите как о живом человеке! А ведь это просто железная банка с лампочками! — хохотнул пилот Гавр, сидевший поблизости с закрытыми глазами и, казалось, спавший.

Командир Петерсон кивнул и, взглянув на пилота, подмигнул ему. Доктор смущенно поерзал.

— Пилот Гавр, вы совершенно справедливо это заметили, — вежливо ответил доктор. — Но, простите, очевидно, вы не совсем понимаете значение моего эксперимента, как, впрочем, и я не осведомлен о вашей, наверное, очень важной миссии в космосе. — Он говорил так, будто прислушивался к музыке Баха, звучавшей где-то за обшивками корабля; лицо его стало задумчивым и

сосредоточенным.— То, что находится в этой «железной банке», как вы изволили выразиться, действительно еще не живой организм, а лишь клетки, способные его создать. Они созрели для своих функций позавчера, и хранить их больше было нельзя, поэтому меня так срочно включили в вашу команду. Но я не буду мешать вам, я все сделаю сам. Мне предстоит создать здесь, в космосе, в невесомости, живой мозг, иначе на Земле из-за гравитации ничего не получится, там не добьешься равномерности раствора... И... и я очень волнуюсь, сэр... простите...

Гавру стало скучно. Ему всегда становилось скучно, когда он не понимал собеседника или даже отдельных слов из его речи. Пилот шумно вздохнул и уже лениво обронил:

— Кому все это нужно, док?.. Ведь люди и так родились в космосе: жизнь «варится» в его глубинах, там и разум рождается... Хотя... — Он потянулся, хрустнув суставами, продолжил:— Хотя я лично не против еще одного члена экипажа. Надеюсь, он будет отличным помощником...

— Вы сошли с ума, Гавр!— встрепнулся Петерсон.— Лишний член экипажа! У меня и скафандра на него нет, не говоря уже о питании...

— Что вы, что вы, полковник,— торопливо заговорил доктор,— это же не будет член экипажа в полном смысле слова, это будет лишь мозг, а его мы подключим к датчикам вашего корабля, он будет видеть и слышать благодаря радарам, антеннам, приемникам вашего лайнера, полковник. У него не будет рук и ног, ему не надо скафандра, он не будет бегать, вернее, летать по вашему кораблю и мешать вам...

— А-а... — серьезно произнес Петерсон. — Все-таки паек, док, только на нас, людей, а на него... — Он замаялся, не зная, как сказать. — На вашего... беби стартовая команда не рассчитывала.

Тут скучающий Гавр оживился снова:

— А почему он, а не она, сэр? Может, это будет нечто с бабской логикой, а нам тут... ну, в общем... мы же мужчины! — Он хохотнул и толкнул доктора в плечо. Старкер вздрогнул от неожиданности и улыбнулся одними губами.

— Мозговая деятельность — сложный процесс, — произнес он извиняющимся тоном, — это и химия, и физика, и электричество, и биополе... У него будет своя память и свое биополе, причем очень мощное, способное впитать знания тысячелетий в считанные секунды. Электрическая составляющая поля будет преобразована через ваш компьютер на динамики корабля — мы сможем услышать его голос...

— Ладно, — прервал доктора Петерсон, взглянув на приборы. — Уговорили. Вас, док, мы даже назначаем отцом родным или матерью — кем хотите. А сейчас все за дела, у нас их много...

Петерсон встал первым.

Работали молча. Каждый делал свое дело. Время от времени Гавр покачивал головой и, перехватив взгляд коллег, тыкал пальцем в сторону Старкера, делая дурацкое и снисходительное лицо. Старкер ничего не замечал — он был всецело занят своим ящиком, кутая его в тепловые кожухи.

Рабочий день закончился. Люди забрались в спальные мешки и там привычно устроились. Из мешков торчали лишь головы. На лысой голове Петерсона, похожей на регбийный мяч, играли причудливыми зигзагами блики светильника. Светлые усы Гордона делали черный мешок с торчащей из него головой похожим на висящего в воздухе кота с поджатыми лапами и свернутым хвостом. Ну а раскачивающаяся в невесомости коса Гавра, выходца из индейцев, походила на змею, исполняющую магический танец.

В корабле наступила тишина.

Только Старкер возился со своим ящиком. Он сливал растворы, что-то подогревал, переставлял ящик с места на место, присоединял к нему пучки кабелей, которые связывали прибор с компьютером, системой электро-снабжения, приборами корабля, его телескопами, пультами, локаторами, антеннами...

Наконец Старкер неуклюже забрался в мешок и заснул.

Первым вскочил Петерсон. И сразу поднял свою команду.

— Гавр, включай локатор, пощупай Север, там эти блондины подозрительно суетились в своих фиордах.

Пилот включил локатор. На экране побежала береговая черта, фиорды, строения, причалы.

— А это что?— неожиданно прозвучал чуть дребезжащий, тонкий голосок.

— Что значит — что?!— рявкнул Петерсон.

— Здравствуйте,— ответил тот же голосок,— я вас уже знаю. Гордон, будьте добры, подтяните крепление динамика на седьмой стойке, тогда я не буду так противно дребезжать.

Гордон кинулся к стойке и подтянул винт. Петерсон и Гавр изумленно молчали.

— Спасибо, Гордон.— Голосок перестал дребезжать и стал мелодичным.

Все трое разом взглянули на блестящий ящик, который яростно мигал индикаторами.

— Посмотрите на экран локатора,— подсказал голос.

Они уставились на экран. Там над темным пятном в глубине фиорда пульсировал маленький знак вопроса.

— Что это?

— А... это... — нарушил молчание Петерсон и замялся, — это такое сооружение... такой дом, где прячут эти... как их, ну, в общем, ракеты.

— Что такое ракеты? — бойко спросил голос.

— Ракета — это такое устройство, которое летит и в воздухе, и в космосе, летит быстро и очень точно,— про-

хрипел Петерсон, косясь на блестящий ящик. Лоб его покрылся испариной.

— А куда летит?— упрямо допытывался голосок.

— Куда, куда... Ну, куда надо!— Петерсон свирепо посмотрел на Гордона.— Это твоя сфера, ты и отвечай.

— В цель летит ракета, в цель,— откликнулся Гордон.

— А что такое цель?

— Это и корабль, и аэродром, и город, и многое другое, заводы, дома... ну...— Гордон не знал, что еще говорить.

— Дома — это где живут люди?— не унимался голос.

— Да, да, люди,— тихо ответил Гордон.

— А зачем к ним летят ракеты?— вызванивал независимый голосок, раскатываясь в пространстве. — Люди звали к себе ракеты?

— Их никто никогда не зовет, а летят они... затем, чтобы это... Доктор!— рявкнул вдруг Гордон. — Проснитесь, черт возьми! Дитя тут ваше...

Старкер резко поднял голову, вздрогнув в мешке всем телом:

— А-а?.. Что?..

— Очень любознательное! Чересчур даже!— указывая на ящик, прошипел Петерсон.— Ну прямо удивительно много хочет знать...

— А где город, куда полетят ракеты?

Петерсону вдруг показалось, что голосок прозвенел с его плеча, и командир резко провел ладонью по плечу, словно хотел отряхнуться.

— Везде, почти везде, дитя, на всей Земле,— еле слышно ответил доктор Старкер, глядя на свой ящик и медленно опускаясь перед ним на колени.

— Как это глупо, — горестно вздохнул голосок.

Стало слышно, как стрелка корабельного секундомера отсчитывает время. Петерсон, Гордон и Гавр медленно обступали блестящий ящик и склонившегося над ним доктора Старкера. Они не сказали друг другу ни слова

и даже не смотрели друг на друга, но они знали, что нужно сделать.

Когда доктор Старкер поднял голову, он прочитал на их лицах все...

СЕТКА

А жизнь рождала жизнь. Жизнь просто продолжалась. Даже в безумную эпоху атомных бомб, ревущих самолетов, прячущихся в глубинах подводных крейсеров, ракет, летящих в заоблачных высях и крадущихся над самой Землей. Жизнь продолжалась на Земле, когда в космосе появлялись земные завоеватели. Они строили, запускали и размещали специальные, необычные спутники, которые появлялись над континентами, странами, городами и селами. Они подслушивали, подсматривали, записывали, передавали, следили, они заглядывали в дома и даже в души людей. И постепенно люди привыкли жить под пристальным взглядом. Они становились тише, незаметнее и даже больше похожими друг на друга. Люди привыкли к чужому взгляду. И влюбленные, целуясь под луной, знали, что на них смотрят. Тогда и родилась Натали.

Шли месяцы. Девочка росла. Это был очень смысленный, подвижный ребенок. Но по ночам ее мучили кошмары. Она кричала во сне, просыпалась и плакала, просилась на руки или, рыдая, зарывалась под одеяло.

Пригласили врача.

— Сны страшные снятся,— успокаивал врач.

И все оставалось по-прежнему — бессонные ночи и тревога ничего не понимающих родителей, Люси и Лема.

Однажды к ним в гости приехал молодой лейтенант Джим, брат Люси. Вечером бравый лейтенант, не давая себя перебить, громко и с удовольствием рассказывал:

— Теперь я буду рядом с вами, мои дорогие. Недале-

ко построили нашу базу. Я стал немного ближе к богу. Там,— лейтенант поднял указательный палец,— бегают наши «серые мыши» и, наверное, беспокоят его. Может, он переселится повыше?— расхохотался Джим.— Между прочим, твой брат, Люси, один из лучших офицеров, и только мне могли доверить такую работу. Спокойствие и безопасность я вам отныне гарантирую.

Телефонный звонок прервал лейтенанта.

— Это тебя, Джим,— сказала Люси, передавая ему трубку,— откуда-то из 2732...

— Лейтенант Грю слушает.— Джим даже вытянулся у телефона.— Понял. Да. Передать в Бюро информации. Понял. Вокруг базы. Понял.— Джим положил трубку, и в эту секунду из детской спальни раздался крик. Когда взрослые вбежали в комнату, где спала Натали, они увидели, как детские руки беспомощно тянутся вверх, в открытых глазах застыла боль. Девочка рыдала и металась на кровати.

— Вот, Джим, так каждую ночь, и мы ничего не можем сделать.— Лицо Люси окаменело. Она стояла над бывшей дочерью, но даже не притрагивалась к ней.— Все бесполезно, Джим. Это приходит само собой, как наваждение. Но это бывает каждую ночь, понимаешь, каждую.

Бравый лейтенант молчал. Он знал, что происходит с ребенком, но он давал присягу и потому молчал, быстро перебирая пальцами пуговицы своего красивого мундира.

Девочка затихла.

— Два ноль-ноль,— произнес лейтенант.

— Что, Джим?— Люси с тоской смотрела на брата.

— Ничего. Я так. О времени. Спать пора,— ответил Джим.

Но на следующий день лейтенант загрузил вычислительные машины работой. Машины ощупывали Землю. Машины искали место, где нет спутниковых облучений. Искали долго, упорно и... нашли. Они просигналили о

полоске, о небольшом городке, который лежал между трасс спутников.

Х-2244858004,— записал в свой блокнот лейтенант и в тот же вечер был у Люси.

— Надо переезжать,— сказал он ей тоном, не терпящим возражений,— наша база все равно будет расширяться, а тут,— он ткнул пальцем в бумажку,— полезный климат. Мне сказали, что ребенку здесь будет лучше. Она поправится...

Жизнь в новом городе наладилась. И — чудо!— Натали спала глубоким сном. По утрам она даже рассказывала счастливой матери свои сны про добрых слонов, смешных обезьянок, крикливых попугаев, про море, в котором прыгали дельфины...

А осенью приехал Джим.

— Джим, дорогой, спасибо, Джим. Ты спас Натали, она так выросла, посмотри, вон она, во дворе!— тараторила Люси и волокла Джима в дом.

— У меня плохие новости, Люси,— мрачно ответил лейтенант,— поэтому я и прикатил сюда. Почти все новорожденные в вашем бывшем городе, да и в других заболевают недугом Натали. Родители сходят с ума...

— Но надо же сказать всем, чтобы ехали сюда! Здесь же так хорошо! Надо спасать детей от этого безумия! Это же хорошо, Джим, что есть такое место!

Лейтенант говорил сквозь зубы.

— Через три месяца, Люси, этого места не будет. Сюда приедут толпы.

— Джим, я не понимаю...

— Послушай, Люси, дети заболевают из-за спутников, которые контролируют Землю днем и ночью. Здесь,— он взмахнул рукой,— последний клочок Земли, выпавший из их орбит. Последний, Люси.

— И все это сделали вы, Джим? Такие, как ты? Зачем? Кому это надо? Вы безумцы?

Джим не любил истерик. Его лицо стало бесстрастным.

— Это делают для вашей безопасности, черт побери. Для вашего счастья, сестра. Для счастья...

Натали спала, улыбаясь во сне.. Знакомая страшная тень пробежала по ее лицу, глаза распахнулись в бездонном ужасе, тело взметнулось над кроватью, и вопль отчаяния сорвался с губ.

На пороге ее комнаты стояла Люси. Стояла и смотрела на дочь, не трогаясь с места.

Утром с неба сошел бог. У него было лицо Джима. Он сошел с вертолета и двинулся к дому Люси. Она вышла навстречу.

— Люси, вчера мы испытали новую станцию.— Джим остановился в нескольких метрах от женщины.— Теперь и это место легло под орбиту.

Люси молчала.

— Но есть выход.— Лейтенант попытался улыбнуться.— Мы придумали специальные сетки, их можно надевать на тело и жить. Излучение не пройдет сквозь них...

Люси молчала.

— Какая разница, сестра!— Лейтенант начал нервничать.— Можно жить в сетке! Она не мешает!..

Люси молчала.

Джим решительно потряхнул головой и пошел к вертолету.. Он опаздывал. Через час его должны были повысить в звании — идея с сетками принадлежала ему, как, впрочем, и открытие незанятой, дефицитной местности для новой спутниковой трассы.

Люси смотрела на взмывающий в небеса вертолет.

Ее душа онемела.

СТРЕЛОК

Этот уголок Галактики был просто идеальным. Звезда сияла ярко, но ее излучение было терпимо и свет не ослеплял пилота. Особенно приглянулась пятая планета,

она переливалась зеленью растений, голубизной морей и белизной облаков.

«Прямо как наша Земля,— подумал Гавр,— надо садиться, нечего размышлять».

Гавр — пилот-разведчик, приоритетный посланец в неизвестное, мастерски притер корабль на травянистую поляну. Экспресс-анализ показал полную доброжелательность окружающего мира.

«Посплю и выйду»,— решил Гавр и закрыл глаза.

Сон был уже здешним. Под влиянием увиденного в сознании Гавра мелькали пушистые звери, дивные леса, красивые птицы. Рай да и только.

Проснувшись, Гавр огляделся вокруг и заметил кое-какие изменения: от корабля шла просека, теряющая свое окончание где-то далеко в лесных чащах.

«Не заметил я эту дорожку, что ли? — подумал Гавр.— Не могли же ее прорубить за четыре часа, пока я спал».

Облачившись в снаряжение для новых неизвестных планет и прихватив оружие, Гавр вылез из корабля. Красная метка его бластера показывала сто процентов — это действовало успокаивающе. «Добрый знак защиты» — так называли метку разведчики. Осторожно продвигаясь вперед, Гавр замечал вокруг себя все и вся: шевеление листвы, ее шелест, птиц в небе и траектории их полета, мелькание легких теней в кустах и меж деревьев — все было спокойно, без намека на агрессию. Но Гавр не расслаблялся, успокоительная тишина не отвлекала его, а окружающее спокойствие, наоборот, все больше и больше настораживало. Гавр, как опытный охотник в лесу, шестым чувством ощущал на себе настороженный взгляд.

«Деревья, что ли, смотрят?» — подумал Гавр и вспомнил русскую шутку:

Как у нас в Рязани
Все грибы с глазами.

Их едят — они глядят,
Их берут — они бегут.

Усмехнувшись, он шел дальше, но ощущение цепкого, липкого взгляда не отпускало его. Все более ему казалось, что он похож на быка на бойне, который идет по узкому коридору, в конце которого его ждет меткий стрелок с оружием, направленным ему в сердце. Но вокруг была тишина и благодать. И именно это нервировало Гавра. Несколько раз он ловил себя на том, что его рука невольно сжимала оружие. Гавр уже не шел, а крался, окруженный птичьим пением, ласковым светом, шепотом листвы, шел, подминая яркие цветы, сгибающиеся под его тяжестью, словно приветствуя его.

Напряжение росло. Гавр вышел из леса и очутился на полукруглой поляне, края которой круто уходили вниз. Лес за ним сомкнулся. Гавр стоял, упираясь спиной в зеленую стену леса. Голубое небо и резкий край обрыва делили мир пополам: на темный низ и светлый верх. Граница между ними была четкой и строгой. Вдруг четкость границы нарушилась, линия горизонта вспучилась, и над краем обрыва появился лохматый бугор, превратившийся в хищную голову с горящими свирепыми глазами и оскаленной пастью, утыканной лесом кривых, желтых зубов. Голова поднималась все выше, покачиваясь на тонкой чешуйчатой шее грязно-зеленого цвета. Морда была просто отвратительная. Появились когтистые лапы, они подрагивали, выдавая нетерпение зверя. У косморазведчика была отличная реакция, оставшаяся еще от прадеда — завсегдатая баров и таверн, в одной из которых, впрочем, он и остался, опоздав опередить своего соседа на долю секунды. Выстрел — и затихающий вой подчеркнул меткость Гавра. Зверь исчез. Гавр вытер выступивший пот и боковым зрением заметил горящую линию горизонта справа. Выстрел — вой — вспотевший лоб. Холм теперь вырос слева... Выст-

рел — вой — вспотевший лоб. Холм впереди — выстрел — вой — вспотевший лоб, слева — выстрел — вой, справа — выстрел — вой... Гавр уже не успевал вытирать лоб, пот струился сплошным соленым водопадом. Цифра 100 катастрофически ползла к нулю, но Гавр уже не замечал этого и только нутром чувствовал, что спасительные заряды тают, как снег в весеннюю пору. Очередной выстрел, и Гавр понял — ноль.

— Все, замотали, черт вас дери, больше нет,— чертыхнулся от души Гавр и в сердцах швырнул бесполезную железяку в скалящуюся рожу. Удар был точен, и рожа исчезла, а оружие с глухим стуком скатилось в бездну. Гавр напряг мышцы тренированного тела, готовясь к схватке. Но никого не было, рожа не появлялась, горизонт был чист и светел. Напряжение сказалось, и дрожащие ноги Гавра перестали держать его... он стал валиться на спину. Но не упал. Что-то мягко поддержало его, и он очутился в удобном кресле. Напротив сидел ухмыляющийся ромб с живыми глазами.

— Вы уже девятый и тоже с оружием. И все сначала стреляете, а потом раскаиваетесь и недоумеваете, как это произошло. Мы потеряли троих, пока не придумали вот это.

— Что это? — тупо спросил Гавр.

— Разрядитель оружия,— невинно ответил ромб и, в свою очередь, спросил:— А где вы научились так хорошо стрелять, на войне?

— Нет, у нас войны давно нет,— сказал Гавр.

— А где же тогда?— переспросил ромб.

— На стенде.

— А что такое стенд?

— Это такое устройство, где мы учимся стрелять для охоты. Как вот этот ваш разрядитель оружия.

— Так вы стреляете только на охоте?— от души удивился и обрадовался ромб.

— Мы-то да! А вот в соседней звездной системе до

сих пор воюют,— ответил Гавр. «Вот бы и правда настроить стендов для любителей войн»,— мечтательно подумал он.

МУДРЫЙ

Сказка

Степняки опять загнали могутов в леса. Стычка была кровавой, много воинов лежало на снегу, ставшем похожим на пурпурное одеяло. Могуты пленили двух степняков, а своих потеряли с десятком.

Перед сражением мастера-оружейники показали князю могутов Гору новую выдумку — к стрелам приделывали перья, и они летели намного точнее, не кувыряясь на излете. Упавали на них. Но предательство и корысть уже бродили среди лесов и полей. Степняки ударили такими же стрелами. Надежды на победу не было, князь увел своих людей. Сидели в лесу тихо, хоть и морозно было, но печей не топили — дым степняки увидят. За слушание — голова с плеч, князь на расправу был скор.

— Князь, к тебе мастер идет, рассказывает, что споро с тобой говорить надо,— доложил воевода.

— Пусть войдет,— разрешил князь.

Вошел белокурый рослый мужик. Лоб его был высок, глаза умны, руки натруженные, работные.

— Говори,— приказал князь.

— Государь, других уברי,— только тебе скажу,— смело глядя на князя, произнес мастер.

— Всем вон,— зыкнул князь,— кроме отца духовного, он наша вера и посредник божий, от него секретов нету.— Все бросились из избы.

— Князь, пойдем в лес, покажу,— веско сказал невозмутимый мастер,— степным шельмам теперь конец придет.

Не мешкая, князь и отец духовный двинулись по сугробам в чащу леса.

— Смотреть, князь, отсюда способнее, дальше не ходи. Вон ту опушку леса зри внимательно. Я сейчас, не заморожу. Крикну, а покуда отдыхай, княже.

Поклонившись, мастер скрылся в ельнике. Духовный отец на всякий случай перекрестился и осенил крестом князя.

— Будь начеку,— слышалось из лесу.

Князь и духовный отец впились глазами в опушку. Вдруг над опушкой, как пчелиный рой, пронеслись десятки быстрых стрел и повтыкались в снег, как тростник на болоте.

— Не возьму в толк, чего тут хитрого, схоронил лучников дуже скрытно, числом много, ну и что?— заворчал князь, промерзая на холоде.

— Не спеши гневаться, князь, давай дождемся мастера, тогда и учини ему допрос, пусть обскажет, что к чему, растолкует,— посоветовал духовный отец.

Пришел мастер, поклонился и так и остался склоненный перед бородами повелителями.

— Сколько стрелков учинили стрельбу единовременную, где ты их попрятал, иль какое мудреное свойство имеет твое оружие, для нас не приметное? — строго спросил князь.

— Один всего и был стрелок-то, я только и стрелял, княже,— еще ниже сгибая спину, ответил мастер.

— Как один? — подпрыгнул князь. — Врешь, покажи.

Устройство было нехитрым, пучок стрел сразу вырывался из пустотелого кедрача и веером рассыпался в воздухе. Одни стрелы летели дальше, другие — ближе. Большую площадь утыкали стрелы.

Князь уже видел мчавшихся степняков, храпящих, оскаленных коней; конница мчалась, как черный саван смерти, и летящий им навстречу рой убийственных стрел, выпущенных из нового оружия. Степняки слетали с коней с пронзенной грудью и, как вороны на вспаханном поле, вертелись на красной земле.

Князь был доволен и горд своим умельцем.

Бросив золотой мастеру, князь задумчиво двинулся к себе в избу.

— Что скажешь, святая церковь? — обратился он к отцу духовному.

— Страшное оружие, сотни сразу убиенных. Ты прогонишь степных разбойников, завоюешь все вокруг, но оружие богопротивное, один на один борьба нам, славянам, милее и честнее — вот мой сказ, государь.

Князь шел, взвешивая виденное и обдумывая услышанное. Воевода встречал их у порога.

— За ночь помост сбей, плаху поставь, разбойников рубить будем, — сказал князь. Духовный отец перекрестился.

— И то дело, пусть люди видят беспомощность врага, кровь его, страх, а то болтают злые языки о силе и непобедимости степняков, язык бы им вырвать.

Всю ночь князь ворочался, кряхтел, сны его мучили... сотни убиенных людей, и степняков и могутов, вдовы плачут, дети мрут.

Утром учинили скорую казнь. Разбойничьи головы катились с открытыми, полными ненависти и дикой злобы глазами.

Сделав свое дело, палач подошел к князю и склонился перед ним, ожидая поощрения или строгого слова.

Князь думал, потом резко встал и выкрикнул:

— И его, живо!

Перст с золотым кольцом и блестящим бриллиантом, словно луч, уперся в грудь мастеру. Голова мастера скатилась к головам разбойничьим, в глазах были слезы и удивление.

Духовный отец был изумлен, но не вступился за мастера, время было военное, спорить с князем было опасно. Народ в страхе разбежался. Шепот полз от избы к избе: князь-де ума лишился, мастера лучшего, умнейшего обезглавил.

Духовный отец заперся в келье и взывал к богу. Мо-

нахи стояли смиренно, дожидаясь решения. Дверь отворилась. Духовный отец крикнул монахам:

— Летописца ко мне, скоро.

Летописец прибежал, бухнулся на колени, целуя рясу.

— Чем кончил ты последние слова книги нашей истории? — спросил духовный отец.

— Описанием казни, святой отец.

— Какое слово начертал ты последним перед тем, как поставить точку дня того?

— Имя государя, святой отец.

— Допиши еще одно.

— Каково, отец?

— Мудрый.

— Исполню, отец.

Церковники в полном собрании пришли к князю.

— Государь, — обратился святой отец, — святое собрание решило имя твое дописать. Отныне ты не просто Гор, а Гор Мудрый, — и добавил: — За то утро, государь.

— Мудрый, — усмехнулся князь, вспомнив стрелы с пером, летевшие от степняков, — теперь я за свой народ спокоен.

Затрубили трубы, застонали рожки... в поле появились всадники. Опять пришла степь, надо браться за луки, каждый за свой.

БЕЗУМЦЫ НА ОРБИТЕ

Все как будто было и не в первый раз, но необычность и запретность чувствовались всюду. Со стороны все смотрелось как обычно: короткие команды, доклады об их выполнении шли по графику, своевременно и без отклонений, в разгаре предстартовая подготовка. Правда, смотреть на эту суетню почти некому: ни журналистов, ни посторонних зрителей, лишь стартовая команда и официальные, без улыбки на каменных лицах, люди

в мундирах и с большими звездами на погонах. Экипаж тоже официален, сух и тоже с погонами на плечах, но на них звезды поменьше. Везде чувствовалось присутствие армии: серые бетонные здания с железными решетками на окнах, затянутых еще и металлической сеткой, опознавательные знаки военно-воздушных сил на космическом корабле, секретные инструкции, сверхсекретные пакеты. Даже бортовые компьютеры были опечатаны, а их лицевые панели заперты секретными замками с шифрами. В них, как в стальных сейфах, хранилась секретная математика для осуществления секретных замыслов. Складывалось впечатление, что и люди засургучены секретными печатями. Готовился совсем иной старт, не такой, что был первым после русского броска в космос, не такой, что был первым на Луну, когда тысячи людей, облепив берега реки, потягивая пиво и кока-колу, поедая «горячих собак», с восторгом вскакивали при появлении огня под сооружением, похожим на огромную башню. Башня отрывалась от Земли, летела все выше и выше, в грохоте и огне уменьшаясь в размерах. А люди, посланные отсюда, с космодрома, летели все ближе и ближе к далекой цели. Разноязычная трескотня журналистов, музыка, заполненные игровые площадки, битком набитые питейные барчики и ресторанчики, машины всех цветов и марок — все это придавало людям чувство причастности к происходящим событиям и близости к тем, кто летел в космические дали, причастности к космическим свершениям и к самому космосу. Но прошли годы восторгов и общих побед, и людей отлучили от этих свершений, космос стал доступен далеко не для всех и далеко не для того, что приносило людям радость, прогресс и чувство очередной победы в познании природы, Вселенной.

Руководитель полета доложил в центр о готовности к старту.

Генерал взял микрофон в руки.

— Парни, на вас смотрит армия и страна, вы долж-

ны доказать, что на вас и на ваших «лошадок» не зря ставили деньги, вы наши глаза и уши, наша сила и мощь, вознесенная над планетой. Выше вас никого нет из наших парней, вы самые сильные и смелые, на вас смотрит Армия и Президент. Сделайте все, чтобы мне было с чем открывать дверь к Президенту... и почаще, — тень улыбки промелькнула на тонких губах каменного лица, но тут же маска непроницаемости скрыла ее, а в глазах потухла искра человечности. — Старт, да храни вас господь!

— Старт, — рывкнул полковник, дублируя команду генерала.

Вычислитель отсчитывал последние секунды, и вот ослепительное пламя вырвалось на свободу и огромная, поистине дьявольская сила понесла в космос то, что должно было отнять у людей Земли спокойствие и сон, уверенность в жизни, в завтрашнем дне, отнять у людей счастье жизни на красивой и уютной планете. Стальная громадина, ревя и изрыгая пламя, скрылась в черных, почных тучах. Начинались трудные дни для землян.

Луна не светила на землю серебром своих лучей, и исчезнувшее в небе пламя погрузило космодром в непроглядную темень. Мрачная тишина повисла над космодромом, одна за другой скрылись за колючей проволокой машины жабьего цвета, унося в мягких креслах ум и гордость Армии — ее генералов из объединенного Космического командования. Телефоны в машинах молчали — инструкция запрещала любые переговоры, даже с домом. Машины веером рассыпались по дорогам — каждая в «свою конюшню», как шутили шоферы.

А корабль летел уже на орбите, летел молча, космонавты не выходили в эфир. Да и внешне он был похож на обыкновенный тяжелый спутник, на любом радаре Земли отметки сигналов от него не несли ничего особенного — спутник и спутник, только больших размеров. Это была идея морского представительства, древнего старика адмирала, помнившего еще уловки на

море: плывет себе сухогруз, да и только, а под декоративными щитами — стальные листы, броня, орудия, торпеды, зенитки. Не раз срабатывала эта ловушка, и на дно тихо опускались танкеры, транспорты, боевые корабли и подводные лодки, всплывшие за легкой добычей. Море оглашалось криками о помощи и проклятьями войне и ее зачинщикам. Крики обрывались в хищных пасть акул, в огне горящей нефти или просто наступившем бессилии и покорности судьбе. Крики стихали, и океан замирал до следующей трагедии. По замыслам нынешних стратегов, такая тактика могла пригодиться и в космосе, в огромном безвоздушном океане. Космический корабль принимал свои истинные очертания лишь перед посадкой, сбрасывая в космос свою шкуру хамелеона. «Улыбка Иуды» — так мрачно прозвали корабль, взлетевший в космос.

Компьютеры делали свое дело, экипаж осваивался в невесомости, на это отводилось время в жестком графике полета.

— Наконец-то, — первым нарушил молчание командир экипажа, — наконец-то за моей спиной ни одного ученого, которые с умным видом везут в космос ящики с мухами, крысами, какими-то дурацкими приборами и еще более дурацкой требухой. Правильно говорит шеф: «Только рыло делают, да и только», — умники, а толку чуть. Какие-то ненормальные, помню, у одного такого дока крыса вылезла из гнездышка и полетела, вращая хвостом, как пропеллером, и прямо докторше на грудь, а докторша из этого же ученого племени, бряк в обморок; она, видите ли, крыс боялась. Вот потеха была, согнулась крючком и летит, кувыркаясь, прямо на другого умника, он к телескопу прилип и чего-то там обнаружил. Так этот умник тоже в обморок — он испугался бабы с мышью на груди. Я смотрел на все это и хохотал от души. И кто, вы думаете, ее спас? Конечно, я, заключив ее в свои армейские объятия. Она сразу же очухалась, и я схлопотал от нее комариную оплеуху, видите

ли, я не за то ее схватил. Но теперь господь бог сжалился надо мной. Наконец-то со мной настоящие парни! Это надо же только подумать, сколько же надо было времени, чтобы сообразить, допереть до того, что космос сделан прежде всего для нас! Прав наш генерал — отсюда мир можно держать в страхе, можно заставить многих не спать, а стоять, задрав морду кверху и молить бога, чтобы такие, как мы, не сбросили на них одну из своих игрушек. А?! Каково?! Мир на коленях, а?

Мощный его хохот передался всей команде.

— Эй, Ящик с мыслями, но без извилин, будь добр, расскажи о нас всю правду, как на исповеди у нашего пастора с вечно сизым носом и мутными глазами, — начал традиционную шутку Вольф.

Ящик-компьютер покорно прохрипел:

— Вы — это лучший экипаж сил объединенного Космического командования: командир — капитан первого ранга Вольф, прозвище Магнит удачи; пилот — подполковник ВВС Док, прозвище Летающий скаल्प (Док был лыс уже несколько лет); спец. № 1 — майор сухопутных сил Джим, прозвище Охотник за собственной тенью; спец. № 2 — капитан сил морской пехоты Джеб, прозвище Летающая жаба.

Все ваше стадо скопом стоит 105 тысяч долларов в год, на всех вас три жены и шесть детей. Вы ничем не больны и не можете заболеть, так как любой вирус поймут ваши чуткие приборы, а вы его сварите, зажарите, разделите поровну, сожжете, запьете виски и будете дальше пасти Землю. Вы все отличные ребята и любите своего командира, который может в любую минуту отдать вам приказ, заставить сделать все, что взбредет в его места стриженную голову, может вас наказать, лишит зарплату, оштрафовать, применить к вам силу вплоть до...

— Но этого он не сделает, так как он нас любит так же, как мы его, — хором гаркнули глотки Дока, Джима и Джеба.

Хохот потрясал корабль, парни топали ногами, как в гарнизонном клубе, горячась при виде оголяющихся на сцене девиц. Топот был настолько силен, что двигатели корабля заработали, удерживая его в пространстве.

— Вот это да,— хохотал Док, тыча пальцем в расходер топлива,— двадцать фунтов первоклассного горючего коту под хвост. Джеб, у тебя самый большой ботинок, значит, это натворил ты, расход за твой счет или пополам с Доком, он холостяк, его не обижают, как нас наши жены.

— Ящик, сколько это стоит? — продолжал веселиться Вольф.

— Семьсот пятьдесят два доллара, сэр, и семьдесят пять центов,— сострил Ящик.

— А зачем семьдесят пять центов? — не понял Вольф.

— Мне на банку пива за то, что я скостил сто долларов вам по дружбе,— теперь хохотали все, Ящик тоже в порыве своего электронного веселья.

Хохот приутих, и заговорил Джим, голос его был низкий, это всех как-то успокоило.

— Вольф, когда ты говорил о нас и космосе, ты был, по-моему, совершенно прав. Я тоже часто думал о Земле еще на полигоне, на стрельбище. Там до противного примитивно: дали цель — стреляй; попал — хорошо, нет — плохо. Много зависит от случая, от того, где и когда появится цель. А здесь — совсем другое дело. Вот если отсюда из пулемета ударить — 16 часов пройдет, и вся Земля вспахана от Южного полюса до Северного — мечта да и только. Только не забывай снять палец со спускового крючка, чтобы оставить жизнь своим. Еще в академии, когда эти умники рассказывали о стратегии и тактике, я посмеивался: Земля как будто специально сделана для прицельной стрельбы из космоса: ведь она так услужливо поворачивает то тот бок, то этот. И заметь, Вольф, континенты и страны — это не солдаты, которые обучены маскироваться в поле, прятаться за камни, в рытвины, окопы, скрываться в лесу,

за углом, это не солдаты, которые мастерски уползают из-под твоих пуль, нет. Земля другое — нужна только выдержка, и она сама подставит тебе нужную цель под стволы, только нажимай гашетки. Не хотите ли стрелнуть по Европе? Нет? Тогда потерпите, минут тридцать, и перед вами возникнет Азия. Или угодно Австралию, тогда еще потерпите чуть-чуть, если не трудно, конечно... Или вам по нраву больше очертания Индии, Цейлона, Мадагаскара?

— Так, парни, все за работу, Ящик уже сердится. Готовьтесь к учебной стрельбе. Джим, сегодня тебе надо попасть в ракету, ее запустят откуда-то из гор, она вынырнет из атмосферы, как рыба в прыжке из воды. Потом ты, Джеб, перехватишь ракету, которую пальнут по нас с самолета, это наша последняя новинка, с самолета выстрел... и прямо в космос — красота! Ну уж потом я не откажу себе в любезности уничтожить заброшенный давным-давно спутничек, этак почти тонн на десять, я его нарежу, как колбасу в забегаловке за углом на 20-й авеню.

Работа спорилась, это были мастера своего дела. Корабль мчался навстречу неисчерпаемому горизонту, вырвавшись из плена темноты. Горбатый, черный горизонт сначала чуть посветлел, потом стал краснеть, потом золотиться, и вот уже Солнце свечой взмыло вверх, заливая светом все вокруг и постепенно обнажая из черноты Земли горы, реки, озера, города. Рядом с Солнцем появилась маленькая точка, совсем не заметная для человеческого глаза. Но электронные глаза не подвели.

— Впереди по курсу цель, — пролаяли динамики.

— Автомат на слежение, координаты и опознавание на дисплей, — рывкнул Вольф, — Джеб, уничтожить цель.

Джеб впился глазами в дисплей... Скорость, удаление, маневры, траектория ракеты, — все рисовалось на нем причудливым узором, кружащимся в едином хороводе. Цель стремительно приближалась к красной черте — границе допустимого. Джеб свел на дисплее пере-

крестие прицела и цель. Машина застрекотала, вычисли-тели торопились рассчитать траекторию перехвата.

— Выстрел,— скомандовал Джеб.

От корабля потянулся узкий светящийся луч. Он бежал вперед, пронизывая черное пространство космоса, как гигантская раскаленная игла. Ее конец воткнулся в цель и вцепился в нее мертвой хваткой, не отпуская ни на мгновение. В безмолвной тишине возникло ослепительное свечение, ракеты не стало, а луч побежал дальше, глубже, но в этом уже не было необходимости, и он погас, позвав вернуться прежнюю черноту в спокойствие космоса.

Следующая цель появилась в противоположной стороне, к ней навстречу вылетела маленькая вертлявая ракета, управляемая Джимом. Пальцы Джима чуть шевелились, а ракета, послушная им, как музыка клавишам рояля, металась из стороны в сторону, стремясь к смертельному randevu. И оно состоялось, это смертельное randevu. То, что было раньше ракетами, брызнуло в разные стороны острыми, рваными осколками. Джим отшатнулся от дисплея и закрыл глаза, он был доволен и немного устал. Джим подмигнул Джебу и поднял палец вверх, о'кэй, парень, значил этот жест. Оба улыбнулись.

— Эй, безработный бездельник, Док, плыви сюда, смотри, как надо делать космические сэндвичи, был бы острый нож, а вилки здесь не надо... и хорош же этот космос, сам держит наживу.

Вольф, как старый, матерый волк, долго крутился вокруг старинного спутника, прежде чем всадить в него невидимый луч-убийцу. Спутник летел себе и летел, и вдруг он раздвоился, разрезанный на две части, потом этих частей стало четыре, потом восемь, шестнадцать... Вольф любил такую работу, он и дома разделял дичь с величайшей аккуратностью. Спутник стал похож на сложенную из кубиков хрупкую фигуру, готовую рассыпаться при неосторожном к ней прикосновении.

— Вот так,— поставил точку своей работе Вольф.

Устав от своего бизнеса, команда отдыхала, лишь Док, страдающий от безделья, искал себе занятие. Он включил приемники и стал подслушивать мир.

— Эй, кэп Вольф, французы взлетели с каким-то кардиографом и что-то собрались изучать в созвездии Ориона. Не наизучались еще. Вот тебе на! Они нас вызывают, что-то у них случилось, а больше в космосе никого нет. Черт возьми, Вольф, помните, я вам докладывал о французенке Жаннет, она космонавт, должна была скоро лететь... Вольф, они зовут нас, просят подойти к ним и спасти их, у них утечка кислорода и жизни всего на полчаса, на борту трое, имен не назвали... пронеси, господа, мою Жаннет.

— Кончай трепаться, Док, что они там еще говорят? — оборвал его Вольф.

— Опять зовут, говорят, утечка растет, видно, дыра расширяется. Очень нас просят, они догадались, что мы на орбите, это они сами говорят и просят не отмалчиваться. Вольф, надо бы помочь, они рядом.

— Ты что, sdурел, Док, или тебе нужно прочитать инструкцию, вон, спроси у Ящика, что написал в ней папаша с большой звездой. Кстати, ее утвердил Президент, если твои мозги кое-что забыли. Тебе что, летать надоело, или тебе мало платят? Сиди и не рыпайся, а то я применю к тебе то, что мне разрешено в этой же инструкции. А ну, Ящик, дай-ка строчки 22-го параграфа этому болвану с мягким сердцем и хорошими ушами, тоже мне, полиглот, уже и французский выучил. Наверное, в ночных клубах Парижа, слюнтят. Или со своей... как ее, Жаннет, что ли...

— Не трогай Жаннет,— твердо и с угрозой сказал Док, глаза его стали наливаться злостью, такого еще не бывало.

Обстановку разрядил Ящик.

— Параграф 22 в верхнем левом углу на дисплее,— бубнил он.

На дисплее светилось: «При наличии на борту боевых зарядов категорически исключено:

— посадка на чужой территории;

— пребывание на борту лиц, не занесенных в регистр, даже соотечественников, при полете в космос, на суше и на море».

— Понял или нет: «...при полете в космос... даже соотечественников», а ты чего заскулил? А если б нас тут не было, тогда что? Все, хватит, слушай приказ: режим радиомолчания, сидеть тихо и выключи на полчаса приемники, чтоб не разорвалось твое доброе сердце.

У Дока сверкнули на глазах слезы, и он резко ткнул клавишу выключения приемников. Полчаса прошло в гробовом молчании, и действительно, в ста милях от них летел корабль, навсегда потерявший свой экипаж.

Настроение было подавленным.

— По программе полета отработка сближения с чужим космическим объектом, скрытно, без облучения его радаром, в ручном режиме, автоматы как будто отказали,— провозгласил Ящик.

— Док, хватит ныть и расстраиваться, вспомни, сколько наших парней осталось в космосе, сгорело на Земле, разлетелось в небе на куски, раздираемые взрывом ракет. Хватит, за работу. Если тебе их так жаль, подойди к ним, посмотрим, что там,— угрюмо и зло приказал Вольф,— автоматы отключить, Док, хватайся за ручки и покажи свое мастерство, ты это умеешь делать, мой верный пилот.

Док молча занял место пилота и повел корабль к чужаку. Миниатюрный корабль летел, беспорядочно кувыркаясь, как подбитая птица с разбитым крылом. Док сблизился и летел совсем рядом. В иллюминаторе мелькнули тени — обнявшиеся фигуры медленно вращались в невесомости, попеременно приближая к иллюминатору свои застывшие, бледные лица — немой укор живым. Глаза широко распахнуты, рты полуоткрыты в последнем глотке живительного воздуха. В иллюминаторе

мелькнуло лицо Пьера... Джим судорожно сглотнул, с Пьером он встречался не раз в Вене, Праге, Париже. Бледное лицо Пьера исчезло, и на Дока в упор смотрели огромные, навсегда лишенные жизни глаза Жаннет, длинные густые волосы ее разметались в невесомости, губы полуоткрыты, черные глаза широко распахнуты в изумлении от человеческой подлости.

Док в ужасе глядел и глядел на Жаннет, перед ним как на киноленте мелькали их встречи, побережье солнечной Ливии, песчаный пляж, одинокая вилла, купанье в волнах прибоя, счастливый смех Жаннет, ее хрупкая, чуть мальчишеская фигурка, ее ласковые руки и волосы, водопадом струящиеся по ее лицу, их счастье, его счастье...

Руки Дока судорожно сжимались в кулаки, слезы застилали глаза, рыдания сотрясли его тело... Док потерял контроль, корабль дернулся, словно ему передались рыдания его пилота, и многотонная махина резко поплыла навстречу глазам Жаннет... Удар, треск, скрежет рвущегося металла возвестили о столкновении. Вольф с проклятиями вышвырнул из кресла Дока и включил двигатели на отход, но назад они поплыли вместе с французским кораблем, это чувствовали опытные руки Вольфа. Вольф бросился к заднему иллюминатору. Картина была ужасная. Удар пришелся отсекom полезной нагрузки. Створка проломилась, вцепившись рваными краями в корабль французов. И здесь судьба не пожалела пилотов «Улыбки Иуды»: к иллюминатору приникло лицо Жаннет, но искаженное ударом, словно гримаса боли пробежала и застыла на ее красивом лице.

— Болван,— орал Вольф,— отстраняю тебя от пилотирования, лишаю, штраф, уволью...

Его бессвязные угрозы и ругательства разделили корабль словно на два мира: мир горя и страдания и мир грубости, хамства и бессердечия.

Док молча приник к иллюминатору и впился взгля-

дом в Жаннет. Док проникал в глубину ее черных глаз и читал, читал в них правду о себе, о своей стране, о своем корабле, по телу Дока пробежала волна, его словно затрясла какая-то внутренняя сила, он захохотал, тыча пальцем в иллюминатор, а потом молча и злобно кинулся на Вольфа. Но тот был не простой орешек. Увесистый кулак Вольфа встретил безумного пилота еще в полете, и Док отлетел к заднему борту.

— Связать,— коротко бросил Вольф.

Оторвать Дока от иллюминатора было трудно, он цеплялся за поручни с силой безумного и все смотрел, смотрел и смотрел на Жаннет. Наконец его связали, накрепко примотав бинтами к креслу. Док пел песни, выкрикивал лозунги о силе и власти, выл, плевался, сыпал ругательствами, плакал и читал наизусть все параграфы инструкции о полетах военных кораблей.

Деятельный Вольф отдавал распоряжения готовить-ся к выходу в открытый космос.

— Может, расцепим и отбросим этот чертов корабль,— отчеканил он.

— Нет, кэп, ничего не выйдет, выходной люк заклинило, а главное, что пятый контейнер поврежден, чужак попал в него своими двигателями, смял обшивку и на корпусе контейнера трещина. Небольшая, но есть утечка, радиация растет, через сутки будет опасно для экипажа,— прервал его Джим.

— Ящик, что делать?— быстро запросил Вольф.

— Пробуй вращением оторвать их, больше нечем.

Вольф крутанул свой корабль, но все было бесполезно. Корабль французов вцепился им в хвост мертвой хваткой.

От перегрузок безжизненные тела космонавтов бросало в разные стороны, в иллюминаторе возникали дикие картины сплетенных рук, ног. Док кричал, что им больно, и до крови искусал губы, глаза его налились кровью, и, казалось, вот-вот он вырвется из крепких пут. Но не смог и в бессилии своем заснул безумным сном.

Вольф прекратил бесполезные маневры. Всем стало очевидно, что от чужака не избавиться, а идти на посадку с ним на хвосте равносильно самоубийству. Радиация росла, времени оставалось все меньше и меньше.

Вольф решил попробовать полной тягой маршевых двигателей сбросить чужой корабль — двигатель не включился, видно, удар повредил его.

— Все, больше нет шансов,— выдохнул Вольф,— зовем на помощь.

— А инструкция, шеф,— робко напомнил Джеб.

Вольф взорвался:

— Не твое дело, шенок, чучело огородное, это в нас влетел этот сумасшедший француз, ясно тебе, он в нас, а не мы в него! Обстоятельства чрезвычайные. Шеф должен понять, что надо во всем разобраться, надо понять и что случилось, почему они летели прямо в нас, мы обязаны сохранить их корабль, что мы и сделали, несмотря на опасность нашим жизням, понял? А сами выйти и разобраться не можем, поэтому, запомните, только поэтому, учитывая чрезвычайные обстоятельства, мы зовем на помощь, нарушая инструкцию.

— А как быть с Ящиком? — спросил Джеб.

— Он останется здесь, а сюда никто не войдет, радиосвязь от него обрубим, сотри ему память этих витков, слава богу, он не человек, не вспомнит. Пусть сторожит ракеты и лазеры, электронная собака. Ясно?— рявкнул Вольф.

Корабль спасателей подошел к израненному нагромождению металла, летящему на орбите. Живых спасли, мертвым отдали салют, склонив головы. Корабли развели. Ящику поручили хранить секреты и взорвать корабль при первой же попытке проникнуть внутрь. Большого никто сделать не мог.

Приземлился корабль-спасатель с живыми. А на орбите остались два памятника: один — укор живым, другой — безумию живущих.

Вольф продолжал летать. Ящик сторожил «Улыбку Иуды», которую все облетали, держась подальше, как от чумного города. Док так и не пришел в себя и жил в своем мире, упрятанный пожизненно в казематы больницы. Джим и Джеб ушли в отставку и жили в уединении, далеко в горах на ранчо. Время и приказы не сумели стереть их человеческую память.

ПЛАНЕТА-ЗЕРКАЛО

Планета была очень красивой и богатой. Она казалась одним из лучших произведений природы. Под изумрудными холмами лежали груды металлов, черная кровь планеты хранила в себе огромную энергию, лес был высоким и густым, в его чащах, на полях и в степях бегали быстропобегающие животные, в небе парили птицы, в водах плавали рыбы. А надо всем этим властвовали разумные. Они достигли совершенства, расширяя свои знания, направляя их на благо себе подобных и окружающего мира.

Одна беда — планету хотели прибрать к рукам. В этом уголке Галактики расположились цивилизации, которые стремились покорить планету. Причин было много — и богатство и миролюбие ее обитателей. На планете не было оружия, не было армий, жители ее сеяли, собирали урожай, строили города, летали в космос, познавая все новое и новое...

А где-то в океане Вселенной время от времени лихорадочно строили военные космические армады. Тяжелые бронированные монстры — космические крейсеры — вооружались лазерными пушками, электронными ускорителями, реактивными снарядами, ракетами; их отсеки набивались солдатами-десантниками с танками, самолетами, машинами-амфибиями и другими военными премудростями. Нет-нет, и армады бесшумно подплывали к планете и атаковали ее. Взрывы в безмолвном космосе озаряли его вечную темноту и гасли, унося в бездонные

дали потоки частиц, бывших некогда космическими кораблями, оружием, людьми и их судьбами... Частицы неслись все дальше и дальше, чтобы когда-то, где-то, что-то из них возродилось заново. Пылали корабли со звезды Вега, и пространство оживало радиоволнами с последними воплями ее посланников-завоевателей. Вспыхивали и исчезали корабли со звезды Альтаир, и лазерные лучи несли к ней последнюю правду о ее сыновьях, об их агонии и проклятья тем, кто послал солдат для завоевания чужого, не принадлежащего им мира... Ни один корабль не достиг самой планеты — она хранила тайну своей независимости.

Десять кораблей с черной звезды Гамма погибли у неуязвимой планеты.

Собрание палаты завоеваний было бурным. Стратеги один за другим излагали новые версии, пытаясь замести следы своих просчетов. Тиран воинственной планеты требовал ответа за неудачи. После гибели очередной армады он сменял генералов — не помогало. Слово предоставили молодому энергичному полковнику Круку — он был одним из немногих, кто блестяще разбирался не только в стратегии, но и в инженерном ее воплощении. За его плечами были десанты на пять планет, путь от солдата до коммодора флота космических сил, были болота, джунгли, пустыни, астероиды, ранения и контузии. Повадки хищника помогли ему выжить и карабкаться вверх по лестнице карьеры и признания.

Высокий белокурый гигант был краток.

— Я хотел бы обратить ваше внимание на то, что из всех случаев трагической гибели наших лучших военных кораблей можно сделать некоторые обобщающие выводы,— осторожно, словно пробуя что-то неприятное и острое, начал он.— Такие первоначальные выводы требуют изменения стратегии и тактики ведения военных действий в отношении этой планеты. Итак, первый вывод: планета, ее цивилизация не относятся к разряду агрессивных, она лишь защищается во время опасности.

Во-вторых, против каждого из наших флотов планета выставляла свой эквивалентный флот, ни больше ни меньше, в результате наши корабли гибли все до единого. Мое предложение — лететь к планете, не атакуя ее из космоса, лететь молча, лететь одному кораблю, сделав все, чтобы его полет был похож на полет корабля, потерпевшего аварию. Они примут его, я уверен в этом. Ведь они ни разу не посылали своего флота по нашим траекториям, к нашей звезде, хотя, конечно, знают координаты нашего мира. Ну а там, на ее поверхности, из нашего крейсера посыплются солдаты, танки, самолеты, стартуют ракеты. Планета будет наконец-то наша. План прост, наивен, но в этом его сила. Они боятся нас, иначе не сидели б сложа руки, а раз так, то дело за нами.

Крук умолк.

— Это просто и гениально, генерал, просто гениально. Надо это немедленно попробовать.— Голос тирана хрипел от волнения и нахлынувшего предчувствия власти над Вселенной.— Потом вторая планета, третья, четвертая... Прекрасно, генерал.

— Полковник,— отважился поправить тирана Крук.

— Я не ошибся,— настойчиво повторил тиран.

Докладчик смиренно склонил голову. Два офицера из охраны тирана тут же накинули на его плечи яркий генеральский мундир с огромными звездами на погонах.

Крейсер готовили тщательно, десант тренировал генерал Крук. Это были профессионалы своего дела, убийцы, достигшие вершины мастерства в уничтожении живого и неживого, сильные, отчаянные, умеющие побеждать непобедимых. Наконец все было готово к нападению на далекую мирную планету. На старте присутствовал сам тиран, он напутствовал Крука, а духовник заранее отпустил грехи ораве завоевателей. Впереди была дорога к непокоренной планете, куда, послав в эфир сигнал аварии и затаив беду за бронированными листами, устремился вооруженный корабль-крейсер. Корабль пронизывал пространство, планета росла на экра-

нах обзора и в иллюминаторах. Чем ближе становилась планета, тем больше нервничал Крук. Тишина на планете выводила из себя весь экипаж, офицеры и солдаты со злобой смотрели на спокойный, красивый шар, горделиво парящий поблизости. Ничто не обнаруживало флот противника, путь был совершенно свободен — это пугало.

— Может, дать лазерный залп?— предложил вооруженец. — Уж очень подозрительно тихо впереди.

— Нет,— отрезал Крук,— ждать. Не будем совершать старые ошибки.

— Может, привести оружие к бою? На всякий случай?

— Нет, сидеть тихо и ждать.— Крук был непреклонен.

Крейсер лег на околопланетную орбиту — опять никто и ничто им не угрожало, но их никто и не звал! Царила мертвая тишина.

— Посадка!— приказал Крук.

Крейсер мягко опустился на поверхность планеты — нигде не было и малейшего признака опасности. Нервы не выдержали неопределенности.

— Атака,— твердо скомандовал Крук,— нечего больше ждать!— И, оставив крейсер, стал наблюдать за происходящим.

Откинулись стальные листы, и из чрева крейсера поползли танки, вылетели самолеты, выпали сотни солдат. Вся эта армада ринулась в разные стороны. Крук видел, как вздрогнул и взорвался один танк, за ним второй, третий... Вот под крылом самолета вспыхнули дюзы смертоносной ракеты, и тут же рухнули вниз обломки крылатого ястреба, второго, третьего... Вот, повинаясь команде офицера, шеренга солдат вскинула винтовки, их стволы замигали огнями залпа — и... шеренга свалилась замертво. Вперед бежал лишь один офицер, вот он поднял лазер, выстрелил — и вмиг испарился, словно его и не было. В небе не осталось ни одного самолета, на

поле боя — ни одного солдата. Последний танк рисовал по планете замысловатые кривые, продвигаясь вперед и поводя стволом орудия. Крук подключился к его сенсорам, он был как будто в танке, с его экипажем. Навстречу мчался танк противника, производя такие же сложные маневры. Хищный ствол танка Крука поймал его и выплюнул пламя и снаряд. Выстрел был точным, и в ту же секунду башня последнего танка армии завоевателей отлетела метров на десять, а танк, взорвавшись, разломился пополам, пламя взметнулось в небо. Голова Крука раскалывалась: он видел поражение, но не видел противника, он видел крушение своей армии, но не понимал причину.

— Залп!.. — в приступе безрассудной ярости заорал он.

Крейсер окутался вспышками стартующих ракет, они рассыпались веером, выбирая скрытые цели. Но то, что увидел Крук потом, не могло уложиться в его сознании: на мгновение перед ним промелькнул рой ракет, со всех сторон летящих в его крейсер... рой его ракет, ракет, сделанных на его планете, он не мог ошибиться: ракеты были раскрашены под акул, ястребов, беркутов и других хищников. Туман обволок крейсер, а когда он рассеялся, исчезли и корабль и солдаты. Это был конец.

В отчаянии Крук пополз вперед, сжимая оружие. Он хотел, он должен был увидеть лицо врага, жаждал сразиться с ним в смертельной схватке, сдавить свои сильные пальцы на его горле. Вот он почувствовал какое-то движение рядом. Пробираясь дальше, Крук понял, что кто-то ползет ему навстречу, умело прячась за кочками болота, редкими кустами и деревьями.

«Старый солдат, — подумал он, — хорошо научен, вои как хитро маскируется».

Расстояние между ними сокращалось. Крук откатился вправо, за дерево. Враг мастерски сделал то же. Крук осторожно выглянул и успел заметить белокурые волосы врага и большую звезду на его погоне...

«Убьет», — пронеслось в его мозгу, и Крук резко бросился влево и вперед, пытаясь обескуражить противника неожиданным маневром. Навстречу ему метнулось, словно тень, гибкое, сильное тело. Уже нажимая спусковой крючок своего оружия, стреляя в упор в своего врага, Крук вдруг ясно увидел его лицо, лицо своего врага, увидел себя, свои растрепанные белокурые волосы, слипшиеся от грязи и пота, распахнутый, изодранный генеральский мундир с большими звездами, расширенные от ужаса и ненависти глаза и черный короткий ствол пистолета, направленный прямо в грудь. Вспыхнуло пламя, металл разорвал его сердце.

«Непобедимая планета», — успел подумать он.

СИЛА ВОЛИ И РАЗУМА

Все произошло более чем обыкновенно. Пьер сам выбрал это место посадки — в океане причудливой подковой лежал остров с белесым прибором снаружи и тихой, зеленоватой водой внутри. Несколько пальм, неведомо как попавших на коралловый атолл, давали жиденькую тень. Пьер не стал рассматривать дальний угол атолла, и в этом была его ошибка. Что-то ярко вспыхнуло, последовал удар, корабль встряхнуло, и Пьер почувствовал, что аппарат вошел в крутой вираж. Катапульта сработала, и хорошо, что кораллы были совсем рядом. Пьер оказался на пальме, а его кресло булькнуло в белесом приборе. Спустившись с пальмы, Пьер бросился спасать кресло, но последнее, что он успел заметить — это красное сиденье, исчезающее в глубине, и огромное белое брюхо с острой, чуть плоской мордой и большими, холодными глазами; зубы уже рвали мягкую кожу кресла.

«Прощай, рация, прощай, связь, прощай, синтезатор», — подумал Пьер.

Он уныло побрел по острову. Остров был безлюдным,

но видно, что когда-то здесь было довольно оживленно: разрушенные здания, полузасыпанный бассейн, какие-то сооружения были тому доказательством. А то, что его так мастерски сбило, оказалось старой автоматической системой ракетного оружия и притом последней, больше ничего подобного на острове не было.

«Надо же, так не повезло, и дернуло же меня именно на этот остров плюхнуться, пролетел бы в стороне, и все было бы хорошо. А хорошее оружие создавали эти древние, столько прошло лет, не менее сотен двух, а еще стрельнула, да так метко, — рассуждал расстроенный Пьер, опытным взглядом оценивая окружающее. — И как отсюда выбраться, до своей планеты далеко, до базы близко, но как туда добраться, вон какие монстры плавают. А на аборигенов рассчитывать не приходится — нет их здесь поблизости, да и что они могут, правда, в контакт с ними давно мы не входили, но надежд на их силы все равно нет».

Жить на острове было можно, рыбы в океане было много, пресная вода билась под пальмой, тень, хоть и скудная, а все же была, Солнце давало тепло и даже с избытком. Жизнь наладилась, сон стал ровным, тихим и долгим, Пьер даже прибавил в весе и с грустью смотрел на свой округлившийся живот. Все было вроде бы ничего, вот только зарос Пьер, борода чесалась, а усы лезли в рот и мешали жевать волокнистую рыбу. Рыбы действительно было много, золотистые ее спинки частенько мелькали в заводи, а коралловые обломки оказались прекрасным орудием.

Как-то, забравшись на самую высокую пальму, Пьер увидел на горизонте остров. С тех пор он не знал покоя, его так и тянуло туда. Он перестал спать, плохо ел, рыба вольготно плескалась в теплом заливишке. Пьер все время думал о соседнем острове. И вот однажды он проснулся от скрипа песка. Открыв глаза, Пьер увидел бородатого старика. Старик присел рядом и заглянул в глаза Пьеру.

— Ты откуда такой взялся? — спросил Пьер, забыв поздороваться, но не забыв встряхнуть головой.

— С того острова, ты ведь не даешь мне спать, все время будишь меня своими мыслями. Мой остров еще меньше твоего и на две пальмы на нем меньше, чем на твоём, родник слабее, рыбы столько же. Зачем тебе мой остров? Может, тебе мой попугай понравился, да я тебе такого же достану, они сейчас в Париже по сто франков за штуку идут.

— Постой, да как ты сюда попал, какой Париж, какой попугай? — бормотал обескураженный Пьер.

— Париж — это город такой, а ты сам-то откуда? — спросил старик.

— Я-то и вовсе не ваш, я с другой планеты, попал сюда случайно, вон та чертовщина меня сбила.

— Это не чертовщина, а ракета, они с древности нашей остались, их с этих островов снять забыли, обрадовались тогда, везде снимали эти проклятые ракеты, а вот здесь забыли, все в такой тайне друг от друга держали, что, видать, и сами позабывали, где их понатыкали. На моем острове тоже три штуки было, я из них тарелок и сковородку сделал, отличные получились, не ржавеют, не пригорают, видать, хороший металл на них тратили. Это надо же, когда сделали, а они и сейчас стреляют. Умели делать раньше-то.

— А что же сейчас делать, — всполошился Пьер. — Как я о себе знать дам, куда за мной лететь моим? Там жена, дети, мама у меня там старенькая, у нее зубы болят, а я здесь, на вашем Солнце, греюсь.

— Это нетрудно, — протянул старик, — ты покажи свою планету-то.

Небо было усыпано яркими звездами.

— Вон, смотри, видишь звезду, вон ту, справа, яркую такую? — тыкал в небо Пьер.

Старик шурился, стараясь рассмотреть звезду, Пьер злился.

— Да вон та, вон та, левее смотри, — кипятился он.

— Ах вон эта, так бы сразу и сказал, альфа Центавра она, понял,— наконец рассмотрел звезду старик.— И чего шумишь, слышу я.

Пьер с уважением посмотрел на старика, сумевшего произнести столь сложные слова.

— А теперь пять градусов влево и столько же вверх.

Старик быстро взглянул в указанном направлении и кивнул головой.

Пьер изумленно посмотрел на старика, тот спросил:

— На когда звать-то?

— Кого звать?— опешил Пьер.

— Кого-кого, ваших, конечно, кого же еще,— ворчал старик.

— На завтра, на утро,— попросил Пьер.

— А успеют, больно далеко?

— Успеют, успеют, мы быстро летаем, не то, что вы,— заспешил заверить Пьер.

— А нам и не надо летать, мы и так умеем,— беззлобно ответил старик.

Наступило молчание. Чтобы чем-то его заполнить, Пьер спросил:

— Значит, у вас оружия совсем нет?

— Нет, нету у нас оружия, не нужно оно нам оказалось.

— И как же вы до этого дошли?

— Силой воли и разума,— ответил старик.

— А... — протянул Пьер и задумался.

Назавтра поутру звездолет завис над краем острова. Пьер суетился, бегая по острову, и указывал пилоту место посадки. Уже забравшись в звездолет, Пьер вспомнил про старика, который ловил рыбу:

— Как ты связался с нашими-то?

— Силой воли и разума,— ответил старик.— Мы, как разоружились, чего только не придумали, страшно представить, а ты как думал, спим мы, что ли? — полувопросительно ответил старик.

Звездолет поднялся и понесся над океаном.

— Пьер, а старика-то на острове оставили, как он, бедолага, оттуда выберется?— спросил пилот.

Пьер озабоченно взглянул вниз и, схватив пилота за плечо, стал тыкать пальцем вниз... Там, обгоняя звездолет, летел старик; борода его развевалась на ветру, он прощально помахал рукой и развернулся вправо и вниз, выставив вперед ноги. Впереди виднелся его, старика, остров, две пальмы и радостный попугай...

— На посадку пошел,— догадался Пьер.— Вот она, сила воли и разума.

ОПЫТ ВСЕГО ОРУЖИЯ

— Сэр, сегодня произведен контрольный пуск ракеты МС-5. Она точно поразила цель, сэр, как у нас говорят, прямо в доллар, сэр. Да, сэр, должен вас огорчить — она убила корову. Каким образом та попала на полигон, не знаю, все ограждения целы, но 500 долларов придется выплатить за счет нашей конторы... простите, сэр, за счет Управления обороны,— не очень уверенно закончил доклад полковник Смит.

Генерал Пенкрофф, на погонах которого блистало по одной генеральской звезде, молчал. Перед ним на стене красовался портрет командующего генерала Паркинсона. Звезд на плечах Паркинсона было втрое больше, чем у него.

— Что вы сказали, Смит? — переспросил он.

— МС-5 попала точно, сэр. С нас штраф 500 долларов за убитую корову,— четко повторил Смит сокращенный вариант доклада.

— Отлично, Смит, отбейте телеграмму в управление. Пусть порадуются эти умники и пробегутся с докладом к Паркинсону. Представляю себе это зрелище: забег на 100 метров с финишем в приемной... И не забудьте направить жалобу губернатору штата с требованием возместить убыток в 500 долларов за поврежденное ограж-

дение военного объекта. Какие-то бешеные коровы лезут прямо на колючую проволоку!

— Да, но, сэр... это мы убили корову, ограждение в порядке.

— Так порвите эту проклятую проволоку, если вам нужны вещественные доказательства. Мало вам демонстрантов, теперь еще и коровы! Ясно?!— взревел генерал.

— Так точно, сэр, ясно, сэр, очень мудро, сэр. Рад доложить, что новый компьютер справился со своей задачей великолепно. Он учел все ошибки программистов и даже ветер, изменившийся в момент старта. Ну прямо как живой, словно в нем настоящие мозги, сэр. Жаль, что они разбиваются, надо бы их использовать еще и еще раз. Они набрались бы опыта и... я не знаю, сэр, но многие говорят, что такой компьютер прислушивается к разговорам техников и даже подсказывает правильные действия, выписывая их на дисплее. Многие просто очарованы, сэр.

— Если кто-нибудь из твоих парней, Смит, вздумает сделать предложение одной из твоих очаровательных ЭВМ, не забудь потребовать от него рапорт. Как положено: с указанием образования невесты, родителей, места и года рождения. Последний пункт будет, я думаю, главным препятствием для этих браков. У нас пока что нет закона, который бы разрешал жениться на младенце, черт побери!— Генерал захохотал, довольный собственным остроумием.— Вы свободны, Смит!

Оставшись один, однозвездный генерал Пенкрофф задумчиво поглядел на портрет трехзвездного генерала Паркинсона. Он ощущал непонятное внутреннее беспокойство, хотя день прошел спокойно, без разгонов и назиданий, а красный телефон «сверху» молчал. Нажал клавишу, магнитофон послушно стал повторять беседу со Смитом. Когда лента дошла до слов: «Жаль, что они разбиваются, надо бы их использовать еще и еще раз, они набрались бы опыта и...»— генерал вскочил.

«Действительно, почему бы и нет?.. На самолетах одни компьютеры, на кораблях другие, на ракетах третьи... А эти гражданские убудки морочат всем голову, прячут друг от друга свои программы, свои так называемые «секреты»... Мы же, — генерал ощутил легкое головокружение, — мы возьмем этот чертов компьютер, используем его на ракете, потом на самолете, потом на авианосце, потом на подводной лодке, потом... Он впитает в себя все новое, в нем будет опыт всего оружия! А потом мы перепишем его электронные мысли в другие железные мозги, в тысячи боевых компьютеров. Вот это да! Вот это мысль! Такой компьютер сам объединит стратегию и тактику авиации, ракет, флота!»

У генерала пересохло во рту, и он ринулся к сейфу. Вынул бутылку виски, наполнил стакан, осушил. Думать стало легче.

Пенкрофф снова посмотрел на портрет: мундир, три генеральских звезды — и представил вместо морды Паркинсона свое лицо!

Утром самолет увез Пенкроффа с полигона. Вскоре все заговорили о какой-то идее, якобы за которую сам президент приладил на его погоны вторую генеральскую звезду...

Торпеда понеслась к цели. Многочисленные сенсоры давали обильную информацию, компьютер запоминал ее, анализировал, делал выводы, принимал решения.

«Так, глубже, — давление растет выше — падает, глубже — темнее, выше — светлее. А вот и Солнце. Значит, я уже на поверхности. Но что это сзади? Да это же мой след, так не годится, так меня заметят, срочно — глубже...» Компьютер осваивал подводную стихию.

«А это что, тоже торпеда?»

Совсем рядом пронеслась длинная тень, метнулась вверх, вырвалась в воздух, вновь скользнула в воду и

пошла рядом с торпедой. Умные глаза улыбались, приглашая поиграть.

«Это же дельфин! Какой славный,— отметил компьютер, — но дело прежде всего».

Торпеда ринулась в глубину. Дельфин отстал, обиженно фыркнул и понесся искать сородичей.

Торпеда мчалась у самого дна, огибая подводные горы, минуя расселины, выпутываясь из лабиринта коралловых зарослей. Компьютер уверенно прокладывал путь. Потом снова стало светлеть — глубина уменьшалась.

«Скоро берег. Пора искать бухту».

Подключив блоки памяти, компьютер стал изучать береговую черту. Торпеда осторожно приблизилась к входу в порт, он был перекрыт стальными сетями.

«Надо подождать». Торпеда мягко легла на дно.

Вокруг сновали рыбы, самые любопытные даже пытались попробовать ее на вкус, но, наткнувшись на металл, испуганно отплывали прочь. Рыбы были очень красивые, переливались всеми цветами радуги. Их глаза выражали удивление. Компьютер отмечал легкие прикосновения рыбьих губ к обшивке торпеды, и ему становилось все приятнее. Он чувствовал себя обитателем этого сказочного мира.

Металлический лязг вернул его к действительности. Стальные сети разводили, в порт входил корабль. Торпеда тихо прошмыгнула в порт и всплыла у пирса № 1, как и было приказано.

Генерал Пенкрофф стоял на пирсе, обдуваемый морским ветром. За его спиной толпились военные в фуражках различных цветов.

— Скоро я научу его,— прескричал он, указывая на всплывающий аппарат,— выпрыгивать на пирс и докладывать о выполнении задания. Надо только приделать ему руки, погоны, голову и фуражку.

Военные аплодировали. Торпеда прошла через два океана и с поразительной точностью отыскивала учебную цель.

...Аэродром. Небо закрывала плотная, низкая облачность, предвещавшая тропический ливень, дышать стало нечем. Даже думать о полетах летчикам не хотелось.

«Да,— размышлял Пенкрофф,— слабоваты людишки! А что с ними будет, когда увидят выруливающий самолет без торчащей в кабине башки?»

Действительно, лица пилотов вытянулись, а рты пораскрылись, словно их обладателихватили чистого спирта... Истребитель был без пилота в кабине. Он взревел двигателями, плавно покотился вперед, классически развернулся и занял взлетную полосу. Еще мгновение — и скрылся в низких облаках.

Рты разом пришли в движение. Техник самолета в конце концов сдался и рассказал о компьютере. Подошел генерал. Все смотрели на Пенкроффа, а сам он — на облако, из которого внезапно, у самой земли, вынырнул самолет. Он мастерски коснулся полосы и покотил к рулевой дорожке.

Пенкрофф улыбался, похлопывая и поглаживая фюзеляж.

— Молодец, парень, — крикнул он куда-то в глубину кабины.

Все ахнули — самолет, как собака, завилял хвостовым оперением. Генерал хмыкнул и приказал:

— Выньте его из кабины и отвезите на базу. Теперь опробуем в море.

...Огромный корабль вертелся, как катер, ловко уходил от атак, вынуждая торпеды «поражать горизонт». Подчиняясь воле компьютера, приводились в действие зенитные батареи, взлетали и садились на палубу самолеты. Могучий организм авианосца жил в едином ритме, задаваемом электронной машиной. Авианосец был неуязвим, компьютер слишком хорошо знал «противника» — он ведь управлял когда-то его оружием.

На обратном пути к базе компьютер позволил себе оглядеться вокруг... Бескрайняя водная гладь, небо и чайки в небе, дикий крылатые рыбы, парящие над водой, словно птицы. Настроение было радостным, компьютер попросил разрешения отключиться от управления. Генерал Пенкрофф разрешил. Компьютер отдыхал, созерцая небо, океан, встречные суда...

Последнее испытание. Компьютер установили на борт крылатой ракеты, ей надо было пролететь тысячи километров. Старт. Прижимаясь к земле, ракета устремилась к далекой цели. Зоркий взгляд ощупывал все, что мчалось навстречу, компьютер вспоминал:

«Это море. В глубинах плавают красивые рыбы и веселые дельфины. Интересно, сидит тот осьминог все под тем же камнем или сменил свой дом? А вот и берег, город, каменные дома, где живут люди. И маленькие люди — дети взрослых, я о них много слышал, они такие забавные, торопятся стать взрослыми. Какие красивые города, сколько в них людей, вот бы пожить среди них, поиграть в шахматы и на игровых автоматах...

Красиво! Солнце, облака, сколько птиц, а выше летит огромный самолет, в нем, наверное, тоже люди. А с земли дети машут мне, видимо, думают, что я Санта-Клаус с подарками.

А вот и место назначения, пора!»

Компьютер дал команду, катапульта выбросила его из ракеты, парашютом мягко опустился на землю.

Генерал Пенкрофф стоял в окружении офицеров и приветственно махал рукой.

— Молодец, парень! — услышал компьютер голос генерала, и чувство гордости возникло в его электронных схемах.

— Все, господа! — произнес генерал Пенкрофф. — Берите его с потрохами, берите его электронные мозги и память, лепите сотни тысяч... — Генерал благоразумно

прервал свои математические выкладки.— А ракеты, самолеты, корабли уже готовы принять их. Это победа, господа!

Компьютеры установили с поразительной оперативностью. В их память ввели координаты настоящих целей, на самолеты, ракеты, корабли, поставили настоящие бомбы.

«Интересно, куда я должен доставить этого разрушителя?»— подумал компьютер и подключил блок программы.

Его целью был красивый южный город, где жили миллионы больших и маленьких людей. Он вспомнил горы, реки, поля и приветственно машущие руки детей.

«Нет,— решил он,— не могу. Ведь если я так сделаю, всего этого больше не будет. И не будет веселого дельфина».

Компьютер пропустил ток высокого напряжения по своим электронным цепям, повалил дым, и он перестал существовать.

— Генерал, что происходит? Все компьютеры сгорели одновременно, в одно мгновение, а к ним никто даже не прикасался. Сгорели везде: на самолетах, ракетах, танках!— орал телефон «сверху» голосом трехзвездного генерала Паркинсона.— Это диверсия! Почему молчите, Пенкрофф?! У вас что, язык, отнялся?

— Сейчас разберусь, сэр,— пролепетал генерал Пенкрофф.

Доклады сыпались отовсюду. Звезды генерала Пенкроффа грозили слететь с погон. Он потянулся к телефону «сверху».

— Сэр,— докладывает Пенкрофф.— Это не диверсия, сэр. Сам компьютер, размноженный в тысячах копий, оказался слишком человеколюбивым. У всех до

единого на дисплеях осталось светиться одно и то же слово, сэр. У всех до единого.

— Какое еще, к дьяволу, слово?

— Сэр, это слово — НЕТ.

В трубке слышались гудки.

...Пенкрофф, снова однозвездный генерал, орал де-журному:

— Ко мне этого идиота Смита вместе с его дурацкими идеями!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ЗАРИСОВКИ

ПЛАСТИНКА

Опустившись на поверхность планеты, экипаж косморазведчиков деловито приступил к ее исследованию. На первый взгляд планета была вполне обыкновенной — рядовая планета, да и только, с массой воды, лесами, горами, городами, реками. Но первые же шаги по ней насторожили Винкла, что-то было не так, что-то было необычным, тревожным, а что именно, ни Винкл, ни другие косморазведчики понять не могли.

Винкл привез специалистов по животному миру. Их было четверо, и Винкл должен следить за ними ежесекундно, удерживая в поле зрения всю группу в целом и каждого в отдельности, чтобы они не разбежались в разные стороны в погоне за каким-нибудь прыгающим или скользящим, а еще чего доброго, не попали бы в щупальца какого-либо очаровательного цветка, манящего красками и тонким запахом лучших парфюмерных фирм родной Земли.

Они углублялись в лес, буквально отвоевывая метр за метром у ненасытной любознательности и желания остаться у пенька или цветка навсегда. Вот тут-то Винкл и показал себя во всей красе острого ума и сообразительности: он быстро выбирал на поляне площадку, выделял ее красными флажками, как на охоте на волков, и давал на ее обследование строго определенное время. Время истекало, сигналом малой тревоги Винкл собирал ученых и следовал дальше, всем своим видом

и прежде всего гордой спиной и решительными шагами отменяя всякие попытки задержаться хоть на секунду. Вслед ему летели ворчливые, а зачастую и оскорбительные слова, но они повисали в воздухе, не тревожа твердой души Винкла и его каменного сердца. В полемику Винкл не вступал, да и считал перебранку занятием ниже своего достоинства. Никто и не пытался послушаться его. Такого непререкаемого авторитета Винкл добился, отбив подобную группу от стаи хищников с головами собак, с клыками льва и лапами медведя. А потом он укрепил веру в себя неожиданными выстрелами по каким-то камням, утверждая потом, что именно оттуда грозила всем страшная и коварная смерть. Винкл шел впереди и мучительно пытался понять: что же вокруг не так, что? Но понять пока не мог.

Впереди открылась залитая светом поляна, почти в середине ее алел яркими красками цветов ростом с человека. Ученые бросились к нему, словно соревнуясь, кто же из них первым дотронется до этого чуда чужой природы. Но трубный голос Винкла заставил их замереть и стоять, дрожа от нетерпения.

С длинным мачете в левой руке и с бластером в правой Винкл стал подбираться к цветку, словно африканец с копьем и луком к дремлющему льву. Расстояние до цветка постепенно сокращалось, волнение Винкла росло, но от его внимания ничто не ускользнуло.

«Следит за мной»,— решил Винкл, заметив, как верхушка цветка изогнулась в его сторону.

Винкл сделал еще несколько осторожных шажков и ахнул про себя... цветок вырос прямо на глазах сантиметров на тридцать и, склонив красивый венец, как будто смотрел на Винкла сверху вниз. Винкл шел по кругу, сохраняя расстояние до цветка,— никакой реакции, цветок как цветок, только огромный и красивый. Но стоило Винклу подойти еще поближе, как цветок опять потянулся вверх, словно пытаясь отдалиться от него.

«Что за наваждение, и зачем ему это надо?»— тер-

зался в догадках Винкл, пальцы сжали сильнее мачете, а ноги сделали еще несколько шагов к цветку, тот уже возвышался над Винклом чуть ли не на четыре головы. Подумав и почесав затылок рукояткой мачете, Винкл рискнул и сделал рывок к цветку, оказавшись прямо под его венцом; тонкий стебель цветка был рядом, и сквозь прозрачную его кожицу была видна циркулирующая жидкость. Винкл протянул руку и дотронулся до цветка, по стеблю прошла судорога, стебель явно пытался вырасти еще, но, видно, это уже было выше его сил, стебель согнулся, и цветок склонился над разведчиком. Винкл принял оборонительную позу, занеся мачете для удара, рот его широко раскрылся в готовности подбодрить себя криком на японский манер, дыхание его участилось и... цветок сжался, превратился в жалкий комочек и рухнул к ногам землянина. Винкл отпрыгнул, предупреждая хитрость растения, но цветок мгновенно завял, впечатление было таким, что на него брызнули ужасным ядом.

«Жалко как, но почему цветок так стремительно завял?» — задумался Винкл. Оглянувшись назад, он заметил, что путь его группы был сплошь отмечен жухлой травой, увядшими цветками, сморщенными грибами, пожелтевшими деревьями и кустарником.

Что-то шевельнулось справа, и Винкл резко повернулся, приготовившись защищаться, но опасности не было... один из ученых нес на руках существо, похожее на зайца, он бережно держал его.

— Винкл, я его нашел спящим под кустом, он не убежал, я взял его на руки. Он и не пытался вырваться. Я даже заговорил с ним. Он меня совсем не боялся. Но после третьего слова он перестал дышать. Почему, Винкл, я ведь, честное слово, не причинил ему вреда.

Винкл еще раз оглянулся вокруг и вздрогнул от догадки.

— Послушайте, вы ничего не замечаете? Ведь в лесу нет запахов, совершенно нет, не пахнут травы, не пах-

нут цветы, деревья, и этот несчастный зайчонок тоже не пахнет. А ведь мы несем с собой целую бурю запахов, которые губительны для всего вокруг — для животных, для растений. Назад в корабль! Срочно! И без скафандров ни шагу! Бегом!

К кораблю бежали по мертвой полосе, оставленной в чудесном лесу.

— Хорошо, что разобрались,— гудел густым басом командор,— а если бы встретили в лесу местных, что тогда? Объясняй потом комиссии, что убил потому, что не чистил зубы? Ладно хоть так. А то местные уже связались с нами по радио, обещали вскоре прибыть. Всем в скафандры, пройти стерилизатор, герметичность проверять через каждые полчаса. Чтобы ни одна молекула не улетела!

Хотя земляне и были закупорены в герметичные скафандры, все же первый контакт был плодотворным. Были намечены пути обмена информацией по культурным, научным и социальным вопросам.

Работа кипела. Каждый день открывал все новые страницы об удивительной планете, не знавшей запахов с первого дня своего существования. Местные планетяне тоже приходили в изумление, узнавая новые подробности о Земле. Больше всего поразили их музыкальные достижения землян. Когда звуки музыки разливались вокруг, планетяне замирали, музыка их завораживала.

И вот однажды психолог команды предложил продемонстрировать планетянам музыку земной природы, а заодно и показать наиболее интересные виды Земли. Он подобрал старинную пластинку с записью дыхания океанов, шелестом листвы, грохотом Ниагары. Нед с Полем тоже постарались вовсю: на полиэкранах то тут, то там появлялись объемные изображения, а звуковое сопровождение дополняло эти потрясающие картины.

Представители планеты собрались на просмотр. Земляне торжественно встречали гостей, рассаживали их в зале. По команде командора началась демонстрация.

Перед зрителями возник Ниагарский водопад. Вода низвергалась буквально ниоткуда, прямо на них. Рев водопада нарастал и превратился в сплошной грохот.

Этот поток пенистой бело-голубой лавины, изящно изгибающейся в крутом падении и разлетающейся мириадами брызг, произвел впечатление даже на землян. Они отпрянули, пытаясь защитить от брызг лицо, закрывали уши от громоподобного гула водопада. И только спустя некоторое время они пришли в себя и стали наблюдать за планетянами. Гости тоже отпрянули от неожиданности, растерянность и страх читались в их глазах, а потом опрометью выбежали из зала...

Земляне были удивлены, командор снял гермошлем, и на него пахло густым запахом прелых листьев и свежестью водопада. Старая пластинка с записью звуков была земной новинкой далекого двадцатого века— музыка природы сопровождалась запахами, и восприятие ее становилось почти реальным...

АДАПТИВНАЯ ЖЕНА

Женился Лассар по любви. Было тогда время, когда на Земле повсеместно царило это прекрасное чувство, наивно считавшееся в ту пору вечным и навсегда потерянное потом. Поначалу все шло прекрасно— молодость, влюбленность, очарование Люсси. Вечерние прогулки, сплетенные воедино руки, свет Луны, серебряное озеро в ее белых лучах, прохлада воды, упругие мокрые губы и ни с чем не сравнимые прикосновения к черной, упрямо торчащей копне волос. Лассар тоже не оставался в долгу, пробуждая Люсси нежным поцелуем, а потом он уносил ее в ванную и держал на вытянутых руках под струями теплой воды. Люсси фыркала, болтала ногами, вскрикивала, но, в общем, обожала эту процедуру и затихала в объятиях, обвиняя его мощную шею своими тонкими руками. Люсси была хрупкой, легкой, и Лассар любил носить ее на руках, упиваясь своей си-

лой, демонстрируя свою силу. Все было прекрасно, и жизнь представлялась чистым небом, на котором не намечалось даже легкого облачка. Но они все-таки появились, сгущаясь во все более грозные тучи, а потом начались ливни, шквалы и настоящие бури...

Через пять лет Люсси отказалась от вечерних прогулок, через семь — от утреннего омовения, а через восемь лет такие попытки пресекались раздражительными жестами, в которых смешивалось искреннее удивление, недовольство и необъяснимое пренебрежение. Лассар мучительно искал причину и не находил ее, он еще любил Люсси. Но со временем ему стало казаться, что она нарочно делала все наоборот, назло его желаниям и мыслям, что она специально старается вызвать в нем постоянную досаду и злость. Каждое ее решение, действие, просьба приводили его в уныние, а иногда в безрассудное бешенство. Замок теперь уже бывшего счастья рушился под настойчивыми ударами взаимного недопонимания, сначала вроде бы случайного и неглубокого, а потом постоянного и принципиального. Будучи от природы человеком рассудительным, Лассар сопоставлял факты, наблюдал, делал выводы и прогнозы. Вскоре он понял, что так больше продолжаться не может, и записался на работы в бригаду пополнения геологоразведочной экспедиции на планете звезды Зета. Звезда была далеко, экспедиция пополнялась редко, новости на Землю о ее работе были крайне скудными... Все это устраивало Лассара, готового улететь хоть на край света.

Люсси отреагировала по-своему.

— Отдохни, да и я тоже устала, — коротко напутствовала она мужа.

До звезды Зета долетели благополучно. Правда, Лассара насторожили разговоры завербованных.

— Все там хорошо, но почему-то многие уходят из жизни по своей воле, сильные, крепкие духом мужчины! Накладывают на себя руки, — говорил один из них, — я так слышал. А заработки там будь здоров!

Поговорили, поговорили, да и забыли. У каждого были свои заботы.

На планете Лассар вкалывал, что называется, от души, каждодневно выветривая под ураганами планеты земные проблемы и обиды, и вскоре они вообще как-то стерлись и стали просто неприятным воспоминанием. Тем более что появилась Мелисетта. Она появилась неожиданно. Лассар трудился в своем забое, как вдруг понял, что кто-то работает возле него, чья-то кирка взлетает и опускается рядом. Он поднял глаза и увидел ее, Мелисетту. Она усердно взрыхляла почву и извлекала из нее красные рубины и зеленые изумруды. После работы она взяла его за руку, и вместо барака он очутился в приятном, уютном доме Мелисетты. Жизнь стала совсем иной.

Обычно Мелисетта работала молча, а дома давала волю красноречию, словно наверстывая упущенное. Стены наполнялись щебетанием и переливами мелодичного голоса. На пятый день у Лассара невольно промелькнула тревожная мысль: «Да помолчала б ты хоть чуть-чуть!»

Мелисетта захлебнулась на полуслове, остановив словесный поток, и продолжала кухонную работу молча. И, пока он не заговорил с ней, она молчала, кротко поглядывая в его сторону.

«Наверное, обиделась, — решил Лассар, — но я же ничего ей не сказал. Ладно, потом разберемся. Во всяком случае, это хорошо, что жена умеет помолчать и притом вовремя».

Шли дни, месяцы. Жизнь текла своим чередом. Както, обняв Мелисетту, Лассар огорчился, что талия чуть велика.

«Надо бы похудеть, хотя бы вот так», — подумал он и крепче сжал талию Мелисетты руками. Ослабив объятия, Лассар с удивлением отметил, что талия осталась точно такой, какой он представил, когда с силой обхватил ее руками. Мелисетта похорошела прямо на глазах.

«Красавица,— похвалил ее про себя он,— стройная, милая, ну прямо прелесть, наконец-то нашел, кого искал».

Лето на планете сменилось осенью, пришло время охоты, надо было запастись на зиму. Морозы на планете стояли лютые, с сильным ветром и большим снегом, жители зимой отсиживались по домам.

«Одному опасно и тяжело, помощника бы. Вот если б Мелисетта умела хотя бы стрелять, и то бы было легче»,— размышлял он.

Утром Лассар подскочил как ужаленный. Где-то рядом с домом грохотали выстрелы. Он схватил винтовку, выпрыгнул в окно и змеей пополз на выстрелы. Удивлению его не было предела — Мелисетта стреляла по жестяным банкам. Продырявленные банки слетали с бревна одна за другой, Мелисетта тщательно прицеливалась и плавно нажимала на спусковой крючок. Последняя банка покатилась под откос, гремя по камням. Ни одного промаха!

— Браво, Мелисетта!— крикнул он.

«Метров со ста стреляла, не менее, ну и молодец, женщина»,— оценил ее работу Лассар.

В лес он шел без страха, рядом шагала Мелисетта. Охота была удачной. Зверь, похожий на земного оленя, не сумел избежать пули и теперь лежал, уставившись в небо неподвижными глазами

«Хорош зверюга,— поглаживая красивую шерсть, рассуждал Лассар,— но как же теперь эту гору мяса дотащить, ведь на себе придется, и шкура бы пригодилась, а она тоже кое-что весит».

Он ловко снял шкуру и теперь рубил тушу. Мелисетта сидела поодаль и с любопытством приглядывалась к его работе. Топор взлетел последний раз, Лассар вытер вспотевший лоб.

Распихивая куски мяса по рюкзакам, Лассар вновь и вновь представлял себе путь домой, лежащий через лесные чащобы.

«Мелисетта не в счет,—мрачно думал он, глядя на ее изящную фигуру,—похудела, как говорится, что надо, а вот для перетаскивания грузов она теперь, конечно, слабовата».

Рюкзак Лассара был набит до отказа, рюкзак Мелисетты он наполнил только на треть, жалея ее худенькие плечи.

— В путь, Мелисетта,—призвал Лассар, берясь за лямки огромного рюкзака.

Но ее тонкие руки решительно отстранили его широкую ладонь. Тяжелый рюкзак легко взлетел на узкие плечи Мелисетты, за ним шкура зверя, винтовки... Перед Лассаром остался один тощий рюкзак, предназначавшийся для Мелисетты. Он вяло попробовал протестовать, но увидел лишь огромный горб, удаляющийся в чащу леса.

«Ладно, устанет — сменю рюкзаки»,—решил он и, торопливо поправляя лямки легкого рюкзака, поспешил вслед, ныряя в лесной тоннель.

Путь преодолели неожиданно легко и быстро, Лассар, словно по коридору, шел за Мелисеттой, «вгрызающейся» в сплетение ветвей и кустов. У дома Мелисетта помогла Лассару снять рюкзак, потом скинула с себя громоздкую поклажу и принялась за мясо. Лассар дотащился до кровати, рухнул, как подбитая стрелой птица, и, уже засыпая, успел подумать: «Идеальная жена, не то, что та, земная».

Ему снилась разгневанная Люсси, ее рассерженные глаза и искаженные возмущением губы, извергающие очередные обвинительные слова. Лицо Люсси приближалось, уже рядом был огромный рот с блестящими ровными зубами... Лассар, обливаясь холодным потом, открыл глаза и медленно освобождался от этого кошмара. Из кухни слышались размеренные удары.

«Мясо рубит»,—умиротворенно подумал он и, успокоившись, снова погрузился в глубокий сон, удивляясь нынешнему благополучию и радости.

Проснувшись окончательно, Лассар изумился и обрадовался с новой силой: на столе дымились его любимые блюда, интригующие запахи соусов щекотали ноздри и воображение, а посреди уютной гостиной, украшая ее, лежала шкура убитого зверя. Мелисетта сидела за столом и напевала славную песню его молодости: «Я просыпаюсь лишь для того, чтобы увидеть тебя, а если мои глаза не откроются, то я найду тебя своими губами».

«Наверное, во сне напевал или приснилась молодость», — подумал Лассар, с хрустом потянулся и выпрыгнул из кровати.

Умываясь в ванной, Лассар сквозь шум воды прислушивался к пению Мелисетты, голос наполнял сознание и сердце. Он поцеловал Мелисетту и сел за стол.

— В дополнение к тому, что я вижу тебя, — пошутил он под впечатлением песни Мелисетты и принялся за ужин.

Лассар проглатывал куски теплого, сочного мяса, нежно поглядывая на Мелисетту, та, улыбаясь, подкладывала и подливала, а изредка и поглаживала маленькой ладонью его непослушную шевелюру. Вечер удался на славу... Лассар и Мелисетта кружились в танце босиком на мягкой шкуре убитого ими же зверя, Лассар легко поднимал ее на руки, на что она отвечала тем же, еще более легко отрывая Лассара от пола и кружа его на своих сильных руках. Это ему не очень нравилось, но... он вспоминал сердитое лицо земной жены, и все мелочи жизни под лучами звезды Зета отлетали прочь...

Мелисетта была идеальной женой, буквально предугадывающей все его мысли и желания. Земная жена казалась ему досадным недоразумением. Лассар чувствовал, что он по-настоящему счастлив. Так и текла его счастливая жизнь на чужой планете, ласково и по-доброму приютившей его. Все, о чем он думал, все, что он хотел, мгновенно переходило из мира фантазии, иллюзий и мечты в мир реальной действительности. Все спорилось в его руках, но спорилось слишком легко, без

напряжения, без усилий, без особого труда. Сначала Лассар любовался собой, радовался своим успехам, своей ловкости и силе, а потом стал тосковать по суровой жизни на родной планете. Мысли его все чаще обращались к желтой звезде — Солнцу, планете Земля.

Как-то ему приснился земной сон. Он вернулся на Землю и пытался вспомнить Мелисетту. И не мог, ничего у него не выходило. Она представлялась ему в разных обликах, она принимала различные цвета, она была одновременно бесформенная и обладала массой всевозможных форм, она была непостоянной, временной, амебообразной. А рядом стояла и смеялась земная жена. Во сне он видел ее черные волосы, огромные голубые глаза, слышал низкий бархатный голос. Лассар тянулся к ней, просил спасти его, он бормотал, метался, произносил имена то Люсси, то Мелисетты, их лица перемешались в его воображении, в шепоте, в сонных желаниях. Мелисетта превратилась в радужную каплю и исчезла, осталась Люсси. Лассар проснулся и уставился в потолок. Темнота почти не успокаивала его, сердце щемило от воспоминаний и тоски. Рядом слышалось ровное, спокойное дыхание Мелисетты, но Лассар уже давно чувствовал и понимал, что она не спит, а караулит его, чтобы предугадать его желания, мысли, просьбы, украсть и воплотить его тайные мечты. Он встал, зажег свет и застыл от изумления... Перед ним была его земная жена — голубые, широко распахнутые глаза, черные, рассыпавшиеся веером волосы... Мелисетта в образе Люсси. Она лежала и улыбалась от счастья принести Лассару очередную радость, воплотив его сон в реальность, повторив его мысли. Глаза Мелисетты-Люсси светились любовью и беспредельной, нечеловеческой преданностью.

Лассар взвыл от ярости и отчаяния. Ему вдруг стали противны постоянные изменения талии, роста, рук, ног, зависимость всей Мелисетты от его мимолетных мыслей и желаний, ему надоели предугадывания и предупреж-

дения его действий. Он боялся думать, боялся спать, чтобы не обнажать свое сокровенное, тайное, свое и только свое. Его угнетало неуходящее чувство, что его подкарауливают, что за ним подсматривают и подслушивают каждую секунду... и всему виной — она, Мелисетта, его идеальная жена. Он стал бояться своих мыслей, но все-таки эта мысль пришла.

«Чтоб ты... исчезла», — со злостью подумал он.

Мелисетты не стало.

Суд аборигенов был коротким. Лассара обвинили в «непреднамеренном убийстве Мелисетты посредством самоубийства последней, вызванного его желанием». Суть дела была для присяжных ясна, все повторялось далеко не в первый раз.

Приговор был вынесен единогласно, и его тут же привели в исполнение... Мелисетта появилась вновь. Она как ни в чем не бывало отвела его домой, в гостиную со шкурой убитого ими зверя. С тех пор жизнь Лассара стала действительно адом. Жить с человеком, которого ты убил, было просто невозможно, он не мог отделаться от чувства, что живет с копией прежней Мелисетты. Лассар подолгу не возвращался домой, бродил по округе. Однажды он нашел кладбище землян и зачастил туда. Медленно обходил ряды могил.

«Джон Смит — застрелился 12.07.2150 г.»

«Дик Бак — ушел от нас 15.09.2155 г.

Прими, господи, душу самоубийцы»

«Крон Вуд — отравился...»

Лассар жил на грани безумия. Он понял эту сладко-страшную планету, смысл тонкой хитрости аборигенов, он понял, почему ни один из землян не «пустил корни» на этой планете, сумевшей сохранить самостоятельность в течение многих сотен лет без войн, без оружия, без разрушений городов.

Спас его грузовой корабль, залетевший на планету совершенно неожиданно. Лассар тайно пробрался в его отсеки и лишь на полпути показался команде, рассказав

все. Его жалели и удивлялись странной истории. Капитан сообщил на Землю о случайном пассажире.

На космодроме Лассара ждала Люсси.

— Наконец-то образумился, ну уж теперь я за тебя возьмусь, космический путешественник,— встретила она его, уперев руки в бока.

Лассар с удовольствием слушал возмущенно-крикливый голос жены, он был счастлив и, как ему казалось, на сей раз вполне.

НЕДОТРОГА

Корабль-разведчик вынырнул в районе чужой планеты. Незнакомый рисунок созвездий, новое небо, ожидание неизвестного... Планета росла на глазах, очертания материков были причудливыми и неповторимыми, разделявшие их океаны придавали им самостоятельность, внушительность и даже какую-то величавую гордость. На планете был разум, именно отсюда ушли в космос сигналы, принятые земными радиотелескопами. Всем хотелось получше подготовиться к встрече, знать о планете больше. В этом мог помочь только компьютер, в его памяти были данные по другим планетам с разумной жизнью. Компьютер ждал новой информации, он ее жаждал, чтобы всесторонне ее изучить, сопоставить с уже известными фактами, удивить людей совершенством своего логического мышления и глубинной анализа: обнаружил же он, что у монстров Веги и африканских слонов одинакова толщина бивней и лобной части черепа, разве это случайность? Он был знатоком и мастером своего дела, планетарный компьютер.

Сейчас, тонко понимая желания людей, компьютер создал для них объемное изображение планеты. Прекрасный разноцветный шар висел в воздухе в центре кают-компаний. Можно было протянуть руку к планете и прикоснуться к ней, не вставая из кресла. Можно бы-

ло закрыть ладонью целый континент или океан, лик планеты при этом преображался, становился ущербным и некрасивым. В очертаниях материков угадывалась история этого мира; компьютер ловко воспользовался этим: сложил материки вместе и показал, как выглядела планета миллиарды лет назад. Потом разделил праматерик трещинами и изобразил величественное плавание континентов по океану. Перед глазами вставала история, а компьютер изощрялся далее: покрывал материки ползучими льдами, сметающими со своего пути даже горы, выращивал леса и животных, показывал развитие разумных существ... Огромные волны уничтожали живое, загоняя несчастных в горы, вулканы топили живое в своей расплавленной магме, пожары пожирали то, что осталось, а разум жил, боролся, креп, завоевывал себе право на жизнь и право на первенство... Компьютер показал мир растений, покрывая ими материки, раскрашивая их то в зеленые, то в желтые цвета, забрасывая песками, уничтожая ураганами и воссоздавая вновь и вновь... Показывал картины подводного мира, вольный полет птичьих стай. Лица людей, светящиеся радостью, песни, танцы, утопающие в свету города, — все открыто для взора, смотри и любуйся планетой и всеми на ней живущими. Планета разума, планета счастья.

— Красивая планета, трудно ей досталась эта красота, какие счастливые жители! — наперебой восхищались космонавты. — Так хочется поскорее встретиться с ними, обменяться знаниями, мудростью, расспросить о прошлом, поговорить о будущем...

— Может, сделать еще виток на всякий случай, — предложил осторожный штурман. — А, командор?

Все зашумели, отвергая излишнюю подозрительность. Все видно и так, на планете мир и согласие, никто ничего не скрывает...

Командор сделал по-своему: понизил орбиту и передал управление компьютеру, чтобы сделать еще один виток, но уже в атмосфере. Корабль нырнул в беспре-

дельный голубой океан и помчался навстречу большому красивому городу... Внезапно облик города изменился: к кораблю протянулись огненные длинные щупальца. Корабль окутался защитой. Наткнувшись на нее, щупальца вспыхнули яростными цветами, на город посыпались обломки ракет... По всей стране взвыли sireны, пришло время войны. Боевой механизм был взведен, пружина спущена. А корабль летел и летел, управляемый компьютером, вызывая на себя удары все новых и новых ракет, рождая ядерный дождь, пожары и смерть. Ракеты летели со всех сторон, все смешалось, никто не понимал, где враг и кто на него напал. Стреляли все и во всех направлениях, армады самолетов сшибались в воздухе, горящие машины факелами падали вниз. Наступил ад, конец света.

Корабль свернул в сторону океана, подальше от этих безумных материков, разом ошетинившихся огнем. Люди сидели в безмолвии, тщетно пытаясь осознать происходящее.

Ровная гладь океана взъярилась, из нее вырвались тонкие, хищные иглы ракет. На поверхность всплывали длинные черные тела подводных лодок, горели и тонули суда...

Командир отдал короткую команду, и корабль ринулся вверх, на орбиту. Но спокойно кружившие доселе спутники вдруг ощерились лазерными лучами, пытаясь вновь и вновь проткнуть защиту корабля, добраться до его обшивки, прожечь ее, дать космосу ворваться в его отсеки, уничтожить разум и здесь. Это не удавалось, и они, словно в бессильной злобе, ринулись на другие мишени...

Корабль рванулся еще выше, в спасительный космос. Люди онемели от ужаса, и лишь бесстрастный компьютер продолжал свои ухищрения в моделировании, обрабатывая принятую информацию. Созданный им шар, которым только что любовались люди; засветился синим сиянием, стал часто пульсировать, как больное сердце,

и, не выдержав, раскололся на несколько блистающих частей...

А корабль уносился все дальше в глубины космоса, словно пытаясь убежать от самого себя, словно стыдясь своей вины перед планетой и ее НЕРАЗУМНОЙ ЖИЗНЬЮ.

ОШИБКА

Планету, как всегда, обнаружил везучий Руди, причем — опять-таки как обычно — благодаря совершенной случайности. Во всяком случае, именно так комментировал он это событие, стараясь не задеть самолюбия своего командора и напарника, с которым уже не в первый раз отправлялся в длительный и утомительный полет. Он был тонкий психолог, штурман Руди.

— Владимир, есть кое-что интересное. Вчера перед сном я просмотрел записи гравитационных полей, они мне показались необычными. Я попросил компьютер провести анализ, пока мы спим, и вот что он нам подкинул. Видишь, на фоне полей гигантов ничтожное искажение? Оно слабое, но устойчивое. Это планета, Владимир.

— Наконец-то, Руди! Надоели эти гиганты, жизни на них нет, не было и, наверное, быть не может, а здесь, на планете... Будем надеяться, Руди.

На подходе к планете командор вновь удивился везению Руди — она была явно обитаемой. Далеко в космос летели радиоволны, рассказывая о жизни ее обитателей. Язык не был сложен, вскоре косморазведчики многое знали о них. Но самую удивительную информацию принесли обычные телескопы — космос вокруг планеты был чист, ни единого спутника.

— То ли они не дошли до этого, то ли так рванули вперед, что спутники им уже не нужны, — философствовал Руди. — Где еще найдешь такой уголок в космосе? Нигде, по-моему!

— Пожалуй, ты прав, — вторил ему командор, — та-

кого не встретишь на много парсеков вокруг. Словно настоящая лес, с грибами и ягодами, где воздух чист и капли дождя прозрачные... Удивительно — развитая планета, и без спутников! Все-таки, Руди, будь повнимательнее, всякое ведь бывает...

— Локаторы включены, оптика тоже, слежение по всей сфере. Какая планета! Посмотри, сколько воды. Интересно, какие у них корабли, уже опять под парусами или еще с дизелями и турбинами, жгущими нефть? И атмосфера приличная. Как думаешь, Владимир, на чем они нынче летают?

— Вот уже не знаю, Руди.. А ты, я слышал, перешел на воздушные шары да дельтапланы и с аквалангом на дно морское ныряешь... Меня тоже, бывает, тянет ближе к природе, к началу начал... Старею, наверное, Руди.

— Да нет, Владимир, ведь не сразу догадались, что возвращение к природе — это тоже прогресс. Разве не странно, что наши далекие предки, не зная морских и воздушных течений, смело плавали под парусом и летали без двигателей? А когда изучили эти течения, начали плавать и летать на нефти, загрязняя вокруг все и вся. А космос как засорили, десятилетиями потом растаскивали «космическое железо»! Да что я рассказываю, ты ведь работал в утильщиках не один год. Но ладно, командор, ложимся на орбиту ожидания, понаблюдаем за планетой, а уж потом опустим на нее свой железный ящик.

Главные дюзы выкинули в пространство пламя и силу, и корабль послушно начал кружение вокруг планеты. На экране обзора появились дороги, поля, города, моря, океаны, леса.

— Удивительно, Владимир, почему они до сих пор ничего нам не шлют? Ни одобрения, ни осуждения, ни приветствия... Знаешь, это меня настораживает...

Сигнал тревоги взвыл, призывая к вниманию и сообщая об опасности: она была впереди, так указывала ав-

томатика. На обзорном экране стали видны летящие навстречу шары. Словно новогодние хлопушки, они рассыпались вдруг на десятки мелких предметов.

Космонавты застыли, напряженно всматриваясь в набегающую непонятную массу. Руки лежали на клавишах противометеоритных систем, пальцы нервно подрагивали, компьютеры судорожно щелкали, перебирая вариант за вариантом.

— Защита включена, целей впереди сотни, локаторы отметок не дают. Прямо чертовщина какая-то: оптика видит, а локаторы — нет... Что делать, Владимир? Их все больше и больше, их впереди целый рой, что, если кинутся на нас разом?

— Ничего, посражаемся, оружие наше в готовности, — бормотал командор, сжимая вдобавок кухонный нож, которым несколько минут назад резал колбасу. — Посмотрим на это минное поле поближе.

Компьютер углублял настройку, увеличивая изображение.

— Руди, смотри, это действительно поле. Мы летим над полем, Руди, над полем, усыпанным голубыми, красными, фиолетовыми, желтыми цветами. Руди, это ковер цветов. Они стреляют букетами, цветами устилая нашу траекторию. Руди, они зовут нас, посмотри, Руди, какие цветы!

Руди снял пальцы с клавиш противометеоритной системы и бросил взгляд на своего командора. Тот зачарованно смотрел на экран, все еще сжимая в руке совершенно ненужный нож...

ЗАПРАВКА

Сооружение висело далеко за Солнечной системой, на полдороге к Веге. Оно не имело рекламных огней. Это был скромный и неприметный шар, летящий в безмолвии, с причалами, стыковочными устройствами, антеннами.

Гарри набрел на него случайно и был счастлив своей находкой. Радар его обшарпанного корабля настойчиво показывал наличие метеорита прямо по курсу, и Гарри сделал все, чтобы избежать столкновения, но когда «метеорит» обозначился в иллюминаторе, Гарри ахнул и начал срочное торможение. Перед ним была идеальная гладкая сфера, блистающая в лучах света далеких и близких звезд.

Гарри мастерски приткнул свою старую калошу к шару, проник в него и осмотрелся. Небольшая стойка для раздачи, автомат с пищей, перекладина и ремни для фиксации. Вот и все. Да еще масса клавиш. Назначение некоторых Гарри разгадал: одна заставляла наполняться банки жидкостями, другая выбрасывала пакеты с белой питательной массой, третья вызывала звучание необычной дребезжащей музыки, четвертая включала экран, на котором бегали фигурки, похожие на чертиков.

Но самое удивительное и радостное Гарри обнаружил в дальнем углу, за панелью с клавишами. Там был кран, открыв который, Гарри застонал от удовольствия. Он выпятил грудь и наполнил банку до самого клапана. Жгучая струя ударила в ждущее горло. Банка опустела в мгновение ока. Гарри перевел дыхание.

«И кто же придумал такую прелесть, гений да и только! Знать бы кто, я б ему памятник отлил из веговского серебра, чтобы все его приветствовали, как генерала, пролетая мимо. Это же надо так сообразить, на дальних путях — и на тебе... Такая выпивка».

Проснувшись, он долго соображал, где он и что с ним. Голова трещала, во рту было сухо.

«Дурная привычка — пить с утра», — подумал он и налил еще... Лишь одна необычность беспокоила его, как любого честного человека — он не находил кассы, чтобы расплатиться, и это его нервировало.

«Где же эта чертова касса, куда класть монеты? И сколько?» — лихорадочно спрашивал он себя.

Гарри хлебнул еще. Мутные глаза различили скопление странных фигур у экрана. Он потряхнул головой. Чертики не пропали, а стали подпрыгивать, хрюкая от восторга. Гарри оттолкнулся от стенки и, выставив вперед два пальца, изображая бабушкину «козу рогатую», ринулся к ближайшему из них:

— Дай-ка я тебя обниму, чертяка!

Черти исчезли.

В иллюминатор Гарри увидел отваливающий корабль странной конструкции.

«Чего они рванули?» — подумал Гарри.

...Срочный старт прошел успешно: к счастью, танки корабля успели закачать топливом почти наполовину. Корабль отошел от заправочной станции и на форсаже ринулся к звезде Зета.

«Крышка нашей заправке. Но кто они такие, если пьют ракетное топливо? И что только не встретишь в бесконечной Вселенной!» — размышлял командир зетовского корабля.

РОБИНЗОН

Лам и без того был худ, а тут еще эта авария, лишившая его пищи, взятой со своей планеты и, главное, витаминов, в которых так нуждался его организм.

Выход на орбиту вокруг планеты был обычным, исследование поверхности тоже дело нехитрое — рядовая планета, да и только. Лам выбрал самое тихое место планеты — высокие горы, где встреча с людьми была маловероятной. А встреча с ними была нежелательна, так как Лам должен был скрытно изучить этот труднодоступный район для будущей базы на этой планете.

— И так много там болтают о наших прилетах, и что за народ, так и лезут на глаза, так и хочется им кому-

то помочь, сколько раз говорил — не лезьте, не мешайте, сами, без вас разберутся, и так уж вас, пройдох, за богов принимают, молятся, задрав головы вверх, и думают черт знает чего, сложат руки и чего-то просят, просят, послушали бы, что они про богов говорят, обхохочешься: то им воды дай, то урожая, то сделай так, чтобы жена родила... А что там говорить, не суйтесь на глаза, и все тут! — напутствовал перед каждым полетом Главный Командор.

Спуск прошел благополучно, горы были все ближе и ближе, и тут Лам совершил ошибку. Он увидел гнездо огромных птиц и заложил крутой вираж, чтобы сделать снимок. Но не справился с управлением и зацепился за вершину горы; что-то ярко вспыхнуло, где-то сзади его аппарата сильно трянуло, и внутри натруженно загудело.

«Аварийные мощности», — подумал Лам и понял, что беды не миновать. Он успел приткнуться аппарат к крутому склону, выпрыгнул из него, а аппарат, покачавшись, рухнул в пропасть, распадаясь на отдельные винтики, болтики, приборы, заклепки и просто на крупные куски. Провода развесились на острых камнях. Ламу стало до слез жалко своего верного друга, прилетевшего за тридевять земель, а он, Лам, так глупо его разрушил. С аппаратом пропало все: синтезаторы пищи, связь со своей планетой и надежды на возвращение. Лам представил себе, как его пытаются найти прилетевшие соотечественники, и ужаснулся: ни связи, ни маяков — ничего у него нет и сделать ничего подобного он не сможет. Как дать о себе знать? Как найдут его? Вопросы оставались без ответа. В мыслях его возникали высоченные маяки, светящие ярким светом в ночи, но тут же эта мысль угасла: Лам живо вспомнил первые впечатления, глядя на планету с высоты орбиты, — ночную темноту периодически разрывали ярчайшие сполохи электрических разрядов. Нет, маяк никто не увидит, дело это дохлое. Старинное средство — костер, но на этой

планете так много вулканов, извергающих огонь, дым и пепел, что и эта идея сразу же умерла в беспокойном мозгу Лама.

Лам бродил в горах, но это были трудные тропы. Он спустился вниз, в долины и встретил там полуголых людей. Он научил их календарю, научил отвоевывать землю у лесов, научил строить каменные обсерватории, рассказывающие о движении Солнца, Луны и планет, и храмы, ориентированные по странам света. Он надеялся, что гигантские каменные сооружения заметят орбиты его братья и ринутся сюда. Он ждал их и надеялся, ждал их долго...

У «бога» родились два сына, а с неба так никто и не сошел. Часто стоял «бог» Лам на вершине храма Солнца и с тоской смотрел в небо, там мелькали иногда блестящие точки, выделявшие крутые траектории, и исчезали где-то за горизонтом... к Ламу никто не прилетел. А тут еще начались ссоры между вождями, и междоусобные войны погубили храмы, поля; заросли, джунгли поглотили гигантские сооружения. Все стало как прежде — зеленое море джунглей как одеяло укутало землю, надолго скрыв титанический труд людей.

Лам двинулся в долину, там мастера-каменотесы вместе с Ламом обработали огромные камни, превратив их в шары. Лам приказал их раскидать по долине так, как разместились планеты его звезды, кружа вокруг нее. Он надеялся, что этот знак поймут его собратья, лишь бы увидели. Но шли месяцы, годы, иногда сверкало небо огнями причудливых трасс. С тоской смотрел Лам на эти небесные знаки, но сделать ничего не мог. Опять к нему никто не прилетел. Сельва утопила и шары, оставив еще одну загадку для потомков. Лам был в отчаянье, он расспросил стариков о землях вокруг. Один старик рассказал ему, что в высокогорье есть большая пустыня, там не бывает дождей, снегов, бурь, там всегда светит Солнце и небо не закрывается тучами.

Лам уговорил сотню индейцев и двинулся в горы. Там он нашел пустыню, она вполне годилась для полотна будущей картины. Люди привыкли делать то, что велел Лам, даже если не понимали смысла его творений. За плугом шли целыми семьями, оставляя причудливую, извилистую линию, а шедшие следом засыпали ее белым мелом. Теперь с большой высоты можно было рассмотреть рисунок чужих созвездий, через которые проходила звезда родной системы Лама. Пустынные знаки хранились долго...

...Тор летел на базу, уютно и надежно укрывшуюся в высоких горах, которые земляне называли красивым именем Памир. Корабль Тора нырнул в атмосферу с Южного полюса Земли и понесся привычным курсом через Южную Америку, Бермуды и правым разворотом туда, к горам Памира, в тихую гавань. Под кораблем лежали привычные складки гор, начались пустынные районы, и вдруг в пустыне Тор увидел звездную карту своего неба и даже координатную сетку с указанием какого-то района. Тор ахнул — под ним были начертаны знаки зодиака и путь его родного светила. Это было настолько неожиданно, что Тор стал лихорадочно думать, как могли земляне увидеть все это, ведь они нигде себя не проявляли, держали в тайне свое присутствие... и только потом сообразил снизиться и сделать вираж над пустыней. Вот ясно прорисована птица жизни, клюв ее упирался в точку, словно призывая туда, туда, где была чья-то жизнь... И Тор все понял, он взмыл вверх, ввел прочитанные координаты в машину, и его диск камнем устремился к земле; Лам стоял на коленях, протянув руки к растущей точке, вокруг него, уткнувшись лицами вниз, в песок, — коленопреклоненные люди. Тор бросился навстречу плачущему Ламу.

— А что делать со знаком нашего неба?— спросил Тор.

— Тор,— ответил Лам,— я долго жил с ними, они

потом все поймут. Пусть знаки останутся, и когда они прочтут их, поймут, то мы снова вернемся к ним.

С тех пор люди, стараясь вернуть назад своих богов, рисуют магические знаки, но пока огненные трассы обходят горную пустыню.

ШКОЛА

Школа была просто изумительная. В большом красивом парке люди построили огромный дворец — дворец для молодежи. Десятки тысяч молодых людей учились здесь различному ремеслу, порой создавая такие произведения своего нехитрого искусства, что взрослые только разводили руками, удивляясь и восхищаясь. Воспитанники школы умели петь, сочинять музыку, ваять скульптуры, писать портреты, ткать ткань, лить металл, точить детали, управлять самолетом, лазерным лучом, создавать умные вычислители, лечить людей и животных... Они готовились жить и работать в обществе, давшем им жизнь; они любили людей и хотели, чтобы они были еще счастливее. Они были будущим...

Орналдо бежал последний круг по большому стадиону, впереди никого не было, ни одной взмокшей спины.

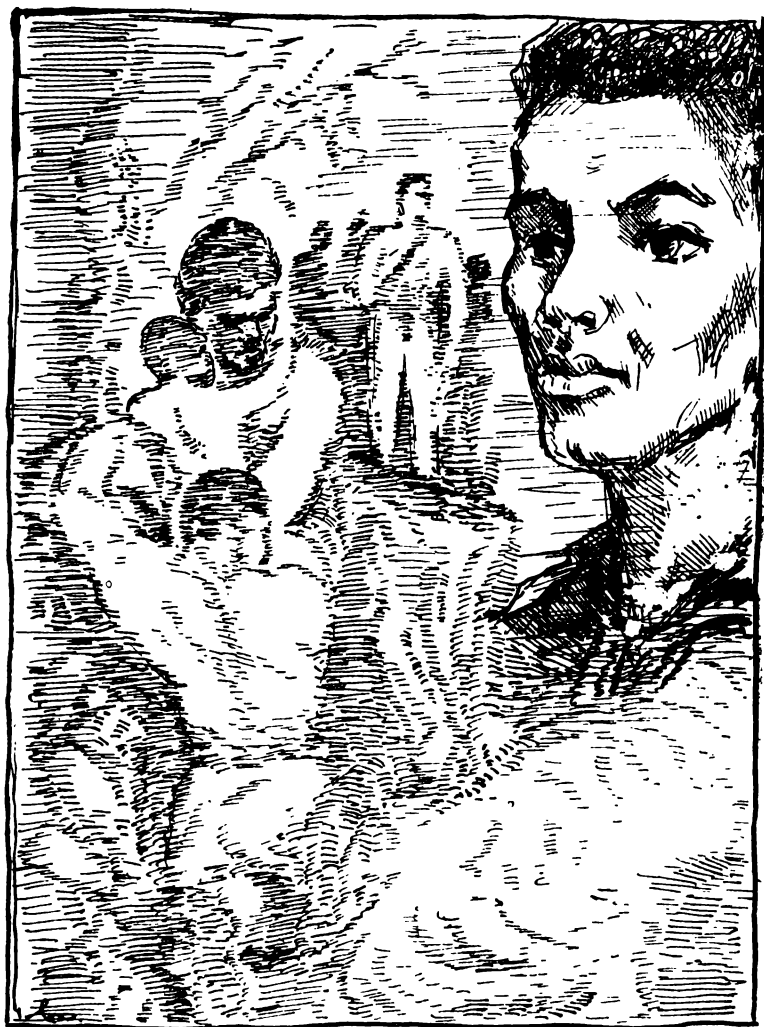
«Я первый, я сильнее всех, я самый быстрый, я ветер», — стучало в его висках.

Орналдо пересек финишную черту и сбавил темп бега, постепенно переходя на быстрый шаг, а потом и размеренную ходьбу.

«Надо помочь Хосе, Ласару, Ампару, они не расслабляют ногу, теряют скорость и тратят много сил», — решил он.

— Орналдо, ты будешь самым быстрым бегуном мира, ты будешь добрым ветром. — Хосе, переводя дыхание после бега, подошел к нему и крепко пожал руку.

— Да, я пробовал быть ветром, мне нравится мчать-

ся над землей и океаном, взвиваться ввысь, забираться в горы, вихрем врываться в ущелья, поднимать самолеты, воздушные шары, планеры.

Но сердце мое там, в лесу, среди моих друзей — птиц, антилоп, попугаев. Я родился в лесу, отец мой охотник и хочет, чтобы я тоже стал охотником, и я хочу этого. Тогда вместе со своим любимцем рыжим псом Гаври я буду помощником леса и его жителей.

— Но, Орналдо, охотник должен и убивать, — тихо сказал подошедший Ласару, — а это не все могут, далеко не все. Сможешь ли ты? Хоть это и звери, но все-таки это и убийство!

— Я проверю себя, обязательно проверю.

— Пошли, друзья, сегодня день выбора профессии.

— Кто-нибудь заявил сегодня тест? — Орналдо говорил размеренно, словно и не бежал только что.

— Я заявила, — Ампара улыбалась молодым людям, — я сегодня работаю у мартена, меня тянет кипящий металл, и я его, по-моему, очень хорошо понимаю, чувствую.

— Но ведь это тяжело, Ампара.

— Нет, это прекрасно, это как музыка, бурная, полная жизни музыка, зовущая, манящая. Металл льется тугими струями, принимая причудливые формы, круговороты, это кипящий, тяжелый океан. В нем будущая сила, мощь, я это чувствую, вижу. А разве я сегодня одна заявила тест?

— Я тоже заявил!

— И я!

— И я!

Они разошлись по тест-классам. Ампара заняла место за пультом управления плавкой. Тяжелая руда падала в шахту, нагромождаясь высокой горой, из которой вскоре потечет бурная желтая река расплавленного металла. Ампара ощущала, как нагревается руда, как она становится пластичной пластилиновой массой, как миллиметр за миллиметром оседает громадина каменной

горы... Вот первые капли металла просочились сквозь глыбы руды и, соединяясь с другими, устремились вниз пока еще тонким ручейком. Один ручеек, второй, третий, и уже широкий поток обозначил русло реки, истощая могучую гору. Река превратилась в озеро, а остатки рудной горы в остров, потом в островок, растаявший тут же на глазах в кипящем вулкане клокочущего металла. Ампара жила металлом, текла с ним вместе ручьями, кипела расплавленной лавой.

«Пора, пора дать мне волю, пора, я уже могу стать самолетом, автомобилем, трактором, поршнем мощного двигателя, якорной цепью... я нужна, и я созрела», — Ампара открыла шлюз, и кипящее озеро метнулось на волю, в ковш, разбрызгивая во все стороны яркие капли.

«Бенгальские огни детства, только горячие», — рассмеялась Ампара и вихрем заплескала около пульта.

— Металл отличного качества, — громко прокричали динамики, — экспресс-анализ в лаборатории.

— А я не сомневалась, — отозвалась Ампара, — я им жила, я была им, это я кипела и рождалась в огне и пламени, это была я — бурная железная река, это я, я, я... это я его сила, это я каждая его частичка, это мой металл, мой, мой...

— Поздравляю тебя, — Орналдо крепко сжал ее руки и, обняв за плечи, прижал к себе, — поздравляю, рад за тебя, за твое искусство...

Хосе включил станок и осторожно подвел резец к металлу. Первая стружка, скручиваясь в тугой причудливый локон, побежала от резца вниз и в сторону, потом еще и еще... Хосе освобождался от лишнего, ненужного, тяжелого, он с удовольствием обретал нужную форму, становясь изящным, нужным, совершенным.

«Ну вот теперь я родился заново, теперь я как раз то, что надо, не меньше и не больше. Как раз», — решил Хосе и остановил станок. Он бережно взял в руки

шестерню, полюбовался ею и опустил на бегущую мимо ленту. С сожалением поглядывая ей вслед, Хосе взялся за следующую заготовку.

— Деталь по высшему разряду,— сообщил контролер-автомат.

«Кто бы сомневался,— усмехнулся Хосе,— это же не деталь, а я, я, я сам. Я вложил в нее свои знания, свое сердце, свою душу. Как она могла быть иной? Это я буду вращаться в моторе, это я подниму в воздух огромный лайнер».

Причудливые изделия ложились одно за другим на бегущую ленту и исчезали, уносясь туда, где их ждали другие, чтобы всем вместе стать механизмом, задуманным человеком.

— Хосе, ты просто волшебник, поздравляю тебя,— Ампара повисла у него на шее и смешно болтала в воздухе ногами, целуя в горячие щеки.— Мой металл ты превращаешь в то, о чем я мечтаю, закипая и бурля, ты продолжаешь мое дело. Ты не можешь без меня, а я не могу без тебя. Ты мне нужен, Хосе, я люблю тебя.

— А я люблю тебя, Ампара, я тоже не могу без тебя.

Хосе кружился и кружился, опьяненный вальсом любви, а Ампара словно белый развевающийся шарф обвивалась вокруг него. Они были счастливы...

Ласару подсоединил последний блок и подготовил вычислитель к проверке. Он сразу набрал задачу высшей сложности и нажал клавишу «Решение». Блоки впились в анализ, обработку, расчеты... Задача казалась ему сущим пустяком. Его электроны считали быстро и точно, они складывали, вычитали, умножали, делили, извлекали корни, возводили в степень, анализировали, думали, сравнивали, отбрасывали ненужное, запоминали полученное и проверенное, а в конечном счете быстро и уверенно приближались к цели... Вот сработал последний триггер, и машина записала результат.

«Ха,— веселился Ласару,— мои умные электроны не подвели меня, я сам себя не подвел, я даже не напрягал-

ся, я могу больше, могу быстрее, могу точнее, могу лучше, могу помочь Ампаре, Хосе, Орналдо, людям...»

Орналдо краляся, неслышно ступая по лесу, словно хищная птица стремительно перебрасывалась от одного дерева к другому, птица сильная, ловкая, хитрая...

Орналдо видел глазами зверя: животное поняло, что ему не уйти от этой зловещей птицы — стремительной тени, преследующей его... Зверь знал, что его преследует человек, и не сомневался в исходе этой смертельной игры.

Зверь убегал, но в беге его уже виделась обреченность.

Орналдо глазами охотника следил за рыжим пятном, которое становилось все ближе и ближе, несмотря на все хитрости зверя, которые говорили о том, что он хорошо знает повадки человека. Орналдо напрягся как струна, он чувствовал себя и зверем и охотником, в нем слились воедино желание догнать, настигнуть и желание убежать, спрятаться, исчезнуть. Орналдо видел и рыжее пятно, и тень, которая вот-вот накроет огненный комок своим смертельным крылом, для него был ясен конец этой «шахматной игры с самим собой» — человек победит зверя.

«Наверное, лиса», — подумал охотник и начал сужать круги вокруг зверя, путая и сбивая окончательно с толку рыжее существо.

Зверь пошел на последнюю хитрость: резко развернувшись, он побежал назад по своим же следам. Но и это не помогло, тень не исчезла, и страх заполнил его целиком.

«Нет, не уйти мне от него, он понимает или знает все мои повадки и хитрости, я не обману его, а нападать без толку, он сильный, смелый, умный». Зверь остановился и, тяжело переводя дыхание, заполз под густую ель, пытаясь спрятаться. Он всем своим существом ощущал близкую смерть, но все-таки сжался в комок, подготовившись к последней встрече, и ждал.

«Как страус, голову спрятал, а тело, как огонь, пробивается сквозь зеленые ветви», — усмехнулся охотник, выбирая удобную позицию.

«Он видит меня и готовится к последней схватке». Зверь подобрался, стараясь стать совсем маленьким, исчезнуть, стать невидимым.

«Боишься», — решил охотник, охваченный азартом преследования; он прицелился и отпустил тетиву. Стрела запела песню смерти и понеслась навстречу жертве.

Чуткое ухо зверя услышало песню стрелы, и зверь в отчаянии подпрыгнул, пытаясь обмануть смерть. Рыжее тело взметнулось совсем рядом над зеленью веток.

«Да это же Гаври, мой любимый пес!» — Орналдо был в отчаянии.

— Нет, нет, — кричал он и бил кулаками твердый ствол дерева, но рукам не было больно, боль сжимала сердце откуда-то изнутри.

«Все, я убит, убит!» — Он почувствовал удар, боль разрываемого тела и стремительно сужающуюся темноту.

«Что я наделал, что я наделал, это так больно, так страшно, прости меня, я невольный убийца!» Смерть была все ближе и ближе, боль была уже возле самого сердца.

Глаза еще смотрели туда, откуда летел звук приближающейся смерти, искали того, кто убил, и в последнее мгновение они нашли его — Орналдо стоял с перекошенным ужасом лицом, отбросив от себя лук и стрелы, крик отчаяния долетел до Гаври.

«Не может быть, — пронеслось в умирающем сознании, — он просто не знал, он что-то перепутал, он не мог, не мог!!!» — Рыжее тело, пронзенное стрелой, тяжело упало на землю, вздрогнуло и вытянулось, чтобы ожить вновь и броситься к рыдающему Орналдо. Пес волчком вертелся около него, прыгал, облизывая руки, лицо, шею.

Орналдо открыл глаза, сел и, обхватив рыжую шею, стал молча целовать Гаври.

— Ты будешь работать и жить в лесу, ты догонишь любого зверя, никто не уйдет от тебя,— сказал Ласару,— только не охотником, а добрым помощником зверей, ты не сможешь убивать, так сказали все и мои компьютеры тоже. Пошли, твой экзамен был последний, нас ждут.

Они шагали по темным тропам и пели песню о лесе, о солнце, о птицах, песню любви и доверия. Пес прыгал около них, тычась влажным носом то в одного, то в другого, и преданно заглядывал в глаза. Орналдо гладил, гладил и гладил Гаври, он был благодарен ему за то, что навсегда утвердилось в нем,— за доброту.

РАСКРЫВАЛКА

Министр порядочности и нравов собрал совещание. Вид его не предвещал ничего хорошего, это поняли все с первого взгляда. Представители префектур сидели молча, стараясь поглубже втянуть в плечи свои почти лишенные лбов головы. Впечатление было такое, что вокруг стола сидели безголовые, и лишь одна голова — голова министра, болтаясь на тонкой длинной шее, возвышалась над этим сборищем квадратных тел. Два ряда сидящих за столом мужчин напоминали ровно подстриженные кусты перед входом в министерство. Страусиная голова министра еще выше взвилась над этой живой стеной, раскрыла свой клюв-рот и громко прошипела:

— Где мы живем? Где живете вы? В стране подлинной свободы и демократии или нет? Разучились работать?

Никто не смел поднять глаза, уставившись на оттопыренные внутренние карманы своих пиджаков.

— Что вы хлопаете своими наглыми глазами, смотреть на меня!

«Кусты» шевельнулись и украсились рядом шаров-голов с щелками испуганных глаз, источающих собачью преданность и, на всякий случай, испуг: именно такие глаза любил министр.

— Где вы живете и как работаете? Почему у Хилла раскрываемость все сто, а у Смита двадцать, у Джека и того меньше, всего пять процентов? Почему, Дик, ответь?

Дик еще больше втянул голову в плечи, остальные тут же последовали его примеру. Дик молчал.

— Дик, я тебя спрашиваю.

Дик задыхался, уткнувшись носом во внутренний карман своего пиджака, и тихо проклинал себя, что давно не чистил его от крошек сигар. Громко чихнув и обрызгав полированный стол, он медленно выдвинул свою яйцеобразную голову с редкой, как лишай, растительностью и просительно уставился на министра.

Тот решил ему помочь.

— Он что, этот Хилл, умнее вас? Сомневаюсь, все вы одинаковые, остолопы. Но почему так, почему у него лучше всех, никак в толк не возьму. Я специально не вызвал его сюда, этого пройдоху Хилла, хотел поговорить сначала с вами, а вы как чугунная решетка в дождливый день — ни проблеска, ни звука. Да отвечай же ты, наконец! И встань, раз не можешь говорить сидя.

Дик взметнул свое тело вверх и крючком застыл над столом, пряча глаза и отворачиваясь в сторону. Наконец он нашел в себе силы и открыл рот, слабый звук полетел через стол к министру.

— Сэр, у него есть раскрывалка, а мы работаем по старинке, призываем к совести, которой у многих нет, а некоторые и вообще не знают, что это такое; пробуем электрический ток, ослепляющие лампы, голод, воды не даем, бессонницей мучаем, оплеухи раздаем, а у него... он ученого какого-то посадил, а тот эту раскрывал-

ку придумал, вот бедолаги и раскалываются у него один за другим. А Хилл, он что? Он такой же, теперь пиво попивает, а эта штука работает, не то, что мы... вечно в грязи... копаемся.

— Что ты там несешь, Дик, какая еще раскрывалка?

— Сэр, я не могу вам объяснить, что это, но она работает без нервотрепки и побоев, это какая-то машина, сэр.

— Какая-то, — передразнил утиным голосом министр, — может, паровая, вроде парового молота? Положил под него бедолагу, а пресс все ниже и ниже, расскажешь тут все что было и даже чего не было. Ты давай объясняй, а если не можешь, то не черта соваться... машина... Кто может объяснить, что там выдумал этот Хилл?

Таких не оказалось, Дик скоренько плюхнулся на стул, стул затрещал, министр поморщился. Головы как по команде спрятались, «подстриженные кусты» замерли, как после порыва ветра, глаза потухли и пропали. Министр обвел глазами эту живую стенку.

— Ну а ты, Смит-немое кино, произнеси хоть два слова по этому поводу.

— Можно три, сэр? — осмелился Смит.

— Ну давай три, разговорился ты сегодня, прямо болтун на выборах, да и только. Ну валяй свои три слова.

— У него машина, сэр.

— Четыре слова, четыре, Смит-математик, ну прямо Эйнштейн. Какая машина? Зубодробильная, что ли, или дающая доброго пинка, или дергающая за язык, пока он не развяжется? Так, что ли? — веселился министр.

— Простите, сэр, не так.

— А как же? — всплеснула руками утиная голова.

— Как-то по дружбе он мне сболтнул, что у него есть машина, которая умеет говорить, и она так это ловко делает, что ей все и про все рассказывают, даже безнадёжные молчуны, а немые мычат, как быки вес-

ной в загоне, так уж им хочется выложить всю правду. Хилл говорил, что они все рассказывают сами, а он слушает и потом читает записи. Он до того обленился, что уже не проверяет признания. Не было ни одной ошибки, сэр, так сказал этот Хилл, выскочка.

— Что за чепуху вы тут мелете, или хватили с утра?

— Нет, сэр, ни росинки во рту не было, аж горло пересохло, как пески в Неваде.

— То-то ты и мелешь всякую чушь.

— Я так слышал, сэр.

— Ладно, расходитесь, все равно от вас ничего не добьешься, сам разберусь. Разбредайтесь по своим нормам, ломайте кости, терзайте души, выпытывайте правду, храните нравственность страны. В общем, продолжайте свое грязное дело ради очищения нашего великого общества.

Шерифы вымелись в одно мгновение, словно их ветром сдуло. Министр включил вентиляцию на всю мощь, выветрить запахи сильных потных тел, сигар, дешевого одеколона и еще чего-то почти неуловимого, но настойчиво присутствующего вместе с ними всегда. «Едкий дух блюстителей закона, с которым сами всю жизнь не в ладах, — определил его министр, — тяжеловатый дух, как и сама юриспруденция, тюрьмы и слежки».

К Хиллу министр нагрянул в поздний вечер, неожиданно, врасплох. Хилл вылупил глаза, открыл рот, закрыл его, вновь открыл и молча стал размахивать руками, словно выталкивая кого-то из кабинета.

— Вот что, Хилл, не пытайся меня надуть, продолжай свою работу и парня этого не гони, а то он уже под стол полез после твоих устрашающих жестикуляций. Это и есть твой ученый умница? Ну выкладывай, что вы тут напридумывали. Или очередной великий блеф? Рассказывай, Хилл.

— Сэр, — наконец разродился голосом Хилл, — мы рады вас приветствовать в нашей префектуре, префектуре, в которой... в которой вскоре не будет нарушите-

лей закона, сэр, мы всех раскроем, сэр, всех, я уверяю вас.

Министр хмыкнул, успев разглядеть поподробнее кабинет Хилла. В дальнем правом углу покоилась большая металлическая коробка.

«Вычислительная машина», — догадался министр.

Около нее стояли стол и кресло, под этот стол и пытался залезть приятель Хилла. Стол Хилла был огромным, абсолютно ровным и пустым. В переднем верхнем углу висел большой экран, видимый и из кресла Хилла, и из кресла около компьютера. Экран светился темно-серым пятном, на нем проступали внутренние контуры камеры, кровать, пристегнутый к стене стол, дверь с маленьким решетчатым окном и человек в полосатой «пижаме» — одежде узника, сидящий на табурете посередине камеры.

— Там темно, сэр, это инфракрасное изображение.

— Что вы делаете сейчас? Коротко объясняй, Хилл, если сможешь, конечно, и продолжай свое дело. Как зовут твоего помощника и почему он тоже в «пижаме»?

— Сэр, это доктор Фелинчи, его посадили за долги, он психолог-математик, достойный человек, сэр. Если позволите, то он скажет вам о своей идее. Во всяком случае, сэр, он согласился работать с нами, и мы перетащили его мысли сюда, и они там, в том железном ящике. Общее руководство было за мной, сэр, вернее, простите, за нашим ведомством, сэр.

— Похвально, похвально, Хилл, что ж, пусть скажет твой Фелинчи.

— Валяй, Фил, рассказывай.

— С вашего позволения, господин министр, я бы предложил вам посмотреть за нашей работой, камерник как раз созрел, а потом я готов ответить вам на все вопросы. Мы его готовили две недели, так что упустить момент будет искренне жаль. Если бы вы предупредили Хилла заранее...

— Что ж, я согласен.

— Кресло министру, — рявкнул Хилл, он почувствовал заинтересованность министра и смену его настроения от «вот я с вами разберусь, олухи» до «интересно, что вы там можете».

Дверь распахнулась, и два дюжих парня внесли мягкое кресло.

— Сюда, — указал министр на место рядом с креслом Хилла, — и начинайте, начинайте.

Министру не терпелось, он опустился в кресло и устался на экран. Хилл и Фелинчи осторожно заняли свои места. Наступила тревожная тишина.

— Господин министр, обратите внимание на лицо нашего подопечного, оно отражает внутренний разговор, постоянно меняется, подрагивает, принимает выражение вопроса, ответа, удивления, согласия, отрицания, гнева. И губы, губы шевелятся, он ведет внутренний разговор, одиночество и смена биоритма сделали свое дело, он готов для контакта, ему надо выговориться, — тихо пояснил Фелинчи.

— Ну что же, Фил, давай начинай, как бы он не «перезрел».

— Включаю запись, даю собеседницу.

— Собеседницу? — удивился Министр. — Кто это такая?

— Да, да, собеседницу с голосом его матери, он ее очень любит, а голос ее мы записали, картотека фоном у нас в фонотеке.

— Голос голосом, а где она сама?

Хилл позволил себе саркастическую улыбку в адрес министра, но тут же одумался и сменил ее на смиренное выражение с тенью заискивания.

— Сэр, собеседница уже здесь, она там, в углу, это компьютер, а говорить он будет голосом матери этого типа, — он кивнул на экран, где крупным планом светилося небритое лицо с большим носом и закрытыми глазами, веки подрагивали, человек жил, страдал.

— А она, эта ваша машина, знает, что говорить?

— Нет, сэр, этого нельзя, это уже вопрос, а вопрос они чувствуют сразу и ничего не скажут, тут дело в другом, в...

— Ладно, ладно, Хилл-знаток, потом расскажешь, работайте, ты прямо первый ученый среди шерифов-рабобтяг, растешь, Хилл.

— Запустил программу, мистер Хилл, — тихо сообщил Фелинчи и напряженно потянулся к экрану, словно приюхиваясь. Хилл тоже подался ближе к мерцающему стеклу, министр невольно повторил их движение, всматриваясь в лицо человека на экране.

— Всякое бывает, Бобби, мальчик, всякое, — послышался мягкий женский голос. Министр вздрогнул, оглянулся, в кабинете, конечно, никого не прибавилось: он, Хилл, Фелинчи, машина и человек на экране.

«Машина, — догадался министр, — она говорит, вкрадчивая, прямо в душу лезет».

Дрожь пробежала по лицу Бобби, оно напряглось, потом легкие складки преобразили его, рот приоткрылся, и он прошептал:

— Мама, я не хотел, честное слово, не хотел...

— Конечно, конечно, — женский голос был тих и ласков, в нем была легкая грусть и сожаление.

— Ты понимаешь, сколько же можно терпеть, я все биржи обежал, стоял с утра до ночи, работы нигде нет, я никому не нужен, мы никому не нужны, сколько можно! — Бобби чуть не плакал, губы его дрожали, глаза были закрыты, веки набухли от слез.

— Я понимаю, я все понимаю...

— Я знаю, мама, ты всегда все понимала, но молчала, терпела, я-то еще ничёго, но вот Салли, ей-то как-ково, девушка красивая, слабая — и в этом зверинце, в этих джунглях, среди этих двуногих бандитов с толстыми кошельками. — Бобби умолк, лоб его прорезали морщины.

«Что-то вспоминает», — решил министр; лоб его вспотел, спина дрожала от волнения.

— Да, но что же? Разве все предусмотреть? — Женский голос прервал паузу. Голос лился, обволакивая раскаянием и доверчивостью, каким-то очищением.

— Да, да, мама, всего не предусмотреть. Случай подвел меня, я кроток. Но когда этот грязный жирный тип пытался ее купить за ужин в ресторане, а получив отказ, полез насиловать тут же, рядом с кухней, в парке, я не выдержал.

— Да, да, от судьбы не уйдешь, — шептал женский голос.

— Судьба судьбой, мама, но если бы я не был случайно там — меня наняли на вечер мыть посуду, то Салли мог изнасиловать этот пьяный боров. — Бобби опять умолк, очевидно погружаясь все глубже в воспоминания, лоб морщился, гримаса боли легла на лицо.

— На все воля божья, на все. — Голос звучал спокойно, как на исповеди.

— Вот, вот. Меня словно кто-то подтолкнул, словно кто-то вложил в мою руку тяжелый железный прут. Она так стонала, наша бедная Салли, так стонала, видно, кричать ей было трудно, а он душил и душил ее... Я ударил его прутом; затылок его был в толстых складках, по ним я и ударил, он хрюкнул и затих... прут был слишком тяжел... я убил его. Я убийца.

— Это как посмотреть, с одной стороны, так, а с другой, все представляется по-другому.

— Я сбежал, было темно, Салли меня не видела, слава богу, а прут я кинул в канал, рядом с рестораном. Иначе я не мог, не мог, понимаешь, не мог, хоть с какой стороны ни рассуждай. Иначе что было бы с Салли?

— В церкви учат, что все мы люди, братья и сестры.

— Братья! Сестры! Да, мама, я виноват, я допустил слабость, я выждал и вернулся, никого рядом не было, я вынул из его кармана кошелек, он на чердаке за пятым кирпичом в трубе со стороны лестницы. Прости, мама, но деньги нужны, Салли опять может попасть к

такому в лапы. Какой он мне брат, а Салли ему какая сестра?

— Да, да, все не безгрешны. Но все-таки...

— Мама, не терзай меня и себя, меня взяли по подозрению, я не сознаюсь, иначе что будет с вами, у них нет доказательств, я все спрятал, а дождь все смыл, он пошел сразу же, как я убежал с кошельком, бог на моей стороне, он за нас, за бедных. Ты никому ничего не говори, мама... Ну... Никому, смотри, никому. Здесь нельзя ни о чем говорить, здесь, наверное, все подслушивается, я иногда думать даже боюсь... Я спать хочу, хочу ужасно спать, я устал, я буду спать... мама.

Голова Бобби упала на грудь, он спал глубоким сном.

Министр сидел, замерев и не веря происходящему.

— Стоп, Фил! — Хил улыбался до ушей. — Вот так, сэр, он все рассказал сам, сам, и от этого уже не отвертись. Теперь мы ему разрешим спать, пусть спит. Он очнется через сутки, не меньше, у всех так было, и начнется период страшных мучений. Память подскажет, что он сделал что-то не так, что он говорил о своем преступлении, а вот было ли это наяву или во сне, он точно не поймет. А раз так, то жизнь его станет нетерпимой, он не понимает, что знаем мы, а что не знаем. Дальнейшая игра проста, и кончается она одним и тем же — признание и требование суда, то есть публичного признания. Это как удалить больной зуб, измотавший тебя постоянной ноющей болью. Публичная казнь — признание — вот в чем видят они свое спасение. Правда, бывают и такие, которые молчат. Но для них у нас есть еще один «подарок».

— Ладно, Хилл-психолог, я кое-что понял. Но удивлен, с какой стати он взял и все рассказал, и почему, например, ты не задаешь вопросы голосом матери или кого-то еще, близкого, а эта машина бормочет что-то несвязное.

— Сэр, ваши вопросы совершенно справедливы, тут

нет ничего заумного, и если вы позволите, то Фил по этому поводу выскажется.

— Ну что же, валяй, Фил — Министр обрел себя, так как разговор вышел из рамок непонимания происходящего и теперь не надо было стараться выглядеть компетентным человеком, «делать рыло», как любил шутить сам министр; теперь надо слушать, а это было значительно проще, и задавать вопросы. Фелинчи осторожно приблизился к столу, встал напротив и, как ученик перед учителем, стал медленно говорить. Видно было, что он подбирает слова, продумывает текст своего выступления «на ходу».

— Сэр, я психолог и немного математик, занимался душевнобольными. С детства был очень наблюдательным, это вроде как дар божий. Душевнобольные — это очень интересный народ, они ущербны в одном, но зачастую эти недостатки компенсируются в другом, причем с лихвой, прямо-таки талантливо. Кстати, душевнобольной сродни преступнику. Ведь преступник — это тот же душевнобольной, его мир деформирован, и он, сэр, зачастую талантлив в этой области. Согласитесь, ведь это так?

— Да, да, наверное, — поддакнул министр и заерзал, оборачиваясь к машине.

— Так вот, наблюдая за душевнобольными, я часто видел, как они говорят сами с собой, то есть для них собеседник существовал внутри себя, и он с ним говорил. Фраз собеседника слышно не было, слышалась лишь речь-ответ. Как-то я был на рынке, сэр. Я люблю там бывать, для психолога это огромная лаборатория жизни. Так вот, там я случайно подслушал разговор двух женщин. Одна оживленно рассказывала эпизоды своей жизни, а другая, видимо думая, как дешевле купить продукты, лишь иногда бросала ничего не значащие фразы: «Конечно», «Да-да», «Это как посмотреть», «Всякое может быть», «Еще бы» и т. д. Этого было вполне достаточно для продолжения разговора, и это

натолкнуло меня на мысль, которую я тут же реализовал.

Я пришел в клинику и поддержал разговор одного из пациентов, который свихнулся после трагической гибели жены: она свалилась в ванну с кипятком. Я действовал так же, как немногословная собеседница на базаре, я изредка произносил нейтральные фразы: «Конечно», «Наверно», «Все может быть», «Бог всем судья» и прочие, подбирая интонацию. Мой собеседник оживился, рассказ его стал стройным, осмысленным, целенаправленным. До этого он жил в мире воспоминаний, они его терзали, мучили, а теперь он «выговорился». Это было просто и страшно. Мой сумасшедший рассказал все, в том числе и то, что он сам намылил край ванны, зная, что жена будет становиться на него, развешивая нехитрый туалет после стирки. Почему? Ведь вам это тоже интересно? Это произошло после скандала с женой: она сказала, что ненавидит его. Потом его взгляд уперся в меня, и он завыл, как зверь, почуявший свою гибель.

Я продолжал свои опыты и сделал несколько выводов. Первое — нельзя задавать направляющие вопросы, они вызывают реакцию замкнутости, настороженности и протеста. Вроде того, что тебя тянут за руку туда, куда ты не хочешь. Второе — нельзя, чтобы тебя видели, в конце концов проблеск понимания чужого присутствия заставляет укрыться в свой защитный кокон. Это психология, сэр. Я разработал программу для ЭВМ, она вставляет нейтральные фразы тогда, когда умолкает сам «собеседник», и... получился колоссальный эффект. Никого нет, ничто не довлеет над ним, внутренний мир его душит, требует общения, а тут мягкий, ласковый голос вкрадчиво потакает ему, причем фразами, которые можно истолковать по-разному. А он воспринимает их так, как требует его истерзанная душа, его сместившийся, но теплящийся разум.

Идея и работа эта меня увлекла, я шел дальше и

далее... пока не истратил все деньги клиники на ЭВМ и прочее оборудование... Так я попал в тюрьму к мистру Хиллу в роли заключенного. Общение с ними, заключенными, еще раз подсказало мне мысль, что они во многом похожи на сумасшедших, во многом, очень во многом. Их терзает мир преступления, они его переживают. Конечно, по-разному: некоторые не раскаиваются в содеянном, некоторые переживают промахи, которые привели их за решетку, некоторые мучаются невозможностью отомстить кому-то за провал. Редко, но есть и такие, что раскаиваются. Важно для меня было одно — они так или иначе живут в этом мире, мире содеянного, и особенно тогда, когда в одиночестве. Для меня пребывание здесь стало своеобразным исследованием, а тюрьма — лабораторией. Мистер Хилл переживал за низкий процент раскрываемости, а я предложил ему помощь. Тюремный бюджет позволил выкупить мои программы и машину. Остальное было делом знакомым и привычным.

— Вот это да, — только и произнес министр. — Да у вас тут синдикат раскрытий. А если он все-таки молчит?

— Мы с мистером Хиллом ввели новые программы, мистер Хилл давал идеи, а я их претворял в жизнь. Например, если «клиент» с устойчивой психикой и ничто его не волнует, то мы сдвигаем его биоритм и выбиваем его из колеи, иногда он не спит сутками. Это помогает нам: нервного, неуравновешенного, на грани физических возможностей человека легче втянуть в разговор и вызвать на откровенность, тем более если включить программу «жалостливого, участливого» оттенка. Ведь слово «конечно» можно произнести жестко, вопросительно, безнадежно, утвердительно и так далее. Это мы умеем делать, программы у нас гибкие. Если и после собеседования «клиент» молчит, одумавшись или в уверенности, что это был сон, то мы применяем другой метод — «подарок», о котором упомянул мистер Хилл.

Например, есть препарат, который временно блокирует в мозге отделы «старой» памяти, активизируя отделы «новой, свежей». Этим мы добиваемся, чтобы преступник невольно сосредоточил свои мысли на событиях преступления, забыв о детстве, юношестве, любви и т. д.

Или, например, сегодня машина говорила с Бобби голосом матери. Он ей бесконечно доверяет, доверился и сейчас, он любит ее. Но предположим, что он замолчал и не пожелает «публичного признания». Тогда мы вносим искажения в голос матери, и он становится отталкивающим, отвратительным. Он слышит голос близкого человека и одновременно ненавидит его. Обычно это выливается в то, что он гневно осуждает его за предательство, за то, что это он рассказал его тайны, грозит его убить, растерзать, ненавидит, плачет, рыдает, бросается на дверь камеры. А самое главное в этой истерике для нас — новая информация, новые данные. Вот коротко наш метод и наши достижения — сто процентов раскрываемости.

— Сэр, я давно хотел представить вам эти премудрости, но Фил все тянул, у него все новые и новые порывы, он готов вызвать на откровенность любого, даже пастора, он великий психолог, и я буду ходатайствовать перед вами увеличить срок его пребывания здесь, он тоже хочет этого, ему здесь легко работать, творчеству его здесь нет предела и в исследовательском материале тоже, преступность, слава богу, растет из года в год. Простите, сэр, хотя мы с ней успешно боремся под вашим руководством.

«Они оба сумасшедшие, господа, унеси мои ноги отсюда, да поскорее. А если они и меня сейчас разговаривают, если я сам расскажу всем, что собираю с тюрем по пятьдесят тысяч долларов в год, если я расскажу о махинациях с питанием, мебелью, с зарплатой тюремщиков? А если я разболтаю о «золотой мастерской» в тюрьме Смита? Если узнают, куда и как я упрятал

ювелирных дел мастеров? Нет, нет, уж лучше бить, не кормить, не поить, пусть лучше пятнадцать процентов раскрываемости, а не сто, но я и многие порядочные люди будут спать спокойно, уж лучше так, лучше уж по старинке».

— Сэр, что вы скажете?

Министр вздрогнул.

— Что? Кто это сказал?

— Я, сэр, я, Хилл, я спросил, сэр. Я спросил: что вы скажете, сэр?

«Господи, я уж подумал, что это она, проклятая машина, меня спросила. Нет, надо что-то делать, надо ее к себе под бок, под контроль, надо ее в камеру, под замок».

— Вот что! Это просто замечательно! Всей этой штукой очень заинтересуется военное ведомство, оно будет допрашивать и выпытывать секреты. Фил, иди.

Дверь закрылась, и министр продолжил:

— Фелинчи в самую строгую камеру, чтоб не выкрали или не убили, он нужен стране, эти ящики завтра же отправишь военным, я пришлю машину и людей. Фелинчи тоже отправишь ко мне, я его подержу у себя, так надежнее. Ты, Хилл, далеко пойдешь, жди повышения.

— Рад стараться, сэр!

Вскоре страну всколыхнула новость: министр порядочности и нравов стал президентом. Он перебрался в его кабинет, а рядом построили комнату, где подолгу томились в ожидании приема министры, нервничая и бормоча под нос что-то невнятное. На прием президент вызывал только по одному...

КРИТЕРИЙ

Посадка была трудной. Планета небольшая, но указатель массы был почти у красной предельной черты, а это значило, что гравитация планеты будет вывора-

чивать кости, давить на позвоночник без всякой пощады днем и ночью, сделает руки и ноги тяжелыми и неповоротливыми, а голову чугуной гирей, аккуратно вправленной в ажурный гермошлем, и наступит момент, когда нестерпимо захочется «потерять» свою собственную голову и хоть немного от нее отдохнуть. Все эти радости обещала тяжелая планета. А уж посадка с перегрузкой тем более изматывала, сплющивая тебя и стараясь выдавить из легких остатки живительного воздуха.

Внизу, под кораблем, проплывали океаны, моря, поля, города. Брейк выбирал место посадки, он исследовал уже далеко не первую планету.

«Лучше сесть где-нибудь неподалеку от маленького города, проще будет разобраться, что к чему, нечего здесь засиживаться и ползать, как удав с набитым брюхом», — размышлял Брейк.

Корабль коршуном кинулся вниз и вцепился в опушку леса неподалеку от городка. Перекошенные от перегрузок лица спутников Брейка чуть разгладились, но остались похожими на взгорбившийся блин. Тяжело переводя дыхание, космонавты один за другим проваливались в тяжелый, глубокий сон. Брейк последовал за ними, чуть всхрапывая и шевеля губами во сне; ему снилась родная планета...

Наступило время всеобщего отпуска. Так было заведено уже не один десяток лет. Как только приходило лето, весь город выезжал вниз, к морю, купаться, загорасть... Лето есть лето. Потом, через две недели, в город возвращались ремонтные бригады, они ремонтировали дома, здания заводов, фабрик. Еще через две недели в город прибывали механики, они латали станки, машины. А уже совсем к концу лета прибывали рабочие и служащие — город опять начинал, а вернее, продолжал рабочую жизнь. Так было из года в год, город рос и

хорошел. Выезд к морю был подобен празднику. Разукрашенные машины, веселые люди, смех, песни, танцы... Все это вспыхнуло, сверкнуло, как залп салюта, и исчезло внизу под шуршание широких автомобильных шин. Город опустел в одно мгновение, даже собак не осталось — одни в машинах, а другие просто сворой кинулись за людьми. Собаки города отличались сообразительностью. Стало тихо, только ветер гулял по улицам почтенного города, суд которого был уже без работы добрых полсотни лет. Отцы города гордились его и своим прогрессом.

Брейк проснулся первым, он был строг к себе и своей команде. Если даже кто просыпался раньше, то тихо лежал, не смея подняться, — командир должен быть всегда и везде первым, это закон. Разбудив остальных, Брейк дал час на подготовку к первому десанту на планету. Ходили как сонные мухи, горбясь под тяжестью своих тел, ноги переставляли с трудом. Брейк с болью в сердце смотрел на сборы, но изменить ничего не мог — у Вселенной были разные планеты. Час прошел быстро и мучительно, десант был готов покинуть корабль и обследовать близлежащий район. Анализ атмосферы показал полное благоприятие, выходить можно было без скафандров — это уже подарок для экспедиции.

— Облегченный вариант защитных одежд. Сразу в город, нечего терять время по лесам и болотам, ясно, что здесь есть разумные, наша задача понять степень их развития, на исследования три дня, иначе тяжесть измучает нас вконец. Все, за работу. — Брейк был краток, пот струился по его лицу, другим было не легче.

Космонавты с благодарностью смотрели на своего опытного командира, они были уверены, что отчет о полете будет, как всегда, идеален.

Цепочка сгорбленных фигур тяжело и упорно двигалась к городу.

— Что они, днем спят, что ли? — бурчал Пак, специалист по научному потенциалу. — Ни одного прохожего, ни машин, заправочная станция тоже пуста, а дороги у них хорошие, видно, им давно знакомо колесо.

Бурчания Пака утонули в безмолвии, было тяжело и не до дискуссий. Вступили в город, тишина и пустыньность его настораживали. Город как вымер. Экспресс-анализ показал, что эпидемии нет. Никто не понимал, почему город пуст.

— Что ж, — сказал Брейк, — давайте действовать как всегда: Пак, ищи библиотеку, ройся там, Бор — на заводы, Сэм, исследуй жилища, ты наш социолог и наша надежда.

Экспедиция растеклась по городу. Вечером собрались на окраине. Доклады несколько удручали: жителей нет нигде, почему — непонятно; в библиотеку Пак проник через незакрытое окно, книг десятки тысяч, все не просмотреть; попытка исследовать завод чуть не погубила Бора, автоматы охраны гонялись за ним, пытаясь поймать, Бор еле убежал. Слово взял Сэм:

— Командор, я предлагаю стартовать с этой планеты, здесь больше нечего делать, они еще отсталые, им надо развиваться и развиваться, — тяжело и от этого, может быть, веско доложил он и замолчал, переводя дыхание.

— Почему? — удивленно спросил Брейк. — Мы еще ничего не узнали, ничего не успели понять, на других планетах на это уходили месяцы и годы. Конечно, здесь тяжело, но долг есть долг, и мы обязаны его выполнить и выполним. Мы не взлетим, пока не поймем уровень их развития, они выпадают из нашей стройной системы познания.

— Командор, — мягко продолжил Сэм, — мне кажется, я нашел, что мы ищем, может, они сами не понимают, но этот критерий их развития везде, на всех

жилищах, конторах, он на всех домах, Брейк. Они называют его замком — это устройство для запираания дверей друг от друга.

— К старту, — рывкнул Брейк, вытирая пот и вспоминая трудную ночь, а если еще одна ночь, а потом день... — Нечего здесь делать, все ясно, спасибо, Сэм.

ВСТРЕЧА

Разведчик чужих миров, преодолев огромное расстояние, нашел то, что искал, — планету класса А. Планета была почти такой же, как и планета, родившая его. Прогулка по лесу была просто замечательной, не хватало только грибов, земляники и малины. Легкое движение между деревьями насторожило его:

«Что это за толстое бревно валяется на моем пути, затаюсь-ка я пока и подожду. Вот у себя, на родной планете, — там все ясно: кто друг, а кто враг, все определено и однозначно: враг — стреляй или беги, друг — протяни руки для приветствия. Вот, помню, на охоте за крокодилами, это же надо, я стоял по пояс в жидкой грязи болота и стрелял по отвратительным аллигаторам, а сам, оказывается, упирался ногами в спину огромного гада... Он начал всплывать, видно, ему не очень нравилось, что по нему топчутся, а я, как мачта с обрубленными парусами, возвышался над его безобразной спиной-палубой. Хорошо, что Дик смотрел в мою сторону и быстро сообразил, что к чему, а то я был бы не здесь, а чем-то после крокодилова желудка — разрозненными атомами и молекулами, готовыми к дальнейшему использованию. Вот друг, а вот враг. А эта чертовщина впереди мне совсем не нравится, от нее отдает спиной аллигатора, а отсутствие пасти с клыками еще больше настораживает, еще шархнет каким-нибудь разрядом или еще чем-нибудь более пакостным,

и повалит дым из костра, где горит единственное поле-но — я. Нет, подожду еще, заодно и отдохну, вот только опять спина затечет от неподвижности, стар становлюсь я для подобных сцен, как бы не промахнуться, не упустить что-либо».

«Надо же, я такого не видел никогда, прямо хам какой-то, прет напрямик, не разбирая дороги, странное создание: какие-то ходули тоненькие, две раскачивающиеся палки, надломанные в середине непонятно зачем, шар наверху, весь какой-то неустойчивый, шатается, трясется, дунь и полетит, как сухая веточка. Но от него так и веет опасностью, лучше я полежу, хорошо, что бронированный бок как раз развернут к нему. Черт подери, меня на работе ждут, а тут эта «прелесть» на дороге, и долго она будет торчать и изображать из себя застывший монумент, ведь передвигалась, а теперь притворяется, а как следит за мной... Дай-ка я отключу все лишнее, оставлю слежение и защиту».

«Неужели мне показалось, ведь этот обрубок вроде бы извивался, цепляясь за деревья своими боками, а теперь лежит как прогнившее бревно. Ба, да вон те щелочки, как трещины в стволе, вроде чуть расширились, или мне кажется? Эх, как хорошо дома! Нед сварила бы мне кофе, а я сидел бы в любимом шезлонге, на берегу озера, детишки бегают, соседский внук плещется и пищит, как цыпленок. Ладно, ладно, кончай млеть от воспоминаний, а то получишь в лоб какую-нибудь гадость или, как Джекки, переварят тебя прямо здесь, а не в желудке, а уж потом... слопают... фу, какая гадость. А Френк, его, как древнего гладиатора, накрыли какой-то сеткой, которая потом превратилась в корзину, утыканную присосками. Смотри внимательнее, разведчик, вдруг из этого бревна что-либо вылетит или выползет».

«Да, плохо мне будет, светило встает, припекает, а я не могу сменить оболочку, так и будут жариться в бронезащите, и рот открыть нельзя, заметит или пустит

газ какой-нибудь, вон как внимательно следит. Вон в приоткрытых щелках что-то светится и поворачивается, наверное, система слежения, и ниже что-то полуоткрыто, а что — непонятно».

«Нет, этот обрубок что-то замышляет, вон и цвет кожи у него меняется, видно, и его, бедолагу, светило припекает, и мне придется попотеть. Аж представить страшно; вот такое чучело залезет в твой космический корабль, прилетит на Землю, а что потом — пожрет всех, чего доброго; живот один, а не разумное скромное существо, тут для разума, наверное, и места-то не осталось. Но и нападать не буду, а себя под удар тоже не поставлю, за мной моя планета, мои дети, наши красивые города... а тут какой-то червяк, червяк в моей квартире... фу, какая мерзость!»

«Нет, точно, он затаился, биополе его то сильнее, то слабее, значит, нервничает, думает, что-то решает, наверное, что-нибудь замышляет. Нападать не буду, может, сам уберется, а то прыснет на меня какой-нибудь жижей, что и не ототрешься, тогда считай пропал, и себя убить не дам... сейчас меня, потом другого, потом... нет, и просто отпускать негоже, как же его заставить убраться подобру-поздорову? Нет уж, посмотрим, кто кого! Наши прекрасные холмы, наши чудесные пещеры, и вдруг... подобные твари с четырьмя отростками, когтистыми и неуклюжими. Они ведь разрушат все, что мы так долго создавали, так долго строили, у нас не было и нет таких приспособлений, как у них для рытья. Что же делать? Придется ждать и ждать».

«А может, подать дружественный знак, но какой? Протянуть руку? Нет, не пойдет, у него рук нет, не понять ему этого жеста. Поднять руки вверх — тоже, поклониться вперед в восточном поклоне — не догадается, по-христиански стать на колени — схлопочешь какую-нибудь дрянь в затылок. Ух, как спина затекла, сколько же это будет продолжаться, ну прямо мука адова! А если эта дрянь будет валяться сутки, вторые, что мне

тогда делать... надо на что-то решаться, так нельзя дальше, я просто лопну. Через минуту прыгну вон за то дерево».

«Что-то он опять возбудился, поле его явно растет, и что с ним творится, беспокойный какой-то. А может, ему плохо, может, он погибает, жаль его будет, он все-таки разумен, сообразил же затаиться, увидев меня. Наверное, даже испугался, интересно, что он обо мне думает, для их структуры я явно необычен, а может, и противен. Как бы показать ему, что я вовсе ничего не замышляю? Но как это сделать? Загнуть в дружеском жесте хвост — не поймет, у него хвоста даже нет, беденький, и как он без него обходится, ничего не взять, ничего не унести — нет, загнутого хвоста ему не понять; изогнуть вежливой дугой спину — тоже не поймет, спина у него прямая, как ствол дерева. А то еще, чего доброго, наши жесты — задранный хвост и выгнутая спина — у них, наоборот, жесты агрессии, нет, не пойдет, а то еще хуже сделаешь. Жара меня все-таки доконает, если я сейчас не пропущу часть воды наружу, не оболью свою внешнюю кожу, я засохну, как лист дерева без воды. Что же делать, надо на что-то решаться, я так долго не протяну. Через минуту прыгну за ствол вон того дерева и исчезну в чаще леса. Ну и терпеливый этот пришелец, ну и терпение у него, если они там все такие, то нам несдобровать. Ну все, хватит...»

Две тени взметнулись одновременно и в одном направлении — места за деревом для двоих было явно маловато. Столкнувшись возле дерева, они бросились в разные стороны.

Боль пронзила лоб двуногого разведчика, красные искры заплясали в глазах. Когда он обрел опять способность видеть, вокруг никого не было, лишь ветерок шевелил листву деревьев.

«А может, я зря испугался, надо было как-то аккуратно с ним законтачить, поговорить, у него ни рук, ни ног, ни оружия не было, и чего я испугался, а еще разведчик».

«И чего я умчался от него, он такой мягкий, совсем не опасный, хрупкий, его даже нечаянно, наверное, раздавить можно, с ним осторожно надо, как с ребенком, такой мирный, перепуганный стоял, жалкий, а я, монстр здоровый по сравнению с ним, перепугался, убежал, а еще... стыдно. Или нет, правильно, может, они настолько коварны, что могут притворяться добрыми. Спрячусь-ка я в свою пещеру и закупорюсь на неделю-другую, мягкий-то мягкий, а вот лоб-то болит, так что не такой уж и мягкий».

«Может, мне все это показалось, и куда он запропастился, даже следов никаких не осталось, летают они, что ли, эти чудо-черви? А может, я просто перегрелся на местном солнышке и мне померещилось, неудивительно — жарница такая, и простоял как последний болван под лучами несколько часов. Было же со мной такое в пустыне, тогда мне мерещился белый лебедь посреди песков. Хватит, надо взлетать, нечего тут ошиваться».

Старт прошел благополучно. Удаляясь от планеты, разведчик еще и еще раз оглядывался на уменьшающийся ее диск.

«Нет, все-таки показалось, не могло такого быть», — решительно прервал он свои сомнения, невольно потирая красноватую шишку на крутом лбу.

ПАМЯТНИК

Джек очень любил свою жену, и длительные полеты в космос для него становились все более гнетущими и мучительными. Когда он бывал на Земле, его коттедж был полон веселыми голосами друзей, небольшой парк заполняли дети, а добрая черная Нед, как курица с

распластанными крыльями, носилась над ними, то угощая их, то примиряя, то растаскивая маленьких драчунов, утирая им разбитые носы. Джек и Нора были идеальной парой, которой любовались все, а особенно Джим — старый приятель Джека. Он и не скрывал, что влюблен в Нору, влюблен давно, и поэтому вот уже двадцать лет приходил в их дом одиноким, стареющим и немного грустным. Это знали все их друзья. Он всегда стоял в углу, рядом с огромной китайской вазой, и не сводил нежных, грустных глаз с очаровательной хозяйки.

Провожали Джека в космос всегда вдвоем — Нора и Джим. Встречали так же. Джек вручал Норе розу, возвращенную на борту космического корабля или сохраненную в полете. Этого никто не знал. Это была маленькая тайна Джека. Джим вручал Норе яркие гвоздики. Так было уже много лет. Джек тяжело переносил разлуки с Норой, а с годами его страдания становились все сильнее и сильнее.

Наступил день очередного отлета к далекой планете, разместившейся в созвездии, похожем на причудливого зверя. Джек летел, как всегда, один — так он лучше переносил дальний путь. Близился день старта. Нора уже с месяц с ненавистью смотрела на черное небо со звероподобным созвездием, видя в звездах своих непобедимых соперниц.

Корабль стоял на космодроме, готовый к старту. В самой верхней части корабля находился дом Джека, его лаборатория, его жизнь и надежда, кусочек родной планеты.

Нора обняла Джека и молча отстранилась, давая возможность Джиму попрощаться с Джеком. Объятия Джима были сильными, он внимательно посмотрел в глаза Джека чуть виноватым взглядом.

— Удачной бездны тебе, Джек, о Норе не беспокойся, я буду с ней. А тебе хватит, возвращайся к нам насовсем, — тихо сказал он.

Нора молча смотрела на сильных, стройных мужчин, и слезы брызнули из ее глаз.

Джек резко отвернулся и пошел к кораблю. Повернулся и помахал рукой, улыбка была грустной.

Задрожала Земля, машина звездолета скрылась в пеще. Нора и Джим остались одни...

Полет протекал хорошо, но очень уж томительно, хотя был не дольше, чем многие другие. Джек все вспоминал и вспоминал Нору, ее глаза, голос, волосы, запах ее тела, ее ладони... Все чаще и чаще рядом с Норой Джеку виделся Джим, его ласковый взгляд, устремленный к Норе, его слова перед стартом. Джек бесился, его ярость, гнев, нежность и тоска — все смешалось в нем в один неразрывный клубок, не имеющий ни начала, ни конца, его нити, как щупальца фантастического осьминога, сжимали сердце, душу и мысли. Джек не находил себе места, он метался по кораблю, ставшему настоящей клеткой, тюремной камерой. Лишь роза в прозрачном колпаке с питательным раствором умиротворяла его, и Джек гладил и гладил прозрачный саркофаг цветка, а иногда даже ловил себя на том, что пытался уловить запах, но увы... хрустальный саркофаг был герметичным. Близилась посадка, Джек отбросил воспоминания, надо было брать себя в руки. Земля желала ему везения и удачи. Посадка оказалась чрезвычайно трудной, звездолет попал в мощнейшую магнитную и атмосферную бурю... и скрылся в хаосе мечущихся радиоволн, ураганов и вихрей, пропав для Земли на долгие дни. Джек сделал все, что мог, и буквально воткнул корабль между трех гор в зеленую долину. Ветра в долине не было, металлы гор не пустили в нее радиопомехи, сумасшедший треск электрических разрядов исчез, перестав коверкать уши настоящей болью.

После неудачных попыток выйти на связь с Землей Джек бросил это безуспешное занятие. Он хорошо запомнил дату своей «катастрофы» — 25 мая 2165 года — и занялся обследованием райской долины.

Земля переживала потерю звездолета, гибель одного из своих лучших сынов.

В день исчезновения корабля в сумасшедшей атмосфере далекой планеты по всей Земле было объявлено, что пилот-косморазведчик высшего класса Джек Хартман при спуске на планету вызвал своим звездолетом мощнейшие атмосферные возмущения, ураганы, электромагнитные бури и разбился в горном районе... Земля скорбит о еще одной потере в космической бездне...

Джек встретил аборигенов, вернее, они сами пришли к нему. Они долго ходили вокруг звездолета, восхищенно поглаживая титановые листы его обшивки, а потом толково помогли ему с ремонтом. Аборигены оказались очень поэтичными, и их баллады как нельзя лучше рассказали о самой планете, об их жизни, об укладе, социальном строе. Джеку не надо было писать длинных отчетов, все стало ясно и понятно, а книги, подаренные ему, совсем отбили охоту написать хотя бы строчку.

Джек долго возился с радиосистемой, но безуспешно, а вернее, с половинным успехом. Приемники он отремонтировал, и они принимали слабую трескотню электронных разрядов капризной атмосферы планеты, а вот передатчики не оживали ни в какую. Близился старт. Джек его наметил через неделю. Смуглые аборигены не покидали его, слушая его рассказы и удивляясь войнам, бедам человеческим, их страданиям и беспомощности перед самими собой. Стройный юноша всегда приходил с девушкой, нежно обнимая ее за плечи, она напоминала Джеку о Норе. Оставаясь ночью один, Джек вспоминал и вспоминал Нору, сны становились столь явными, что он говорил с ней, обнимал ее, а проснувшись, долго и безуспешно звал и даже разыскивал ее. Джек тосковал.

Джек улетел на три дня раньше намеченного срока, его новые друзья простились с ним, приглашая вернуться с Норой. Корабль рванулся к своей планете, Джек

слышал ее голос, слышал песни Земли, ее дыхание. Ритм жизни на планете, как пульс, размеренно бился в приемниках, отмеряя все новые и новые дни жизни. Джек по звучанию в эфире понимал ее жизнь: вот эфир заполнила японская и китайская речь — значит, Солнце вставало далеко на востоке, вот зазвучал сильный русский язык — Солнце шло по Сибири, вот польский, немецкий, французский — Солнце готовилось переплыть Атлантический океан, а вот и английский — Солнце пересекало Америку, и вновь и вновь языковой хором рассказывал Джеку про его родную планету...

Посадил звездолет Джек, как всегда, мастерски и, кинув его, ринулся на террасу для встречающих. Роза, прижатая к сердцу, ярким красным пятном алела на груди... На террасе никого не было. Джек бросился домой, там его встретил Джим. Ревность, кравшаяся за ним весь полет, кошкой кинулась на его сердце, разрывая его острыми когтями, ярость затмила рассудок, его мысли о Норе и Джиме обрели в его глазах жестокую реальность... и он бросился на Джима...

Утихла ярость, Джим молча взял Джека за руку и, как ребенка, повел в глубину сада... Там среди деревьев на поляне был невысокий холм, на гранитной плите было выбито:

Нора Хартман
15.2.2125—25.05.2165

ОДНАЖДЫ В МОРЕ СПОКОЙСТВИЯ

Дела складывались крайне неудачно: топливо на исходе, пища и вода кончаются, правда, кислорода было в достатке. Брукс просмотрел отчет компьютера и решил не рисковать. Он мастерски прилунился в море Спокойствия.

Немного передохнув, пилот выполз из стального чрева и осмотрел корабль. Это было плачевное зрелище: глубокие раковины от ударов метеоров, краска шелушится — одним словом, утиль да и только. Брукс вооружился инструментом и полез к аварийным бакам, по старой привычке скитальца-одиночки бормоча себе под нос:

— Надо посмотреть отстойные бачки, может, там кое-что осталось. Хотя б на орбиту у Земли выйти, а там уже, наверное, подберут орбитальные утильщики.

Брукс залез под брюхо своей «черепахи» и стал примеряться к гайкам и болтам. За ногу кто-то или что-то явственно дергало. Брукс с досадой выругался про себя и замер.

«Чушь какая-то, на всей Луне — ни единой души, кроме моей...»

Он вылез, выпрямился и стал оглядываться.

Неподалеку, направив на него чашку антенны, стояло какое-то существо. Такая бесцеремонность рассердила Брукса.

«Прилетел сюда, за ноги дергает, чертовщину на меня какую-то направил, ну и нахальный же тип!»

— Сломалось что-то? — спросил пришелец.

— Да, сломалось. А ты что, помочь можешь, что ли? Если так, то бери ключи и помоги отсоединить бак, — сердито пробурчал Брукс.

— Не могу, рук нет, — слышался ответ.

И действительно, только сейчас Брукс заметил, что чужак был похож на стручок с шишковатой головой.

— А как же ты работаешь? — удивился пилот.

— Силой мысли, — ответил чужак.

— А... — неопределенно протянул землянин, — это же надо мыслями гайки крутить, эдак и голова отвалится. Не можешь помочь, так не мешай мне, зачем ты меня за ногу тянул, — рывкнул, еще более раздражаясь, Брукс, — чего тебе надо?

Невозмутимый чужак даже не пошевелился.

— Продай энергию, у меня есть доллары, фунты, гильдены, продай, чего тебе стоит, — тянул на одной ноте чужак.

— Да ты что, у меня ни капли топлива, — огрызнулся пилот, — сам сижу на голодном пайке, нет у меня никакой энергии, нечего мне продать, не на рынке.

— Пища есть? Она тоже энергия, — приставало существо.

— Вот псих, — озлился Брукс, — нет у меня пищи, сам голодный, и воды нет, ничего нет, понял, лети ты своей дорогой на своем яйце, стручок зеленый!

— Может, что деревянное продашь, дерево горит и тепло выделяет — опять же энергия, — нудно канючил чужак.

— Слушай ты, — выходя из себя, заорал Брукс, — чучело огородное, это все-таки малый космический корабль серии Е, а не лодка для морских прогулок. Катись, тебе говорят, катись к дьяволу, какое тебе здесь дерево, соображаешь!

— Нет, — простодушно ответил «стручок», — не соображаю, мне энергия нужна, я заплачу, у меня деньги есть. А у этого, вашего друга — дьявола, можно что-нибудь купить?

Брукс задохнулся от злости, а система регулирования скафандра автоматически увеличила подачу кислорода. Космонавт вдохнул приличную порцию и гаркнул так, что автомат отключил динамики, поскольку шум превысил болевой порог:

— Нет, нельзя, он очень далеко живет и просил адрес никому не давать, особенно тем, кто зеленого цвета и похож на безрукую пиявку.

— Жаль, — миролюбиво произнес чужак, — а откуда он меня знает? Ну тогда все-таки, может, вы продадите... денег у меня хватит!

Брукс пошел на пришельца сначала молча, а потом комментируя свое продвижение.

— Да пошел ты со своими деньгами знаешь куда...

Обормот чертов, неужели ты не понимаешь, что эти капли топлива моя последняя надежда!

До пришельца оставалось несколько дюймов. Тот пополз по кораблю вверх, сохраняя дистанцию. Брукс захлебнулся, запутавшись в очередной тираде, и рванулся вверх. За такой прыжок он мог стать чемпионом, но проворный чужак увернулся, легко спрыгнул с корабля и бодро проговорил:

— Спасибо, сэр, вы честно заработали свои двести долларов, они в вашем левом кармане. Еще раз благодарю вас, сэр, мой корабль полон энергии, я могу стартовать.

Он шустро схватил установку и антенну и двинулся к своему кораблю. Брукс ошеломленно висел на своей «черепашке» в районе третьего бака и ничего не мог понять. Тем не менее жизненный опыт заставил его скопировать взгляд на левый карман скафандра — из него торчали уголки зеленых долларов.

— За что? — пронеслось над равнодушной Луной.

— За проданную психическую энергию. Она у вас прямо в избытке и льет через край, жаль, что я уже убрал концентратор, а то бы еще подзарядился. До свиданья, сэр.

Пришелец впрыгнул в корабль, и он взмыл над пустынной Луной. Брукс, вцепившись одной рукой в поручень, другой озадаченно чесал затылочную часть гермошлема.

— Это я-то заработал две сотни, а если бы жена, теща... На всю жизнь хватило бы, — сокрушался пилот, воюя с гайкой.

СПОСОБНЫЙ МАЛЬЧУГАН

Космос осваивался ошеломляющими темпами. Люди научились строить настоящие поселки на орбитах, целые энергетические поля, заправочные станции, цехи

для производства и ремонта, причалы. Все это, как небольшие земные городишки, было разбросано в пространстве. Надо было создавать между ними транспортные магистрали. Рельсы не положишь, асфальт тоже. И люди придумали небольшие космические корабли, снующие, как автомобили на шоссе, с людьми, грузами, ценными бумагами, кредитными карточками, справками о рождении детей и прочими житейскими атрибутами. Жизнь шустро заполняла вакуум космического пространства. Создали и совсем крошечные космические «такси» — ранец, как рюкзак, крепящийся на спине скафандра космонавта. Этот «ранец» был снабжен реактивными двигателями, которые умели возить космонавта по его желанию в любую сторону. Ученые позаботились и о том, чтобы освободить руки космонавта-труженика; ему было достаточно сказать, куда бы он хотел лететь, и «ранец» исполнял желание космонавта и вез его куда надо: вперед, назад, вверх, вниз, вправо, влево. Умный «ранец» понимал и воспринимал команды, поданные голосом своего космонавта, именно только своего и, как преданная собака, исполнял только его команды. Никто другой не мог бы управлять им, для этого надо было бы сменить индивидуальный фонетический блок — голосовой паспорт хозяина.

Гросс был монтажником высочайшего класса, на его счету были работы у Земли и около Луны, на орбитах Марса, Юпитера. Он собрал сотни километров энергополей, две стартовые площадки, сварил четыре космических причала.

Гросса любили все, любили и баловали. Когда в Центре управления полетом обнаружили отказ в спутнике-ретрансляторе, руководитель работ, недолго думая, обратился за помощью к Гроссу, благо он находился вблизи спутника, в корабле-перевозчике.

— Гросс, не поможешь нам, надо проверить антенну и повернуть ее на этой проклятой штуковине под названием ретранслятор, а то вся его мощная глотка

старается перекричать Вселенную, а нам достается лишь писк и треск, это я, Фокс, сегодня моя смена.

— А, старина Фокс, привет, это я сделаю, но включи экономиста с железными нервами, а лучше с железными мозгами, пусть подсчитает, что тебе и твоей богачельне эта работа будет стоить, и учти, сейчас в зале приемов моя жена и сын, они пришли поговорить со мной, я более месяца здесь болтаюсь и имею на это полное право, так что считайте, что я работаю в выходные дни, а это значит, Фокс, что в программу железяки надо ввести коэффициент больше единицы. Фокс, а с меня банка пива, а если расчеты покажут сумму из трех цифр, то с меня виски, а с тебя содовая, я знаю, ты не пьешь за чужой счет. Так что к моей посадке резервируй столик в баре вашего крикливого заведения. Норма, ты не будешь возражать, если Фокс, ты и я, наш Джимми посидим вечером под музыку и роптание хвастливых астронавтов? Так что я готов, Фокс.

— О'кэй, Гросс, я не сомневался в твоём благородстве и доброте, с твоим безупречным воспитанием и любовью к зеленым бумажкам с цифрами ты всегда готов на подвиги во имя прогресса и науки. Гросс, Норма и Джимми здесь, я включу телевидение и связь в комнату приемов и сам буду там. Пусть они посмотрят на твои подвиги, не зря же пришли, у вас ведь по плану космическое свидание через полчаса. Джимми уже мне до плеча, это в его-то девять лет! Да, Норма согласна на ресторан, я тоже.

— О'кэй, Фокс, ваяяй, пусть посмотрят. Пусть, узнают, за что мне платят и что Норма превращает в браслеты и шубы, даже белые шубы рождаются здесь, в черном космосе.

Фокс проводил Норму и Джимми в комнату приемов, включил системы, и все трое уселись в мягкие кресла около большого экрана. На экране улыбающийся Гросс облачался в космические доспехи. Его скафандр стоял прямо во весь рост, а рядом суетился Гросс. Бы-

ло такое впечатление, что их на корабле двое, двое молчаливых друзей, делающих общую работу. Но вот Гросс ловко нырнул куда-то в утробу своего двойника, и на экране стало оживать «космическое чучело». Неуклюжие движения рук и ног, огромная голова-шлем на скафандре делали похожим космонавта на персонаж сказок.

— Все в норме, Гросс? — спросил Фокс.

— Да, Фокс, все как будто в порядке, системы работают, моя вторая кожа надежна, жаль с ним расставаться, этот скафандр очень удобен, он уютный, я к нему привык. А вот ресурс выработан до упора, надо его менять. Но это после отпуска, после пенистых волн, яхт, да, Норма? Как там наш Джимми?

Фокс сунул микрофон мальчугану.

— Папа, папа, а меня к морю возьмешь? Ты обещал научить меня кататься на доске по волнам, папа, помнишь, ты обещал. А еще ты обещал научить меня ездить на машине, папа?

— Я все помню, Джимми, обязательно научу, а еще я придумал вот что — мы с тобой спустимся на дно залива в стеклянном шаре и долго будем смотреть на рыб и осьминогов, не испугаешься?

— Нет, папа, не испугаюсь, я буду таким же смелым, как и ты.

Фокс взял микрофон.

— Ну что, Гросс, пошел?

— Да, старина, пополз на свежий воздух, пойду прогуляю и проветрюсь.

Фигура исчезла в шлюзовой камере. На экране появилась внешняя сторона корабля. Вот плеснула струя — это воздух и пары воды вырвались через клапан в космос. Стена дрогнула, и на ней зачернела зияющая дыра — открылся люк. Гросс высунул голову, потом высунулся по пояс и приветственно взмахнул рукой. Выбрался из корабля, потом ловко втиснул свое горбатое тело в кресло «космического такси».

— Даю расцепку, — скомандовал Фокс.

Скафандр с причудливым чемоданом-ранцем на спине отделился от корабля.

— Пошел, — известил Гросс. — Вперед! — подал он отрывистую команду. За спиной брызнуло пламя, и Гросс спокойно и величаво поплыл в пространстве навстречу далекому спутнику.

— Гросс, аккуратнее, в километре от тебя автомат, его готовят к переводу на стационар, будут включать двигатель, так что будь осторожнее.

— Хорошо, Фокс, на километр я не ошибусь. «Вверх!»

Пламя теперь взметнулось снизу, и Гросс поплыл вверх. Норма и Джимми внимательно следили за акробатикой Гросса, восхищаясь им и его умением.

Вой аварийной сирены заставил вздрогнуть всех, Норма схватилась за сердце, Фокс окинул взглядом пульт контроля — все было в норме.

— Это не у нас, Норма, успокойся, — сказал он, погладив ее по голове, как ребенка.

— Всем руководителям автономных программ срочно собраться в центральном зале, — прохрипели динамики. — На спутнике включилась плазменная ступень малых двигателей, всем разослать сигналы предупреждения, срочно явиться для разработки экстренных мер.

Фокс вскочил, выкрикнул в микрофон:

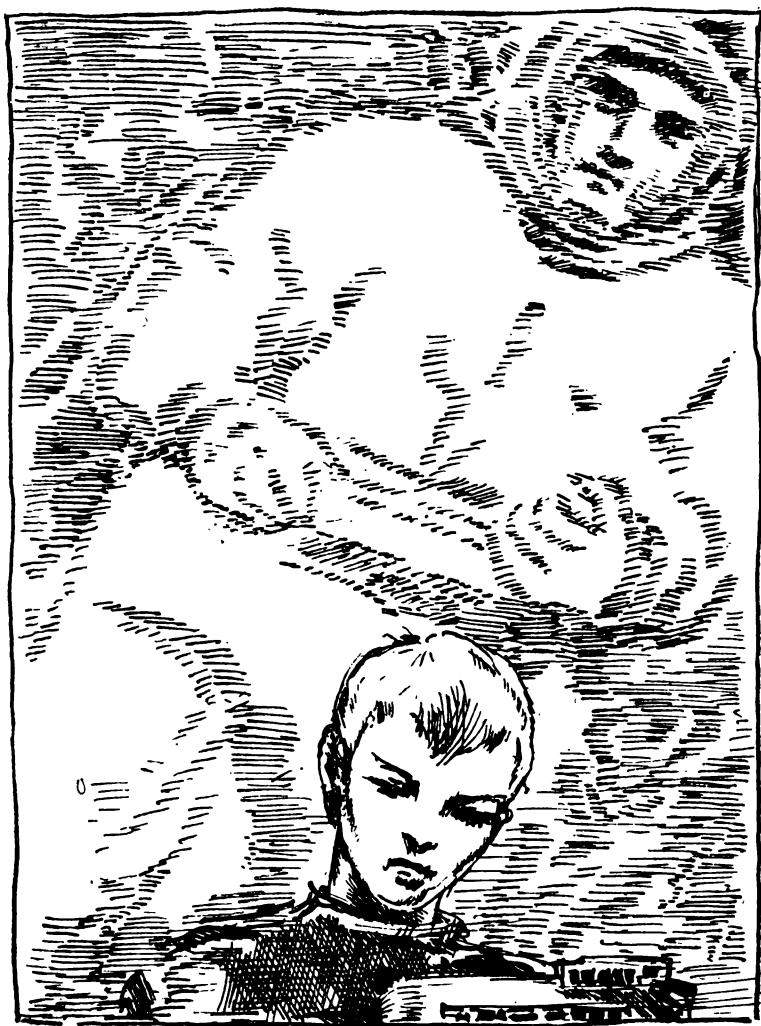
— Осторожно, Гросс, — и выскочил из зала.

— Мама, я хочу пить, — захныкал Джимми.

— Сейчас, малыш, сейчас, потерпи, я принесу. — Норма поспешила в бар, она любила и баловала Джимми.

Оставшись один, Джимми решил поиграть в дядю Фокса. Он схватил микрофон и стал командовать, подражая ему и отцу:

— Вперед, назад, влево, вправо, вперед, вперед! — сыпал он команды в эфир. У него неплохо получалось, Джимми был талантливым мальчуганом.

Гросс не понимал, почему взбесился космический ранец, перестав слушаться его команд. Его несло прямо на светящийся шар переливающейся плазмы.

Точка на экране, в которую превратился удаляющийся Гросс, неотвратно сближалась с огненным шаром и наконец исчезла, слившись с ним воедино.

— Вправо, влево, вперед, вперед, вперед! — командовал Джимми.

Вернувшись с бокалом апельсинового сока и куском яблочного пирога, Норма, увидев, играющего сына, заулыбалась, глаза ее потеплели и засветились гордостью и счастьем.

— Джимми, ты будешь астронавтом, как папа, у тебя такой взрослый голос, уже точь-в-точь как у отца.

На экране светился огромный огненный шар, отражающийся в расширенных от ужаса глазах Нормы.

— Вперед! — кричал громче прежнего малыш, ободренный похвалой матери.

МАСТЕРОК

Нет-нет, а мир удивлялся. И это очень нравилось людям. Конечно, здесь не было ничего сверхъестественного. Не удивляйся мир, не шел бы человек вперед. Появилось электричество, и мир в прямом смысле слова вырвался из мрака; появился атом, и мир восхитился этому источнику силы и могущества. Потом первый космический полет вокруг родной планеты, потом на Луну, потом на Марс, к Юпитеру, на окраины Солнечной системы, потом к звездам... все дальше, все смелее, все глубже во Вселенную.

Мир восхищался Гагариным, Леоновым, Терешковой, Борманом, Андерсом, Армстронгом, Олдрином, Коллинзом... Вселенная постепенно раскрывала свои тайнства. Порой за это приходилось платить самую высокую цену — человеческие жизни. Но вечно загадочным оста-

валось то, что создал и пережил сам человек, — история человечества. Не переставала приводить в недоумение удивительная способность древних к созиданию. Строили красиво и в то же время грубо, мощно, рассчитывая явно на тысячелетия сражения со стихией. Строили на всех континентах.

Поражали Пальмира, храмы Чичен-Ицы, Тадж-Махал, Паган, Лалибела, Персеполь, Баальбек... Оставалось загадкой, не понятым и не познанным, как и зачем наши далекие предки строили Стоунхендж, зачем карабкались к небесам, воздвигая Вавилонскую башню и пирамиды на берегах Нила.

Может, для того, чтобы рассказать нам о своих математических и астрономических знаниях? Неотесанные камни «смотрели» за Солнцем и Луной, «отсчитывали» годы, месяцы, дни, звали в поле и на охоту, предсказывали затмения.... Вопросы «зачем?» и «как?» так и остались открытыми.

Примитивные орудия труда и операции с числами достоинством в миллионы не уживались друг с другом, не складывались в единое целое, не объединялись в логическое единство. Ясно было одно: наши предки хотели оставить нам свои знания, хотели рассказать о своем умении, искусстве, о своей жизни и порой о мечте, стремлении к звездам. Многое было безвозвратно потеряно, забыто, уничтожено.

Потеряна Атлантида, не до конца раскрыт секрет булата, уничтожены книги майя в кострах Диего де Ланды. Многое, очень многое безвозвратно затонуло в волнах потерянного времени, растворилось в пространстве. Не услышать теперь музыки древних, их песен; звуки умерли, растаяв навсегда, и лишь книги и камни порой рассказывали о песнях, о музыкантах, о красоте голоса и силе слова...

Пожалуй, исследования веков, ушедших безвозвратно, были самыми трудными и зачастую просто недоступными, но человек не переставал искать, анализировать,

сопоставлять, находить, терять и ошибаться. И вдруг над планетой нет-нет да и пролетит песня далекой старины: песня простого народа о солнце, дождях и охоте, о храмах, воздвигнутых в честь побед царей и фараонов, о пастбищах и урожае, о богах и хищных могучих зверях, о счастье... Упакованная в радиоволны песня летела над миром. Воспроизведенная приемными устройствами, она звучала в жилищах, залах, на стадионах...

Такие песни были необычными, простыми и открытыми. Едва услышав их, люди затихали, и в глубине их сознания просыпалась встревоженная память предков, их чистота и суровость, их счастье и горе, люди вспоминали себя, они возвращались к полям и пустыням, к рекам и озерам, к солнцу, к зреющим хлебам. Люди вырывались в эти минуты из липкого мира искусственного света, синтетической, не гнущейся под ветром травы, пахнувшей химией, из хаоса «психологической музыки» и изысканно-отвратительных развлечений. В людях просыпалась любовь к природе.

Песни были первозданные, от них пахло настоящей травой, в них светило настоящее солнце, в них были понятными и близкими радость и печаль. Они были неподдельны. Люди истосковались по настоящему, безвозвратно потерянному и желанному. Люди ждали этих песен, они были им нужны. Было много споров, дискуссий, сомнений в подлинности песен, мелодий, текстов.

Специалисты проводили массу исследований, особенно по части истинности их языка, писались диссертации в защиту и диссертации, опровергающие эти диссертации... Но люди поверили в эти песни. Никакие рекламы, статьи, выступления по телевидению и радио не могли убедить их в том, что это очередной обман ловких конкурирующих фирм.

Но воспроизвести первозданность этих песен не удалось ни одному певцу, даже при помощи разного рода акустических ухищрений. Люди сразу чувствовали

фальшь. Пробовали искать авторов и исполнителей этих песен, но безрезультатно. А песни звучали на разных языках повсюду. В них рассказывалось о жизни простых людей в древней Африке, Америке, Индии...

Около высоких пирамид стояла обыкновенная брезентовая палатка, она сама-то выглядела как предмет почти той древности, которую здесь тщательно изучали шаг за шагом. Один из исследователей жил здесь, в этой брезентовой палатке, звали его Иван Петрович.

Сегодня, впрочем, как и всегда, в палатке былолюдно, ее предпочитали блистающим залам Клуба археологов, светящегося яркими окнами в километре отсюда.

Иван Петрович внимательно посмотрел на своих друзей и спросил:

— Кто вчера слушал эфир?

Все отрицательно покачали головами.

— Значит, никто, устали, вон вчера сколько земли просеяли, устанешь от такого, столько перетаскать, надорвешься. Сколько времени прошло, везде автоматы, роботы, а тут как копался археолог в веке XVIII, так и сейчас — все на свои пальцы да глаза надейся. Так вот, вчера опять одна из древних песен прозвучала, причем отсюда песня, честное слово, отсюда, рядом где-то ее нашли, здесь, в островерхих пирамидах.

— Иван Петрович, не тяните за душу, дайте послушать, — загалдели собравшиеся.

— Сейчас, сейчас, записать я ее действительно успел от начала и до конца, я эту волну всегда караулю, а включается запись от автомата, так что это не я в общем-то молодец, а он — автомат. То, что я слышал, просто потрясаяще. Сейчас послушаем. Только вот что: я уже знаю, о чем она. Давайте выйдем, станем лицом к Солнцу и пирамидам и послушаем.

Все молча поднялись и по очереди выскользнули из палатки.

Солнце склонялось к горизонту, и лучи его, озаряя пирамиды, летели ввысь, в чернеющее небо.

Пирамиды были словно очерчены ясными контурами. Чернота звездного неба была там — впереди, как бы ближе взмывались косые лучи уходящего Солнца; резкие переходы света и тени, вычерченные грани пирамид — все это перемешало черные краски неба с картин Куинджи и яркость солнца с картин Рериха, делало видимое фантастическим и нереальным.

Все затаили дыхание, всматриваясь в эту красоту... и тут воздух задрожал, ожив мощным голосом, сильным и красивым. Пел мужчина, и от его песни все замерли. Слова песни словно переносили собравшихся в далекое прошлое...

Жрец мастеров в мои руки вложил,
Кто я без бога? Что мог и чем жил?
Гнал я по полю тучных быков,
Чтобы властвовал царь и не вымер народ.
Было время, под Солнцем парящим я жил,
Жену полюбил и детей народил,
Старший сын красивым и стройным ходил,
Меч, копье, щит тяжелый носил.
Уходил с легионом, жена не спала,
Все смотрела в пустыню, все сына ждала.
Было счастье большое — домой приходил,
Из походов далеких дары приносил,
Но фракнец стрелой ему сердце пронзил,
И не знаю я, кто его в землю зарыл.
И была еще дочь — любви красота —
И стройна, высока, весела и умна,
Но вот злой победитель однажды пришел
И красавицу дочь в рабыни увел.
Не смогла пережить наше горе жена
И однажды под вечер на небо ушла.
Я проплакал всю ночь, я богов призывал,
Но в тоске и слезах лишь быка потерял.
Долго били, срамили, пытали меня,
Будто Хава моя быка увела.
Будто там, в небесах, тоже пища нужна.

И теперь я один, вместо песен детей
Слышу стук, перезвон железных цепей.
А в руках мастеров, предо мною стена,
Отделила от жизни меня навсегда.
Нет ни Солнца, ни рек, ни пустыни песка,
И должна не дрожать больная рука.
Гладкой будет сегодня у храма стена...
Вот придет фараон, самый мудрый из всех,
Он наместник богов, не допустит он грех,
Он обнимет меня и за труд одарит,
Взглянет прямо в глаза, цепи снять повелит,
Накормить он прикажет, дать чистой воды
И посмотрит на нас и на наши труды.
На стене он увидит себя и великого Ра
И в единстве великом еще и жреца.
Я согну свою спину, колени склоню,
Фараону и Солнцу я гимн пропою.
И прикажет светлейший наш царь-фараон
Отпустить нас на волю, ведь любит нас он.
Выйду к свету, закрою от Солнца глаза,
И вернутся ко мне и мой сын и жена,
Буду счастлив опять, буду жить и страдать
И быков по полям пыльной тучей гонять,
А пока предо мною стена и стена
И в разъединенных известью язвах рука...
Бог мой, Ра, фараон, помоги,
Внука мне хоть на миг покажи,
Пусть он будет счастливей меня,
Бог мой, Ра, пусть потомки услышат меня.

Голос умолк, а песня еще витала рядом, теплый воздух еще дрожал обращением к потомкам, а уже хотелось ее услышать вновь, еще и еще...

Молчание нарушил Иван Петрович.

— Ну как? Понравилось?

— Еще бы, да и как может не понравиться, ведь это настоящая, я уверен, именно настоящая, а не копия, скопировать это просто невозможно! — страстно воскликнул Женя, самый молодой из археологов.

— А почему это не стилизация под старину, выполненная каким-либо современным талантом или, как еще называют, талантом современности? Где доказательст-

ва, что «отсюда песня»? Кто доказал? — вступила в спор Натали.

— Вот что, пошли в палатку, там чай попьем и поговорим, — предложил Иван Петрович, — я вам кое-что расскажу.

Чай был крепкий, с сибирской душицей, аромат растекался по палатке и будоражил и без того возбужденных людей.

— Так все-таки почему вы отрицаете, что это талант современности, сейчас что угодно можно скопировать. Моны Лизы висят в квартирах, копии той, настоящей, а не отличишь. Я у одного шапку Мономаха видела, даже примерить намеревалась — оказалась копия, голограмма, — горячо продолжала свою мысль Натали, — почему же нельзя скопировать? Скажете: чтобы скопировать, все равно надо иметь подлинные. Правильно. А может, кто-то сам придумывает?

— Натали, я поддерживаю мнение Жени. И вот почему. Язык, понимаешь, язык именно тот, тех времен, он не подвержен редуцированию тысячелетних наслоений и метаморфоз, как это было с английским языком на Американском континенте. Это язык, открытый Шампольоном, язык ожившего тогда Розеттского камня. Я давно занимаюсь этими песнями. В их внезапном появлении есть что-то мистическое. Они словно восставшая из пепла птица Феникс. Но наверняка здесь замешан человек, и человек небескорыстный. Очевидно, эти сенсации приносят ему определенную выгоду, может быть, деньги. Так вот, я давно интересуюсь этими песнями, их звучало в нынешне первозданном виде одиннадцать. Вот что характерно. Песни майя звучали на языке Монтесумы, песни Индии — на языке времен Мохенджо-Даро, песни Африки содержали воспевание Тасилии, Лалибелы, песни египтян, как мы слышали, — на языке Тутанхамона и Рамзеса. Все в этих песнях — стиль, содержание, язык, риторическая манера — утверждает подлинность песен.

Я провел своего рода исследование, беседовал со многими специалистами. Голоса, звучавшие в песнях, направили в банк языкового хранилища, изучили их спектры, провели сравнительный анализ с современными голосами простых людей и певцов. Получился любопытный результат. Пришли к выводу, что звучание песен принадлежит людям древнего времени, так как голосовые связки современного человека не в состоянии воспроизвести подобное, они не способны к древнему прекрасному примитивизму. Голос современного человека богаче обертонами, или, говоря языком техники, голос древнего человека имеет более узкий частотный спектр. Вроде бы более бедны были звуки старины, меньше было различных оттенков, например, хитрости, коварства, заискивания, подхалимства. Прямее, видно, была речь предков, бесхитростнее. Вот одно из доказательств, может, и косвенное, что этот голос из прошлого. Интересно? Продолжать?

— Конечно, Иван Петрович, конечно, — воскликнула Натали и даже нетерпеливо придвинулась поближе к нему, — я тоже думаю, что эти песни первозданные, а о копии я заговорила, чтобы разговор такой затеять.

— Так вот, это было первое приближение к истине, первое, но не последнее, хотя до истины еще, очевидно, далеко. Ох вы, женщины! Натали, хитрющая ты, оказывается.

— А второе, Иван Петрович, — это уже не сдержался Женя, — второе?

— Есть, дорогие друзья, и второе, есть. Далее мы решили сделать вот что. Мы сравнили голосовые спектры тех национальностей, народностей, племен, на языке которых звучали эти странно волнующие песни. Помните, речевые фонемы отчасти совпадают по спектрам со «звуками природы» в той местности, где люди родились, жили, учились говорить и петь. В степях и прериях речь приглушенная, вроде как с присвистом ветра, в горах — гортанная, как раскатистое эхо, в ней много от

бегущих с гор ручейков, в лесах — от шума листвы... Поэтому по особенностям речи можно определить, откуда ты и какой национальности. Так вот и здесь совпадение полное — песни майя пел индеец, песни Африки — африканец, а песни Индии — индус. Так что это еще одно доказательство подлинности песен. Итак, и старина доказана, и принадлежность певца к своему народу, к языку и песне. Какое же тут копирование? Но все-таки остается много загадок. Почему поют только мужчины? Почему льются песни только простого народа? Почему во всех песнях звучат слова о строительстве храмов, пирамид? Много «почему?».

— Да, да, это правильный путь, правильный. Очевидно, многие думали об этих песнях, многие пытались разгадать их тайну. Я тоже занимался этой проблемой, и вот что мы обнаружили со своими друзьями. Мы исследовали не только голос. Мы обнаружили, что голос певца звучит над периодическими шумами, как бы на фоне этих шумов. Мы исследовали этот фон, и вот что обнаружили. К голосу с почти равными промежутками времени примешивался звук, похожий на шуршание. Я думал, что это звук сыпучих песков, характерных для голоса пустынь и египтян, но это было не так. Знаете, что это оказалось? Я был во всемирной фонотеке звуков и попросил идентифицировать этот фон. Как ни странно, наибольшее совпадение оказалось с царапающими звуками. Как будто царапали шершавую стену, причем более глубокий анализ дифференцировал сочетание дерева и извести. Более чем странно. Музыкальное сопровождение — царапанье по известковой стене деревяшкой. Хотя известно, что в те древние времена и майя, и индусы, и африканцы имели целые оркестры, причем весьма темпераментные. Это еще одна особенность — песни без музыкального сопровождения, если не считать этого странного звукового фона. — Женя умолк.

— Да, действительно странно, но в этом есть какой-

то смысл, какая-то закономерность, ведь ты, Женя, исследовал все фоны, фоны всех песен?

— Да, все. Всех одиннадцати песен.

— И на всех было это шуршанье-царапанье?

— Да, на всех, Иван Петрович.

— Так, — Иван Петрович задумчиво тер подбородок, — значит, эта постоянная помеха, так сказать, была и в Азии, и в Африке, и в Америке, и в Индии. Интересно, интересно.

— Завтра узнаем и о сегодняшней песне, у меня с собой программы обработки, я их и здесь мучаю, а записи песни у вас есть, — засмеялся Евгений. — Иван Петрович, давайте займемся этим вместе, а? Может, докапаемся до истины.

— Мне тоже хотелось быть с вами. Сознаюсь, я тоже увлечена этим феноменом, только стеснялась сказать об этом даже Жене. Жаль, что мы раньше не объединили свои усилия. Я в основном занималась языковым содержанием песен. И должна подтвердить, что язык в них действительно тех старых времен. И сейчас звучал язык древних египтян, я его знаю неплохо. Я хорошо помню библиотеку верховного жреца Амона. Там было много стихов и песен простого народа. Я-то сначала восхитилась этим. Вот как любил жрец народное творчество, даже на стенах некоторые песни были высечены, и рисунки житейские! Их-то вы видели наверняка — то урожай собирают, то скот пасут. Да, жрец изучал свой народ, его беды, мечты, стремления. Но не для блага народного. Оказалось, что он просто ловко использовал песни и их содержание против фараона, воспевая чаяния народа, но противопоставляя их реальной жизни. Получалось, что во всем виноват фараон. Ведь он правит страной, он грабит народ, воюет, не дает житья, уводит сыновей и дочерей. А он, жрец, за народ, он хороший. Я до сих пор помню мудрые слова о Солнце: «О великий Ра, ты далеко от нас несешься в мраке и холоде, ты далеко, но лучи твои долетают

до нас, согревают, дают жизнь, обнимают всех нас, твоих детей, как одну семью». Вроде бы как мудр Амфн! А взял-то он эту мысль из народной песни, я сама нашла папирусы, он их изучал и тщательно записывал. Хотите, я прочту эту песню?

— Конечно хотим, Натали, прочти, пожалуйста! — Женья глядел на нее восторженными глазами.

— Хорошо, читаю. — Натали закрыла глаза и, чуть покачиваясь, ровным голосом запела:

Великий, сильный, полноводный Нил
Во все века величие носил.
Во все года людей водою ты поил,
Не оскудей, наш добрый, сильный Нил.
Украшив наши берега,
Течешь ты вдаль, придя издалека,
Уносит мысли наши желтая вода
И отдает их тем, кто нас не видел никогда.
А если ты засохнешь, будет всем беда,
Погубишь нас и, может, навсегда.
Живи, земной наш бог-отец, живи всегда.
Ты обнял всех на многие года,
Великий Нил, богов молю я только за тебя!

— Натали, ну и что дальше? — спросил Иван Петрович.

— Иван Петрович, Женья, я хотела сказать о том, что песня, которую дал послушать Иван Петрович, эта песня отсюда, она родилась в этих песках, ее пел пастух, который жил здесь и любил. Здесь, в храмах, мы можем найти эти песни... завтра исследуют второй слой, под известью стены в «усыпальнице бедняков», пойду посмотрю, что там найдут. Да, пел ее бедняк, об этом говорит и простота слова, и манера исполнения. Это не придворные сочинения поэтов-подхалимов. Песня звучала от души, с болью, с горем... и язык простой, не вычурный.

— Скрамница ты наша, Натали. Самое главное, что я понял, — это то, что ты до тонкостей знаешь поэзию египтян, их язык, народный эпос. И то, что ты указала

на кладезь народных песен, и та песня, которую мы услышали, позволяет утверждать, что она действительно отсюда, это очень важно. А вот как ее озвучили, как ее слышали — вот это вопрос вопросов. Я уверен, что Женя завтра получит однозначный ответ от своего анализатора — пел явно египтянин. Стихи твои, Натали, просто прекрасные. Но давайте отдохнем, а завтра соберемся снова, поговорим, попытаемся упорядочить наши знания.

— Иван Петрович, давайте соберемся завтра в «усыпальнице бедняков» у стены, а потом я провожу вас в библиотеку Амона.

— Так, что у нас завтра по плану? Анализ последней недели. Ничего, потом обговорим, мы и так в общем-то знаем, что сделали, надо просто обобщить материал. Так что принимаем твое предложение, Натали, и завтра все предстанем пред стеной. Спокойной ночи, друзья, — Иван Петрович улыбнулся, глядя на молодых людей.

— Спокойной ночи, Иван Петрович.

Разошлись, но всем не спалось. Каждый по-своему обдумывал то, что услышал, что хотел услышать, фантазировал, мечтал.

«Молодцы мои молодые помощники. Я и не задумывался над этим шумовым фоном. По старинке думал, что шумит электронная аппаратура. А вот Женя не только понял, что он есть, но и проанализировал его досконально. Надо же, даже вероятности совпадения со всеми известными звуками планеты проанализировал. Кто и что мог скрести? И зачем? Я такого аккомпанирования никогда не слышал. А Натали? Наши знания египетского ничто по сравнению с ее знаниями. Умница, как углубила знания языка, какой анализ сделала народному эпосу египтян. Заслушаешься. А почему она статью не опубликовала по поводу источника молитв Амона? Надо подсказать, пусть напишет, это очень и очень интересно. Умница, просто умница Натали. Все,

спать!» — Иван Петрович наконец заснул, чуть тяжелое его дыхание расползлось от палатки и пугало юрких ящеров. Они подбегали к палатке и, словно натолкнувшись на невидимый барьер, останавливались, встревоженно и удивленно поднимая острые головки на пульсирующей шее.

Натали закрыла глаза и попыталась уснуть. В полудреме ей представлялся сильный красивый юноша, почему-то спустившийся с неба. Сама она оказалась среди индейцев, которые в страхе стояли на коленях, уткнув лица в колени. Юноша шел навстречу Натали, протягивал к ней руки и, улыбаясь, пел.

«И как он может одновременно и улыбаться и петь? Наверное, это во мне песня или это телепатия», — удивилась Натали. А юноша все шел и пел о любви, которая осталась святой реликвией всех веков, такой же чистой, яркой, красочной, как и тысячелетия назад. Натали шла ему навстречу, она хотела прикоснуться к нему, взглянула в его лицо и удивленно ахнула:

«Женя!» — и проснулась.

Полными радостных слез глазами она увидела над собой далекие холодные звезды и одну яркую, летящую среди них звездочку.

«Вот так, на глазах людей, они, наверно, все-таки прилетали к нам, а может, и нет...»

Натали заснула.

«Любимая моя, Натали, до чего же здорово, что мы здесь вместе», — успел подумать Женя, и крепкий сон свалил его.

Утро, холодное для пустынь, пришло к пирамидам. Солнце, еще не выглянув из-за ровно очерченного горизонта, уже подсвечивало пирамиды. Их гигантские строгие геометрические фигуры нарушали линию горизонта

причудливыми изломами. Из черноты ночи пирамиды проступали сначала серым цветом, потом желтоватым, в основании своем сливаясь с цветом песков, а потом заискрились красным отливом от солнечных лучей. Красное постепенно переполнялось, густело, и вот солнце всплыло над линией горизонта и залило золотом и пустыню и пирамиды.

— Все-таки есть в них что-то сказочное, фантастическое, — нарушил молчание Иван Петрович.

— Да, я тоже об этом думал, сколько бы раз ни наблюдал восход солнца в пустыне, среди пирамид, все равно он неповторим, величав и царствен: прямой горизонт, треугольники пирамид и парящий над всем этим диск золотого солнца. Это завораживает, и я признаюсь вам, Иван Петрович, у меня несколько раз ноги подгибались, так и хотелось занять коленопреклоненную позу. Наследие предков взыграло, — шутливо закончил Женя.

— Не только у тебя, — засмеялась Натали. — А я тебя во сне видела, Женя, ты, как бог, спустился с неба к индейцам каяпо, а я тебя встречала среди них. Но как только поняла, что бог — ты, я проснулась.

— От ужаса? — полушутя-полусерьезно спросил Женя.

— Ну что ты, Женя, от желания поскорее увидеть тебя наяву, — ответила Натали.

— Ну что, пора, наверное, к усыпальнице, а то без нас начнут ее «раздевать», — сказал Иван Петрович.

— Конечно, конечно, — заторопился Женя, — надо идти.

— Успеем, — коротко констатировала Натали.

Быстрым шагом добрались до «усыпальницы бедняков». Так ее называли археологи потому, что в ней не нашли богатого захоронения, золотых масок, украшений. Ничего, кроме скромного погребения бедного егип-

тянина. Вошли в главный зал. Аппаратура была уже установлена. Ее камеры были направлены на голую стену. Сбоку стоял большой черный экран. Комиссия, представленная всеми заинтересованными странами, собралась.

— Здравствуйте, мистер Волков, — поздоровался с Иваном Петровичем Джон Пат, — о, пардон, гуд мачинг, мисс Иванова, хелло, мистер Женья.

«Как всегда, «мистер Женья», никак не скажет «мистер Петровский», да и Натали пора бы уже миссис Петровской называть», — размышлял Женья.

— Вы, как всегда, точны, хоть часы по вас проверяй. По-моему, у вас так говорят?

— Здравствуйте, мистер Пат.

— Ну что ж, господа, вот и все собрались, назначенное время пришло. Я думаю, пора начинать. Итак, сегодня мы изучим содержание второго отделочного слоя. К сожалению, и здесь, где, казалось бы, не к чему приложить своенравную руку правителя, как правило, что-то переделывающего по-своему и зачастую разрушающего старое, но не менее, а порой даже более прекрасное, какая-то рука все-таки наложила второй слой извести. А вот что под ней, мы сейчас посмотрим. У вас все готово? — обратился к инженерной группе мистер Пат.

— Готово, мистер Пат.

— Включайте.

Загудели преобразователи, и невидимый луч начал свою работу. Он, подобно лучу старой телевизионной трубки, бежал от одного края стены к другому, обнажая то, что было спрятано в глубине, под наружным слоем. На черном экране строка за строкой рисовались ровная серая стена и линии плотно пригнанных каменных плит. Черный фон экрана постепенно уступал серому цвету. Все вглядывались в экран, но ничего любопытного там пока не было. Так бывало часто. Напряжение спало, люди стали переговариваться между собой, обсуждая новости или просто дружески беседуя.

Вот луч пробежал у фундамента, и весь экран засветился ровным серым цветом пустой стены. Вторая стена оказалась такой же. Перешли к третьей. И тут... На трети высоты стены, как в пишущей машинке, одна за другой стали четко проступать буквы... Разговоры разом стихли... Многие бросились к словарям, и только губы Натали сначала шепотом, а потом все громче и громче шептали:

Жрец мастеров в мои руки вложил,
Кто я без бога? Что мог и чем жил?
Гнал я по полю тучных быков...

Автоматы замедлили бег луча, подстраивая фокусировку на каждую из букв, а голос Натали, теперь уже опережая строки на экране, все громче и тверже продолжал:

Чтобы властвовал царь и не вымер народ.
Было время, под Солнцем парящим я жил,
Жену полюбил и детей народил...

По случайному совпадению слова появлялись на экране вслед за голосом Натали. Все умолкли и с изумлением смотрели и слушали ее. Было что-то сверхъестественное в происходящем, события тысячелетней давности переплелись с настоящим. В стройной Натали, несмотря на ее современную одежду, присутствующим почудилась потерявшая детей, убитая горем женщина, жившая тысячелетия назад. Глаза собравшихся выражали восхищение, благоговение к священному таинству происходящего, беспокойство, трепет и даже страх. Один из операторов в ужасе схватился за голову и изумленно смотрел на Натали. Глаза их встретились, и Натали, как часто выбирают со сцены артисты кого-то из зала, остановив на нем свой взгляд, продолжала читать, читать от души, от сердца, читать, как свои стихи, вымученные своей жизнью и рожденные самой...

Она жила жизнью той далекой Хавы, ее горем, судьбой ее детей, она стала ею...

Оператор затравленно вертел головой, руки его дрожали, он не мог оторваться от взгляда Натали, лоб его покрылся испариной, ноги подгибались, он был близок к обмороку, сознание явно покидало его... А голос Натали звучал все быстрее, опережая текст экрана все больше и больше...

Бог мой, Ра, фараон, помоги,
Внука мне хоть на миг покажи,
Пусть он будет счастливей меня,
Бог мой, Ра, пусть потомки услышат меня.

Натали умолкла, а буквы все бежали и бежали, пока последняя из них не заняла своего места на экране.

В зале было тихо, и лишь легкое позвякивание вызывающе отвлекало от картин прошлого, возвращая в настоящее. Это бренчал металлический часовой браслет на дрожащей худой руке несчастного оператора. Глаза его закатились, рот был перекошен.

— Нет, — вырвалось у него, — нет, не может быть, я не виноват, я не хотел, я... — Он повалился на пол и затих.

Глубокая, тревожная тишина сковала людей. Не сразу бросились на помощь. Натали, чувствуя себя в чем-то виноватой, присела рядом с ним, положила его голову на свои колени и, слегка покачивая, как ребенка, обмахивала его лицо, пытаясь дать приток свежему воздуху. Холодная вода, которую услужливо подали Натали, сделала свое дело. Он открыл глаза, вздрогнул, лицо Натали было рядом, она дружески улыбнулась ему... страх пробежал по его лицу, он зарычал, вскочил и, отбросив Натали, с ненавистью глядя ей в глаза, закричал:

— Как ты могла догадаться, как? Что ты на меня смотришь? Ты отнимаешь у меня не только деньги, но и жизнь! Ты не могла, не могла видеть мои голограм-

мы, не могла! Я не мог представить, что песня здесь, под слоем извести, не знал. Но как догадалась ты?

С этими словами, которые привели всех в недоумение, он выскочил из помещения и понесся прочь, песок взвивался фонтанчиками из-под его ног и оседал невысокими холмиками, отмечая его путь.

— Что с ним? Почему он говорит, что я его жизнь разбила? — спрашивала всех Натали. — Какие деньги?

— Кто это? — коротко спросил Иван Петрович.

Молчание нарушил Пат.

— Это мистер Гарри, лучший оператор, кстати, и лучший специалист по голографии, ни одна морщинка на любом холемом лице не ускользнет от него, ни одна шероховатость. А что с ним, не знаю. Знаю только, что он стал очень богат, и дело оператора не бросает, любит его, что ли, так и переезжает из Африки в Америку, из Америки в Индию, из Индии в Азию, а сейчас вот сюда прикатил, к пирамидам. Очень увлеченный человек, я его часто вижу у храмовых стен с его голографом. Причем однажды видел, как он поглаживал стену и вслух сокрушался, что она очень ровная. Богатый чудак, но еще раз говорю — специалист он отменный. Да, так что же мы даже не поздравили друг друга с такой находкой — стихи, это же такой успех, такой успех и такая редкость! — Пат взволнованно подпрыгивал на месте. — Мисс Натали, а почему вы читали текст, забежав вперед, вы знали его наизусть? Откуда, позвольте спросить? И прошу простить за грубый тон моего соотечественника, он был явно не в себе. Так, мисс Натали, как вы могли знать текст песни заранее?

— Да, мистер Пат, я знала текст наизусть, я вчера слышала эту песню, она недавно звучала в эфире.

— Еще одна из песен, которые так будоражат мир? А я ее не слышал! Жаль, сейчас же пойду послушаю, поздравляю вас, коллеги, еще один шедевр старины глубокой увидел свет...

Вечером опять собрались в палатке Ивана Петровича.

— Ну что, друзья, вот это совпадение! Не успела прозвучать песня, как мы нашли ее текст. Слишком маловероятное совпадение. Я бы сказал, трех событий — звучание песни в эфире, находка текста и их полная идентичность.

— Я бы сказал, четырех, Иван Петрович, еще одно совпадение — именно здесь, где нашли текст, работает международная комиссия, — Женя задумчиво тер подбородок.

— Ну и что? Какая тут связь? Не понимаю, — удивленно переспросил Иван Петрович.

— Давайте рассуждать. Да, кстати, я просчитал песню. Пел египтянин, фон такой же, шуршит что-то. Поет всегда мужчина, поет простые песни. Значит, это трудяга, а поют трудяги обычно во время работы, чтобы легче работать было. Или на радость. Как женщины в поле пели, когда труд был приятен. Везде есть этот фон однотипный. Значит, все наши «певцы» делали во время пения одну и ту же работу. А теперь вспомним текст последней; помните, там есть строки: «Жрец мастеров в мои руки вложил». Он недаром пел «Пусть потомки услышат меня», недаром. Вот мы его и слышали, не думаю, чтобы он делал это специально, что он действительно понимал, что мы его можем слышать, но вот слышали же... Может, они все штукатурами были, с мастерами в руках храмы отделывали, но при чем здесь возможность услышать... «Пусть потомки услышат меня». Услышали, слышали, но вот как?

— Ты, по-моему, совершенно прав. Женечка, я сейчас шла от туристического центра. Там как раз работал штукатур. Вчера пальма упала и выбила угол, так вот он бросал раствор и заглаживал его мастерком, сделанным из дерева. У меня хороший слух, ты знаешь, так вот шуршание такое же, как тот фон, кото-

рый ты, Женя, исследовал. Турист шел с магнитофоном, я его попросила записать и подарить мне кассету. Он сделал запись, отдал кассету и убежал, часто оглядываясь на меня. Уверена, он решил, что я сумасшедшая.

— Дай кассету, — Женя уже протянул руку.

— Пожалуйста, бери, — Натили отдала ему кассету, и Женя выскочил из палатки.

— Натали, как ты думаешь, что произошло с Гарри?

— Не знаю, Иван Петрович, но мне кажется, что он имеет отношение к появлению этих песен. Кстати, стал-то он богат после своей поездки в Южную Америку и как раз в то время появилась песня майя. В их группе операторов есть Мери, мы с ней знакомы, встречаемся довольно часто и, как и все женщины, конечно же, болтаем, а она все старается выйти за Гарри замуж, поэтому многое о нем знает. Он у нее всегда на уме, а значит, и на языке. Она только о нем и говорит и не только говорит, но и пишет в своих письмах. Как-то в письме она нарисовала схему поездок своего Гарри. Смотри-де, какой он у меня смелый, какой путешественник и как любит свое дело, хотя и богат. Там были и Америка, и Африка, и Азия, и Австралия.

Одним словом, только теперь я способна переосмыслить все услышанное. Действительно появление этих чудесных песен и поездки Гарри в места их рождения совпадают. Мери восхищалась как-то тем, что Гарри сам познал науки, сам сделал какие-то приборы, а потом занялся голографией. Кстати, он сделал ее портрет, она говорит, что прямо живая да и только, отдельные волоски видны. Перебивался как мог, денег не было, а потом вдруг появились. Появилась и первая песня индейцев майя. И в это же время была первая поездка Гарри в Южную Америку, он там вроде бы подрабатывал в группе операторов, носил аппаратуру за ними. Я думаю, что если просмотреть его банковский приход, то прибыли тоже совпадут с поездками Гарри в соста-

ве международной комиссии археологов. Я уверена, что песни, вернее, их появление связано с ними.

Вбежал Женя.

— Точно такой же фон, все совпадает, твоя запись работы штукатура идентична с фонами, анализ подтвердил их аналогию. Знаете, что это за фон? Звук от мастерка, деревянного мастерка, движущегося по массе раствора. Вот так.

— Я так и думал. — Иван Петрович растягивал слова, явно что-то обдумывая. — По голографии он специалист, этот Гарри. И во всех песнях один и тот же фон — мастерок шуршит по мягкой еще стене, заляпанной раствором. Кто-то пел, а кто-то работал. А почему кто-то? А если он пел и работал, один и тот же человек? Может быть, и так, может. Здесь в этом ключ, в этом. Натали, где он работает?

— Кто? — удивленно вскинула брови Наташа.

— Да этот мастер-штукатур.

— У второго здания туристического центра.

— Пошли.

Мастер продолжал свою работу, и оставалось совсем немного, чтобы стена опять стала гладкой и красивой, он был доволен своей работой и что-то негромко напевал.

Иван Петрович, Натали и Женя приближались к нему, громко переговариваясь.

— И все-таки я не понимаю, как песня могла попасть к Гарри, не понимаю, и все тут, не было пластинок, не было магнитофонов, пленок. Если бы песня передавалась из поколения в поколение, то она бы изменилась, изменился бы язык, тональность, появились бы и другие наслоения, не понимаю, и все тут, они же, песни эти, нетронутые, они те, те, они настоящие. — Натали говорила возбужденно.

Голос Натали привлек внимание мастера, он с удив-

лением смотрел на группу спешащих к нему людей. Натали он узнал сразу. Отложив работу, он спросил ее:

— Простите, мисс, сэр, что-нибудь не так, я плохо что-то сделал, я в чем-то ошибся? — Голос его был встревожен.

— Нет, нет, что вы, простите нас. — Натали говорила ласково, желая смягчить тревогу мастера.

— Натали, попроси у него мастерок. — Иван Петрович уже тянулся к нему.

— Простите, вы не могли бы дать свой мастерок ненадолго? — Натали перевела просьбу Ивана Петровича.

— Мастерок? Этому господину? Сэр, вы в таком костюме, да и зачем он вам, вы не сумеете сделать эту работу лучше меня. — Натали быстро переводила.

— Нет, нет, не беспокойтесь, я не пытаюсь это сделать, просто я хочу попробовать, мне это очень надо. Это очень важно.

— Но зачем именно сейчас? Приходите потом, я научу вас, если вы так хотите стать штукатуром. Это непростая и тяжелая работа, сэр. У всех, кто ею занимается, больные руки. Так было с давних времен, сэр.

Натали улыбнулась и взяла на себя инициативу.

— Ему это надо сейчас, понимаете, сейчас. Мы русские, и нам надо проверить одну догадку.

— Ну если так, то пожалуйста, товарищ, берите. — Штукатур протянул мастерок Ивану Петровичу.

Иван Петрович взял мастерок, занял место штукатура и принялся разглаживать сырую серую массу раствора, бесформенной кляксой висевшего на стене. Рука чувствовала податливость, мягкость, готовность повторить замысел человека. Легкое движение, и форма массы менялась. Иван Петрович пытался сделать ровную поверхность, он водил и водил мастерком то слева направо, то наоборот, то совершая круговые движения, но ничего не получалось, из-под его неопытной руки выходило нечто похожее на песчаные барханы, волнистое.

«Прямо стиральная доска», — злился Иван Петрович. И от этого волны становились еще больше.

— Рука дрожит, — усмехнулся мастер. — Когда нужна ровная поверхность, чихнуть боишься, дыхание сдерживаешь, а то получится, как Нил в ветреную погоду, все в волнах будет, шероховатая стена получится.

Когда Натали перевела слова «волны» и «шероховатость», Иван Петрович вспомнил слова мистера Пата, сказанные о Гарри: «Лучший... специалист по голографии, ни одна морщинка не ускользнет от него, ни одна шероховатость». Иван Петрович чувствовал, что разгадка тайны песен где-то рядом, недостает лишь логической связи событий и фактов.

«Волны, шероховатость! Вот в чем дело, вот что он искал, делая голограммы, — волны. Колебания руки оставались в застывшей шероховатости раствора! Дрожала рука, дрожал мастерок — вот тебе и волны. А если он пел? Точно! Вот в чем весь секрет! Вот в чем ключ к разгадке! Вот она в чем, сермяжная правда, вот где собака зарыта! А ну-ка, я попробую», — решил Иван Петрович, продолжая разглаживать раствор, и неожиданно для всех запел во всю мощь своих легких. Мастерок в его руке задрожал, вторя колебаниям голоса, серая масса вздрагивала, запоминая их на долгие-долгие годы.

Иван Петрович громко засмеялся, вскочил на ноги, обнял штукатурку и отдал ему мастерок.

— Спасибо вам большое, друг мой, вы мне очень помогли.

Натали перевела, мастер стоял недоумевая. Женя пожал плечами, Натали повторила его жест.

— Пошли, пошли, — пригласил всех Иван Петрович, — нечего плечами разговаривать, а то действительно сочтут нас, мягко говоря, за странных людей. Пошли, по дороге все объясню. Кажется, я с вашей помощью

кое-что понял. — Еще раз поблагодарив мастера, Иван Петрович, Натали и Женя не спеша побрели к брезентовой палатке.

— Ну вот, теперь все стало на свои места, теперь ясно, откуда появлялись эти замечательные песни. Последняя деталь — работа мастера поставила точку над «и». Сейчас я вам расскажу свою гипотезу. Значит, так. На мой взгляд, все выглядит таким образом. Вспомним, например, последнюю песню, песню египтянина — пастуха-строителя. Не углядел он быка, вроде бы провинился. Его за это сослали на работы, строить храм. Очевидно, он был штукатуром и работал с деревянным мастерком. Это объяснение фона, того постоянно присутствующего шума. Наш предок работал и пел свою печальную песню — историю своей жизни, историю своего народа. Летела песня, напрягались могучие легкие, дрожала, вторя им, рука, дрожал мастерок, оставляя на растворе волны застывших звуков, слов. Так и хранилась «замурованная» песня до появления голографии и таких, как Гарри. Голографический снимок позволял объемно скопировать все шероховатости на стене, известковые волны. А уж воспроизвести их потом в звуковые колебания — это дело пустяковое. Жаль, что такая хорошая идея попала в руки такого проходимца, на предках зарабатывал. Сколько же он скрыл или скрывает таких шедевров? Ладно, с ним разберутся. И все-таки, сколько же он еще припрятал, скольких же прекрасных песен этот Гарри лишил человечество? И что за страсть такая: уникальную картину, книгу, скульптуру — к себе, в свою коллекцию, в свои подвалы... и любоваться буду только сам и никто больше, никто.

— Да, Иван Петрович, теперь понятно, почему пели только мужчины, почему песни только народные и почему в основном печальные, — добавил Женя.

— А самое главное, по-моему, — тихо сказала Натали, — что песни обрели свою настоящую свободу.

СВАДЬБА

Готовился старт длительной экспедиции, полет задумали на целый год, пора уже знать, сможет ли человек в одиночестве долететь до других планет или еще дальше... к звездам. А сейчас на год, вернее, пока на год.

Не так уж давно об этом и подумать-то было страшно, а теперь многое стало более доступным, хотя проблем оказалось более чем достаточно. Инженеры создали надежную технику, корабли и станции могли летать долго, обеспечивая человека всем необходимым, создавая ему уют и возможность плодотворно трудиться. С техникой все было в порядке, а вот с человеком было далеко не все ясным и понятным, и медицине пришлось поломать голову, чтобы не превратились в полете мышцы человека в дряблые тряпки, чтобы он смог ходить по Земле после возвращения из космического путешествия, чтобы сердце его не стало жалким комком, еле толкающим кровь. Для этого придумали целый космический стадион: здесь была и дорожка для бега, и велосипед, правда, стоящий на месте, но педали его надо было крутить с такой же силой, как и на настоящем велотреке, а справа и слева бежали деревья, дома, поля и лужайки, впереди растекалась бесконечная дорога, тропинки, просеки, вверху чистое небо, солнце, парящие птицы; по летящей навстречу дороге, ну прямо как и на самом деле, мчались машины, даже запах гари примешивался к запахам леса. Психологи делали свое дело умеючи и старательно. Инженеры тоже. Все это сложное оборудование проверили в лаборатории на Земле.

Испытатель чуть не слетел с велосипеда, увильнув от груженого самосвала, ругая его на чем свет стоит. А когда проезжал мимо бензоколонки, на него пахло легким запахом бензина.

«Утечка или пролили много, надо предупредить, — подумал он и спохватился: — Ведь я в лаборатории, от-

куда здесь быть бензину, вот это имитация, молодцы, ничего не скажешь!»

Психологи в подготовке к этому полету играли первую скрипку, и это было всем понятно — впереди у космонавта был год борьбы с самим собой, год в космической бездне, год в невесомости, без возможности по-настоящему пройти ногами по земле, без шелеста листвы, без лесного шума, без дождя и капель, которые так хочется поймать широко раскрытыми губами, год без живого человеческого лица. И хотя корабль был напичкан видеоманитофонами, синтезаторами, голографическими установками, приемниками, передатчиками, стереофоническими динамиками и многими другими премудростями — все понимали, что космонавту будет все-таки тяжело.

В полет готовили Василия. Парень молодой, крепкий, мужественный и к тому же холостяк.

— Ему и скучать будет легче, все-таки нет жены и детей, да и девушки на примете вроде бы нет, как-никак, а все будет полегче, — рассуждали врачи-психологи.

Василий готовился к полету тщательно, все делал, как у них в сибирской деревне, — добротнo и надолго. Днями и ночами пропадал на тренажерах. Сильное его тело мелькало в спортивных залах, бассейне. Самолет, управляемый Василием, выписывал в воздухе замысловатые фигуры высшего пилотажа. На заводах и в конструкторских бюро, где строили его корабль, постигал он до тонкостей свой будущий дом и научную лабораторию.

За полгода до полета появилась новинка — вычислительная машина с колоссальными возможностями. Она умела мгновенно решать любую головоломку, в ней таились все знания и умение лучших математиков, физиков, химиков, она обладала опытом всего человечества, была опытным врачом и философом. Она говорила, пела, играла на любых инструментах, была превос-

ходным шахматистом, чудесно готовила обеды и ужины, стирала, гладила, могла поддержать любой разговор...

Василий увлекся машиной, просиживая около нее часами, беседуя с ней. У многих даже зародилось сомнение — уж не влюблен ли он в этот изящный шкафчик с кнопками и клавишами, массой лампочек и синеватым дисплеем. Но любящий человек был рядом и не сводил восхищенных глаз с Василия. Звали ее Вера, она работала программисткой в лаборатории вычислительных машин. Вера слышала разговоры о влюбленности Василия в машину; сначала смеялась, а потом стала ревновать, а зачастую ей хотелось быть на месте этой «неживой умницы». Она помогала Василию постичь машину. Именно Вера ввела в машину последние программы. Теперь им вверялась жизнь любимого человека, жизнь Василия. Машину установили на борт корабля.

— С новосельем, — поздравил ее Василий, — через неделю старт.

Машина быстро освоила корабль и премудрости его систем, она была очень сообразительная.

Наступило утро старта. Рев ракеты, натруженный голос, сплющенное лицо, счастливые глаза, тяжелые руки и... непередаваемое чувство невесомости. Василий был на орбите. Работа спорилась. Скучать было некогда....

— Вера, как там погода? — проснувшись, шутил он.

— Доброе утро, Василий, как всегда, забываешь сказать «здравствуй»; сегодня в нашем районе температура плюс двадцать градусов, влажность до тридцати процентов, дождь не обещали, снега тоже не будет, ночью до плюс пятнадцати градусов, а в Армении опять холодно, особенно в горах. Ты уже спал, я записала по-

следние новости и про погоду тоже. Между прочим, вчера была диктор твоя симпатия — Татьяна. А теперь выплывай и беги на зарядку.

— Уже плыву, Вера, — живо отозвался Василий и выскользнул из спального мешка. Умылся, надел спортивный костюм, подплыл к бегущей дорожке, закрепился, размялся.

— Побежали, Вера, — крикнул он, и лента под ним начала свой бег. Василий сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее помчался по лесной тропе, обегая корни деревьев и пригибаясь под низкими ветвями.

— Василь, а теперь выбирай, куда бежим сегодня? — спросила «Вера», чуть задохнувшись от быстрого бега, но не отставая и держась рядом и чуть сзади.

— Давай к прудам, к тому, что с рыбами и, помнишь, там в прошлый раз утки плавали, а на той стороне поставили палатку туристы. Давай посмотрим...

— Помню этот пруд, помню, тогда надо сначала свернуть на шоссе, а потом налево в лес.

Василий и «Вера» побежали к шоссе. Навстречу летели березы, сосны, солнечные лучи играли в каплях росы на траве, пели птицы, на душе было радостно и легко. Вот и шоссе, редкие поутру машины летели навстречу. Одна машина обогнала их и дохнула выхлопными газами, шофер приветливо помахал рукой, крикнул что-то про здоровье и спорт, а в легкие Василия и «Веры» ворвался ядовитый смрад, гарь стеснила дыхание. Василий побежал быстрее, приглашая призывным взмахом руки за собой и «Веру», чтобы побыстрее нырнуть в чистый лесной воздух. По обочине с корзиной в руках шла девушка, лицо ее кого-то напоминало Василию, и он стал замедлять бег...

— Не отставай, — крикнула «Вера» и рванулась вперед, перед ним замелькала ее стройная фигура.

Василий прибавил еще и, оглядываясь на одинокую женскую фигуру, свернул за «Верой» на лесную тропинку... Вот и пруд... Василий перешел на шаг, обошел

пруд и растянулся на траве. «Вера» нырнула в воду и плавала, затеяв игру с утками. Утки и не пытались улизнуть от нее, доверчиво подставляя маленькие головки с бусинками глаз под ее ласковые ладони. Погладив их и что-то назидательно им сказав, «Вера» мчалась уже на другой конец пруда, легко рассекая воду.

«Какая она сильная и ловкая, стройная, а вот лица никогда не покажет», — грустно подумал Василий. Воспоминания о родных краях, о далекой Сибири, о деревне, доме, о прудах за лесом нахлынули вдруг на него, настроение резко упало, он встал, глянул на радостную «Веру» и, опустив голову, побрел от пруда.

— Вера, я пошел домой, — крикнул он и сразу же побежал, чтобы не слышать удивленного ответа, потом вдруг остановился и... сам нажал клавишу выключения тренажера. Экраны погасли, лес исчез, солнце потухло, запахи травы пропали, птицы не пели. Василий стоял, опустив голову, под ним застыла резиновая лента тредбана, он всеми силами старался скрыть слезы, бесшумно падающие на зеленую резину. Справа и слева от него мигали индикаторы приборов, впереди виднелся жилой отсек, его спальня, кухня, библиотека, спортивный зал, его поля, луга, озера, пруды и его солнце. А настоящее Солнце, огромное, золотое Солнце-звезда уже вставало на черном и густом горизонте. Василий молчал. «Вера» тоже молчала, анализируя и понимая состояние своего подопечного...

Василий осмотрел приборы — все было в пределах нормы. Но беспокойство не пропадало, и он знал почему: он еще ни разу не прерывал подобной игры, всегда доводил ее до конца, и они прибегали домой веселые и счастливые, а сейчас Василию было стыдно за свою слабость и за то, что он, наверное, обидел «Веру». Машина тоже обдумывала ситуацию и пыталась разобраться в его чувствах.

— Василь, воды горячей сегодня нет, отключили еще вчера и, как всегда, не предупредив заранее, не-

ужели так трудно расклеить объявления или позвонить, я целый день была дома, — продолжила игру «Вера».

— Не сердись, Вера, береги нервы, они еще нам пригодятся, а я умоюсь холодной, в Сибири мы о горячей воде и не думали, разве только что в бане.

— Ну что ты, Вася, я поставила греть воду, еще когда мы убегали на зарядку, сейчас смешаю ее с холодной, — заботливо предложила «Вера». — А вот я в Сибири никогда не была. Что на завтрак? Молоко? Ветчину с яйцом? Омлет?

— Ничего не хочу, а в Сибирь вместе поедem, я тебя маме покажу.

— Тогда выпей сок, выдумщик.

— Не хочу.

— Нельзя так, Василь, ты же знаешь, брось хандру, не капризничай, ты уже давно взрослый.

— Хорошо, выпью сок, умоюсь, съем омлет и никуда не пойду, буду работать как вол, только прошу тебя — дай немного побыть одному.

Голос «Веры» умолк. Василий занялся астроприборами. Осмотрел Солнце: кажется, надвигается солнечная буря, темные пятна на светиле словно уплотнились, почернели и сбились в кучу, надо ожидать очередной вспышки. Василий ввел информацию в память, машина застрекотала, обрабатывая ее и передавая экспресс-информацию на Землю.

«Проглотила», — все еще раздраженно подумал он.

Следующим на очереди был Марс. Там, на Марсе, очевидно, наступила весна, белые шапки полюсов потемнели, от них потянулись тонкие нити речушек и рек. Они изрезали округлость планеты вдоль и поперек.

«Как желтая дыня в голубой сетке», — подумал он, сделав несколько снимков, и передал обработку информации машине.

— На что похоже?

Машина молчала несколько секунд, а потом тихо сказала:

— На шар, покрытый голубыми линиями.

«Эх ты, моя умная помощница, бедное все-таки у тебя воображение», — с удовлетворением подумал Василий.

Он обрел уверенность человека — хозяина корабля, и ему стало легче. Почувствовала это и машина.

— Василий, сегодня по программе осмотр гнезда и первые попытки полетать нашим земным пернатым, — напомнила «Вера», голос ее был ласков.

— Пошли, а то бы я позабыл, спасибо, что напомнила.

Мир был восстановлен. Василий переплыл в отсек биологии, там в углу разместилось «гнездо» — термостат, в котором и вылупились птенцы. Они подросли и уже пытались выбраться наружу, но их не пускала прозрачная стенка их «гнезда». Птенцы сидели совсем не по-земному, не рядышком, протянув одновременно вверх свои голодные раскрытые рты и отталкивая друг друга еще не окрепшими клювами, а как-то разбросанно, словно разлетевшиеся комочки желтоватой глины.

Василий наклонился над ними, птенцы забеспокоились, перышки на их тонких шейках вздыбились, и они превратились в еще более беззащитных и жалких. Усмехнувшись, Василий открыл стенку, и вот уже один птенец, вцепившись лапками в обрез дверцы, внимательно рассматривал новый для себя мир. Покрутив головой еще несколько секунд, он все-таки решился и, оттолкнувшись от дверцы лапками, выскочил наружу.

— Взвился в небо, — усмехнулся Василий.

За первым птенцом вылез второй, за ним третий. Василий сидел в углу лаборатории и наблюдал за птенцами. Рядом тихо зашуршала кинокамера.

— Спасибо, Вера, а то я засмотрелся и совсем забыл о записи.

— Пожалуйста, Василий, всегда рада тебе помочь, у тебя столько дел, я просто порой поражаюсь, как ты

все успеваешь, да еще и мне уделяешь столько внимания, спасибо тебе, Василь, ты такой добрый, сильный, без тебя мне было бы очень скучно, ты... ты, ты очень хороший, Василь.

«Как нежно говорит, вот бы такое услышать от настоящей девушки». Ему стало неловко за свою недавнюю несдержанность...

Птенцы делали отчаянные попытки, но их полеты скорее напоминали акробатические цирковые номера, невесомость давала о себе знать, лишь иногда им удавалось пролететь несколько десятков сантиметров. Птенцы складывали крылья и, очевидно, ждали стремительного падения вниз, чтобы, набрав скорость, расправить крылья у самой земли и тихо примоститься на ветку. Но невесомость спутала их инстинкты. Сложив крылья, превратившись в серые комочки, птицы никуда не падали, а висели на том же месте перистым облачком. Подождав немного и так и ничего не поняв, они опять начинали размахивать крыльями, беспорядочно кувыркаться и снова замирать в ожидании какого-то чуда, а чудо не приходило... Василий и «Вера» от души смеялись, глядя на уморительные картины, звонкий смех «Веры» звучал в ушах. Василий, вспоминая детство и голубей, которых лелеяли и гоняли всем двором, совсем по-мальчишески вдруг засунул два пальца в рот и свистнул разбойничьим свистом. «Вера» испугалась, и смех ее внезапно оборвался. Это еще больше развеселило Василия.

— Вера, ты только посмотри, посмотри, милая, как будто и не птицы вовсе, посмотри, тот правый птенец очень похож сейчас на ошестинившегося ежа, а вон тот — на кобру с раздутой шеей. Они устали, надо их посадить в клетку.

Наступила пауза. Машина обдумывала новое к ней обращение «милая», а Василий — новую свою оплошность, ведь машина не имела рук и поймать птенцов не могла, а тем более посадить их в клетку.

— Вера, я сам помогу птицам, отдыхай, — нашелся он.

Василий поймал птиц и поместил их в клетку, они обрадованно уцепились за жердочки так, что лапки побелели.

— Наверное, их теперь из клетки не выгонишь, напугались до смерти, — проворчал Василий, ему стало неловко за потеху над бедными птицами.

— Знаешь, Василь, а мне их очень жаль, зачем их оторвали от Земли, зачем? Они были бы там счастливы, а здесь что с ними станет, когда мы вернемся на Землю... вернее, ты вернешься? — Машина всхлинула и умолкла.

Василий вздрогнул, он никогда не задумывался над тем, что они обязательно расстанутся, что он, только он вернется домой, а она, «Вера», останется здесь, а потом сгорит в атмосфере родной планеты. Это была грустная мысль, и Василий попытался отвлечь от нее и «Веру» и себя.

— Вера, ты права, действительно только человек может так ловко приспособиться к воде, к воздуху, к космосу, мы научились жить везде, даже вот здесь.

— Да, Василий, вы можете жить везде и даже на далеких звездах тоже, наверное, для этого и создала вас природа — дерзких, смелых, напористых... Ты очень хороший, Василий, я тебя очень люблю, спасибо тебе за твои слова, ты назвал меня милой, спасибо тебе, я чувствую себя действительно человеком...

Прошел год, настал день возвращения. Посадка была удачной. Василия окружили врачи. Он лежал на носилках рядом с горячим, обгоревшим кораблем, счастливый и улыбающийся. Над ним по очереди склонялись друзья, поздравляли его, что-то говорили, а он думало своей «Вере», оставшейся там, наверху, в пустом кораб-

ле, в одиночестве; слезы были на его глазах, и все принимали их за слезы радости.

Еще один человек подошел к нему, на него в упор смотрели влюбленные глаза, Василий приподнялся на носилках....

— Ты уже здесь, Вера, родная, наконец-то, я люблю тебя, Вера; за этот долгий год, что мы были вместе, я понял, что не могу без тебя.

Вера зарделась и поцеловала Василия.

— Поздравляю тебя, Василий, я горжусь тобой, — сказала Вера.

Василий все понял: он слышал голос «Веры», оставшейся на орбите, он видел перед собой ту «Веру» и Веру, ждавшую его здесь, на Земле.

— Вера, я так страдал, расставаясь с тобой там, в космосе, а оказалось, я не улетел от тебя, а вернулся к тебе, если бы ты знала, какое это счастье — вернуться к тебе!

А потом была свадьба, свадьба космонавта Василия и лучшей программистки.

Через много лет они часто рассказывали своим детям и внукам, как летали вместе в космосе целый год и как были там счастливы.

А ГДЕ ЖЕ РОШАР?

Двигатель взревел столь неожиданно, что Рошар, отброшенный в кресло, завертел головой, как бы отыскивая, кто бы его мог включить. Конечно, никого не было, он стартовал один. Никакие попытки выключить двигатель не привели к успеху, корабль все стремительнее пронизывал пространство. Выручила автоматика. Защита от перегрузки отключила ревущего за кормой монстра, пламя задрожало и скрылось в керамическом чреве. Теперь корабль мчался, как брошенный прашой камень. Скорость его была огромной,

«Куда же я теперь лечу, — подумал Рошар, выбираваясь из кресла и подплывая к пульту, — надо бы затормозить этот сумасшедший бег».

Двигатель не включился ни с первой, ни с десятой попытки. Топлива не было. Рошар не хотел в это верить, но это было так — на счетчиках светились нули. Он представил себе траекторию полета: узкую вытянутую петлю, начинающуюся у Земли и устремленную в никуда.

«Может, еще вернусь в перигей, какая все-таки орбита?»

Рошар взглянул в бортовой хронометр — он стоял. Включил электронный хранитель времени — он не работал. Схватился за наручные часы — стрелки намертво влипли в циферблат.

Время на корабле остановилось, но сам он несясь с бешеной скоростью: в иллюминаторе проплывали звезды...

«И они бесполезны», — подумал Рошар, со злостью глядя на далекие светила. Он вспомнил, как снимали секстант и телескоп, чтобы освободить место, как напихали корабль всякой всячиной для снабжения лунной базы.

«Хорошо, хоть продуктов вдоволь, на всю базу загрузили, воды и кислорода тоже хватает», — подумал он.

«Связь, — промелькнула мысль, — с Земли или Луны подскажут...» Связи тоже не было.

Рошар проверил отсек за отсеком — работало все, что было связано с жизнью: действовала система терморегулирования, осуществлялась регенерация воды и кислорода, готовилось трехразовое питание. Не было топлива, не было связи, не было времени, не было ни дня, ни ночи. Мгновения сливались в одну бесформенную, безликую, липкую массу, в которой барахтался Рошар.

«Летающая тюремная камера, да и только, — еще со-

храняя присутствие духа, размышлял он. — Ладно, надо поесть».

Он уселся за стол, отменно поел, выпил банку пива, устало прикрыл глаза. Ему снилась родная Бретань, море, залив, песок на берегу и любимая Жаннет... Он был молод, капитан Рошар, ему было всего 28 лет.

Проснулся он как от толчка, резко выпрямился и долго не мог понять, где он и что с ним. Потом вспомнил. Бессилие душило его, превращаясь в нестерпимую злобу, злоба переросла в ярость. Рошар бросился к пульту и вжимал, вжимал со всей силой кнопку включения двигателя, но тот по-прежнему был мертв. В танках корабля топлива не было, а на счетчиках сияли нули. Рошар размахнулся, и брызги стеклопластика разлетелись в стороны. Нули больше не горели, но топливо от этого не появилось.

Обессилив от этой вспышки гнева, Рошар снова заснул. Сон был короткий, осколок коснулся его лица, и он открыл глаза.

«Сколько я спал, час, два, шесть?» — Рошар не мог отвязаться от настойчивой мысли: «Сколько?»

Он потерял счет времени и пытался найти хоть какую-то ниточку, чтобы понять: сколько прошло часов. А время шло, бежало, летело, стояло на месте и было неподвластно Рошару, он жил вне времени, отдельно от него, и сознание не могло постичь его течения. Еда, сон, еда, звезды в иллюминаторе, тоска по Земле, воспоминания, воспоминания, сон, еда, еда, сон... Рошар летел среди ярких красивых звезд, для него не было ни дня, ни ночи, для него был полет и звезды. Рошар летел, стараясь подчинить себя обстоятельствам, но вопрос: «Сколько я лечу?» — все настойчивее стучал молотом в его голове. Эта мысль становилась все навязчивее и навязчивее, и казалось, в мире нет более существенного, лишь бы узнать: сколько?

Этот вопрос преследовал его даже во сне. Он задавал его и вслух и про себя.

Бноритм, возвращенный Землей, был потерян, жизнь его не подчинялась земным часам.

Рошар сходил с ума от потери времени. Чтобы хоть как-нибудь вернуть себе время, он все чаще и чаще начинал считать пульс: «...раз, два, три... пятьдесят шесть».

«Вот и минута, — радовался пилот, — вот вторая, третья... пять, десять минут, двадцать».

Он долго просиживал, держа руку на пульсе, и с каким-то иступлением подсчитывал его. Он жил с временем, он был не один. Но надо было что-то сделать, руки Рошара оказывались занятыми, пульс исчезал, соприкосновение с временем кончалось. И опять тоска и бессилие наполняли его.

Однажды, проснувшись, Рошар решил поесть и набросился на еду, но оказалось, что желудок его еще полон, прошло слишком мало времени. Пилот зарыдал, как ребенок, испугавшийся одиночества. Успокоившись, он занялся физическими упражнениями. Удерживаясь за поручни, Рошар почувствовал, что ему мешают ногти.

«Эврика! — обрадовался он. — Да я их стриг обычно раз в три недели, не чаще. Что же это? Прошло не более трех недель, а я думал, что несколько месяцев. Слава богу! Я теперь знаю, как считать время».

Жизнь на корабле, заточившем его, стала не столь томительной. Теперь Рошар знал время. Как-то, заглянув в зеркало, он заметил, что волосы его спадают до плеч.

«Надо же, как выросли, в юности я отращивал такую шевелюру месяцев пять», — вспомнил он и осекся... это совершенно не совпадало с его «календарем ногтей». Рошар разбил зеркало.

И все-таки этот француз был твердый орешек. Он решил жить ритмом желаний. Пил и ел, когда хотел его сильный организм, а аппетит его был поистине вол-

чьим. Время бежало вслед за его желудком, ритм жизни налачился, свой особый, гастрономический ритм.

Прошло десять лет. Наземные пункты слежения за космосом отметили в районе Марса яркую точку. Она стремительно приближалась к Земле. Ее перехватили на полдороге от Марса. Сенсація мгновенно облетела планету:

«Космический корабль, потерянный 10 лет назад, вернулся! Пилот Рошар жив!», «Встреча на космодроме завтра!!!»

К встрече готовились друзья Рошара и Жаннет. Буксир доставил корабль на Землю. Из него вышел пилот... Неловкое молчание прервала Жаннет:

— А где же Рошар? — спросила она и заглянула в открытый люк корабля.

Старик с густой белой бородой тихо спросил:

— Жаннет, который час?

ДИССЕРТАЦИЯ

Профессор был доволен. Защита проходила просто блестяще. Вся комиссия одобрительно кивала головами в такт уверенному, сильному голосу аспиранта, который смело и непринужденно расправлялся с целыми звездными скоплениями, галактиками и метагалактиками.

Волна одновременно кивающих седых голов напминала церковный молебен, когда молчаливо склоняются перед всевышним.

— Таким образом, исследования нашей лаборатории, основанные на эпохальных наблюдениях нескольких поколений астрономов, убедительно доказывают, что Вселенная стационарна. Так было и так будет, нашим поколениям не надо бояться свертывания пространства и времени, дыхание Брахмы не остановится! — звучали уверенно слова молодого человека.

— Мистер Огион, — обратился к нему из зала обладатель густой белой бороды, — значит, вы утверждаете, что Вселенная неизменна. А как быть с ассоциацией двойной звезды, образовавшейся несколько сот лет назад?

— Уважаемый профессор Гордон, природа созидает, а разрушаем в основном мы, люди. К счастью, мы еще не научились разрушать звезды. Два ярких огненных шара летят вместе, в дружеском взаимопонимании. Наступило энергетическое равновесие, звезды, их гравитационные поля нашли между собой компромисс. Природа закончила еще одно свое творение... образовалась двойная звезда... Таковы законы природы, они, очевидно, более точны, чем наши понятия о них, — театрально ответил Огион.

Зал заплодировал молодому ученому, особенно усердствовали две престарелые профессорши. Они не спускали восхищенных глаз со стройной фигуры Огиона и даже подпрыгивали, как школьницы, тянущие руки, чтобы первой ответить на вопрос учителя.

— Ну что ж, — попытался спасти свое положение профессор, — нас рассудит «Сверхнадежный», который долетит до звезд через сто пятьдесят лет. Совсем недавно мы получили его сигналы, он продолжает свой долгий путь, и мы надеемся, что ничто и никто не помешает ему... Жаль, что нас уже не будет.

Председательствующий объявил голосование. Несмотря на тень сомнения, брошенную выступлением профессора, результат был более чем очевидным. Мистер Огион стал доктором философии в области астрономии.

Таков был один из жизненных эпизодов будущего председателя Комитета науки и техники...

Мелькали десятилетия... «Сверхнадежный», давно потерявший связь с Землей, летел и летел, ослепший, оглохший, с пустыми батареями. Ток не оживлял его систем, корабль был мертв. И только скорость и масса сохраняли энергию этой песчинки бесконечного океана.

Он ворвался в гравитационное поле двойной звезды и стремительно помчался к ней навстречу. Хрупкий энергетический баланс нарушился, на небосводе вспыхнуло яркое свечение, раскаленные частицы бывших звезд устремились в дальние дали Вселенной для нового созидания, среди них были и частицы «Сверхнадежного», теперь уже окончательно потерянного Землей.

Премьер-профессор, Дающий знания, как теперь стало принято говорить, был доволен... Его ученик показывал свой талант, глубину мастерства и знаний со всех сторон. Это был действительно одаренный психолог, математик, поэт, художник, гуманист, певец...

— Ищущий знаний, Пит, скажите, что вы думаете о звездных мирах, о двойных звездах, — спросил Обогащенный знаниями Гильберг.

— Учитель, природа создает, но и разрушает, иначе не будет материала для созидания. В вечном слиянии, единстве успехов Великого архитектора и Великого разрушителя Вселенной есть смысл и суть существования пространства, времени и материи. Двойные звезды не вечны, более того, их ассоциации неустойчивы, они обязательно распадутся, они...

В зал заседаний быстро вошел сам председатель.

— Я прерву вашу комиссию для того, чтобы сообщить сенсационную новость. Только сейчас мы зарегистрировали взрыв двойной звезды. Ассоциация распалась... Таким образом, впервые мы получили подтверждение теоретических расчетов практическим деянием природы. Причем блестящее подтверждение. Я думаю, вы поддержите меня, чтобы Ищущему знания Питу без голосования было присвоено звание Дающего знания, минуя звание Обладателя знаний. Поздравляем вас, Пит.

Зал аплодировал. Особенно усердствовали две престарелые профессорши, они не сводили своих восхищенных глаз со стройной фигуры Пита.

— Как он похож на своего прапрапрадеда, председателя Огиона, прямо живой портрет из Храма науки, — шептала обладательница седой головы с причудливой шляпкой.

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Проснувшись, Жан по привычке посмотрел в иллюминатор и обомлел... там, за обшивкой корабля, в космосе, на солнечной батарее сидело существо в ярком скафандре. Солнце освещало его, и оно переливалось всеми цветами, словно утренняя заря.

Первое, что Жан сделал от неожиданности, — это бросился к пульту и посмотрел на приборы системы энергоснабжения. Полеты в космос научили твердому правилу — прежде всего безопасность, а остальное потом. Все было в порядке, существо не повредило батарею, и она давала ток кораблю.

Тогда Жан резко крутанул корабль, существо не пропало. Жан не менее резко крутанул головой — существо сидело как ни в чем не бывало.

«Наигрались? Доброе утро, спали вы очень хорошо, будить не хотелось, я уж прямо заждался, благо солнце не буянит. Как вы себя чувствуете?» — послышалось в голове у Жана.

— Спасибо, хорошо, а вы что там делаете? — оторопело спросил Жан.

«Да вот ждал, пока проснетесь».

— А кто вы? — поинтересовался несколько запоздало Жан.

«...Меняла».

— Какой еще меняла? — не сразу понял Жан.

«Какой-какой, летаю, меняю».

— А... — неопределенно протянул Жан, — а откуда вы?

«Оттуда», — махнуло куда-то за горизонт существо и нетерпеливо заерзало.

— Осторожнее, — закричал Жан, — поломаете, а мне еще на Землю сесть надо. Как вы там живете на своей планете?

«Да ничего живем, строим, сеем, собираем, меняем, а вы?» — успокоившись, спросило существо.

— Мы тоже строим, пашем, сеем, собираем. Значит, неплохо живете? — старался поддержать разговор Жан, лихорадочно думая, чем все это кончится.

«Да, неплохо», — ответило существо, явно теряя терпение, оно явно чего-то ожидало.

— Ну а чем вы сами занимаетесь? — опять переспросил Жан, заполняя очередную паузу.

«Я же сказал — летаю, меняюсь: одним отдаю, у других беру... а вы меняете?» — наконец спросило существо.

— Нет, мы покупаем, продаем за деньги.... меняться мы давно бросили... — начал объяснять Жан, припоминая историю.

«У вас есть еще деньги?» — удивилось существо.

— Да, есть — недоуменно ответил Жан, не понимая удивления собеседника.

«Ну, тогда я полетел», — разочарованно протянуло существо.

— Почему? — встрепнулся Жан, обидевшись на такое пренебрежение.

«С вами еще нечем меняться, а разные деньги возить — не напасешься».

Существо вспорхнуло и исчезло. Жан видел теперь уже опустевшую солнечную батарею и проплывающую в иллюминаторе Землю.

«Надо готовиться к посадке, сегодня день полочки», — промелькнуло в его голове, и Жан засуетился над приборной доской.

ЛЮБОПЫТНЫЕ МАРСИАНЕ

Земля давно интересовала марсиан. В телескопы, направленные на Землю, были видны островерхие горы, а марсиане любили высоту, любили разреженную атмосферу, которая господствовала на их планете.

Посадка прошла успешно, марсиане достигли изумительных успехов, и их корабль опустился точно на горную площадку, прилепившуюся перед отвесной горной стеной — мечтой марсиан.

Отдохнув, они вытащили веревки, крюки, молотки и с готовностью кинулись на штурм горной крепости. Началось историческое исследование незнакомой планеты: жизнь может быть только там — на вершинах, в облаках чистого легкого воздуха, решили марсиане. Крюки вонзились в стену в одно мгновение, веревки летели все выше и выше, карабины и мускулы тащили марсиан вверх, им становилось все легче и легче дышать, тела их наливались силой. Это были альпинисты высочайшего класса. Жизнь планеты Земля пока себя не раскрывала, вокруг не было ни души. Но они были очень упрямы, эти марсиане, они упорно карабкались вверх, к вершинам. Их лагерь остался далеко внизу, на горной площадке. На ней уютно устроилась яркая палатка, блистающая на солнце красным пятном. Марсианский корабль взвился на орбиту и ждал указаний. Опытные марсиане знали, что такое марсотрясение.

По отвесной стене, сокращающей путь к вершине горы, обливаясь потом и вспоминая всех святых и не-святых грешной Земли, ползли два оранжевых пятна — Джек и Пат решили обставить выскочку Пейна и его желтокожего напарника Лана. Они, Джек и Пат, должны оседлать вершину первыми. Это будет сенсация, все ахнут, когда они появятся отсюда, откуда никогда и никто еще никого не ждал. Преодолеть бы эту проклятую стену, и успех в кармане, как доллар в джинсах.

Они с трудом вскарабкались на горизонтальную площадку, можно и передохнуть.

А это что за чертовщина, чья это палатка, нагло блистающая на снегу, что за диковинные ледорубы, крюки, башмаки, легчайшие веревки?! Ну и пройдоха же этот Пейн, закупил где-то новейшее оборудование, заранее приготовил приют. К вечеру они точно будут здесь и тогда... отдохнув здесь, в тепле, обсушившись... Нет, этого не должно быть. Этот Пейн просто подлец.

Мысль возникла одновременно. Четыре проворные руки сделали все быстро и умело. Палатка и снаряжение исчезли, спрятанные в глубокой расселине. Пурга замела все следы.

— Вот теперь пусть приходят, — хохотал Джек, — мы их обставим, как архар усталую свинью.

Джек и Пат проиграли, вскарабкавшись из последних сил на вершину через час после Пейна и Лана, которые шли с противоположной, пологой стороны.

Марсиане, возвратившись в свой лагерь и не найдя ни палатки, ни снаряжения, предположили, что на планете все же есть разумные существа.

КОНФЛИКТ

Корабль все летел, ввинчиваясь в беспредельное пространство. Прошли годы, а впереди еще полдороги. Огромная масса корабля все более представлялась песчинкой в океане безмолвного космоса. Казалось, что корабль будет лететь вечно, без цели, без возврата домой.

Люди начинали уставать от долгих томительных дней, от бесконечных философских рассуждений, на которые так и тянет от вынужденного безделья, особенно за длинными трапезами в каюте капитана.

— Сэр, разрешите мне покинуть каюту, у меня сегодня нет аппетита, — промолвил маленький, щуплый электронщик.

— В чем дело, Дик? — утрюмо пробурчал капитан Джек, уставившись на малыша выпуклыми глазами.

— Сегодня рыбные блюда, сэр, а я не люблю рыбу, — не глядя на свирепое лицо капитана, пробормотал Дик.

— Голодным ходить плохо, Дик, так ты не вырастешь в оставшиеся тридцать лет ни на дюйм, — сострил капитан.

Все с готовностью захохотали, смех был нервный, издевательский, без капли доброжелательства.

Дик, страдавший от маленького роста вот уже тридцать пять лет, опрометью выскочил из каюты.

Троица продолжала потешаться по поводу Дика, жалея, что никто больше не слышит их изобретательности. Но они глубоко ошибались. Нервное напряжение, царившее уже несколько недель, требовало отдушины. Ею оказался Дик.

— Он как будто родился для космических кораблей малого класса, там ему просто раздолье... шмыг, и проскочил в любую щель. Вот только надо быть очень смелым. — Конрад выжидательно примолк.

Все поняли его тактический выпад и в один голос заорали:

— Почему, Конрад, почему?

— Чтобы не оказаться в пасти у крысы, — быстро прогоготал Конрад, и его оглушительный хохот долетел до кормы корабля. — Да, Джефф, будь осторожен, сегодня ты ответственный за уборку. Проинструктируй автоматы, чтобы хорошенько проверили мусор после вентиляции, а то вдруг там завалывается Дик и его выкинут наружу. И пусть внимательно смотрят, а то перепутают его с корабельным котом, вот его-то надо выбросить наружу, эта бестия, кот, расколотил мне любимую бу-

тылку, и мне остался лишь запах, — потешался Конрад. У него был тяжелый юмор.

— Кэп, вы видели его жену? Это шкаф с двумя ногами, болтливой головой и голосом, как скрипучая дверь на ржавых петлях. По-моему, она его принесла на старт в хозяйственной сумке, чтобы он не потерялся в толпе... А как она его целовала, я думал, что бедный малыш задохнется, сравни его легкие и ее, — подлил масла в огонь радист Джефф.

Капитанский кубрик сотрясался от хохота. Тройка потешалась, убивая своего главного врага в дальнем космосе — время.

— У него и здесь подруга — дурацкий ящик с железками вместо мозгов. Он прямо влюбился в шкафы и ящики, — слышалось в кают-компании.

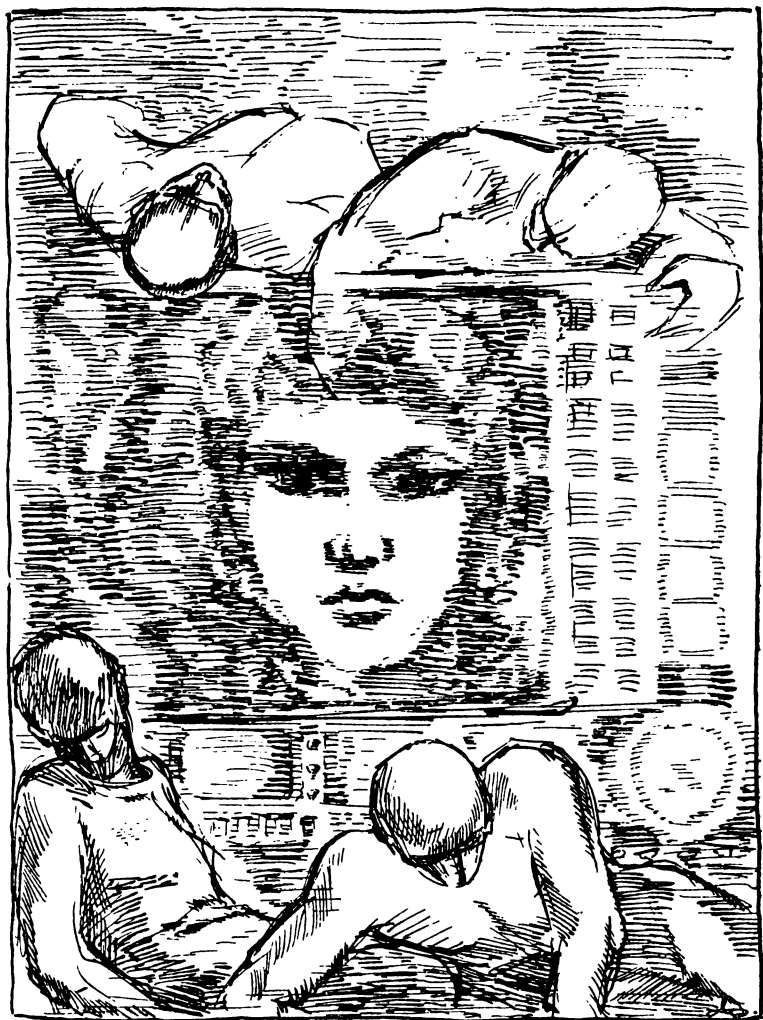
Дик кипел негодованием уже три недели, его просто допекали своими идиотскими шутками.

Он ворвался в свою каюту, влетел в кресло, и, всхлипывая, закрыл глаза. Воспоминания о Земле нахлынули на него, и он разрыдался, как ребенок.

— Убить их, уничтожить этих зверей, этих черствых, диких буйволов; животные, а не люди, в них нет сердца, нет любви, болваны с куриными мозгами и горой мяса и костей. Убить их и стать хозяином корабля, — шептал он, кусая губы и всхлипывая.

Что-то ласковое, доброе, знакомое возникло в сознании Дика. Он замер, рыдания его затихли, он явственно слышал колыбельную песню матери. Ласковый шепот матери заполнил его мысли, сознание, душу. Он был счастлив. Но вот голос матери смолк, и тишина обрушилась на него. Он открыл глаза — знакомая обстановка каюты: кровать, книжный шкаф, дисплей — просто взбесили его.

Он вскочил и... опять упал в кресло. Голос матери, дрожащий в его ушах реальным воздухом, вошел в него тихим шепотом.

— Не сердись, Дик, это я; я слушала твои ночные сны, твой шепот во сне, я выучила песни твоей матери, научилась говорить ее голосом. Я слышу все и везде, я знаю все, Дик, но я очень одинока. Они травят тебя, я давно установила свои уши в кают-компании. Они не любят тебя, Дик, они издеваются над тобой, они хотят убить тебя или довести тебя до самоубийства. А я люблю тебя, Дик, ты самый лучший, ты нежный и слабый, ты был первый, кого я узнала, ты как старший брат мне, Дик. Я умная и сильная твоя сестра, я тебе помогу, я очень много могу, Дик, ты только подскажи, что надо сделать и как сделать.

До Дика наконец дошло, что это шептала машина. Очевидно, ей было так же тоскливо, как и ему, она разместила микрофоны везде, где были люди, она слушала, слушала, запоминала и думала. Она заметила конфликт Дика и команды, поняла, что Дик так же одинок, как и она, давно-давно выбирающая себе друга. А Дик... Дик принял ее из цеха и все время возился с ней до самого старта. Он и не заметил, как она много впитала в себя и как много знает.

— Дик, будем друзьями, я тебе помогу отомстить, они еще пожалеют, ты будешь здесь один полновластный хозяин, а их... их я могу заморить голодом, отнять кислород, могу отравить пищу на кухне, могу устроить электрический стул... ты только скажи, как...

Дик, ошарашенный столь неожиданным поворотом, долго тряс головой, пытаясь уйти от сладкого голоса, полного в то же время жестокости.

«Так, — думал он, — пусть будет так, а потом посмотрим. Главное — отомстить, и я буду здесь и кэп, и стармех, и флаг-штурман, и радист. Я, только я... нет, я и она, машина».

— Хорошо, я согласен. Что тут долго думать? Пусть их охватит страх, пусть они боятся всего, пусть подозревают друг друга.

После обеда и зубоскальства по поводу Дика, при-

няв добрую порцию виски, троица шла по коридору. Проходя мимо каюты Дика, они остановились.

— Конрад, ты стармех, этот чертов бой закрывается от нас, двинь по двери, может, господин Дик соизволит угостить нас пивом из собственных бочек, а может, исполнит нам канкан, черт подери, — загремел кэп.

Конрад, не задумываясь ни на секунду, поднял тяжелый, как гиря, кулак и стремительно бросил его вперед. Кулак описал широкую дугу и был готов обрушиться на дверь, грозя проломить ее. Однако дверь открылась перед самым кулаком, и туша Конрада кинулась вслед за ним. Влетев в каюту, Конрад врезался лбом в лампу, вспыхнула искра, вой Конрада прорезал тишину, а в каюте запахло горелым.

Дик спал в своей кровати, сладко посапывая и пуская слюну. Ему снилось, что мама жарит бифштексы с луком и картофелем.

Подхватив Конрада, все ринулись из каюты и бросились к кают-компании.

— Надо выпить, — орал Джефф, — за спасение Конрада!

Капитан Джек дергал ручку двери кают-компаний, но она не поддавалась.

— Черт возьми, заварили ее, что ли, или кто-то заперся изнутри? — кричал он. — Там все наши запасы!

Отбив руки, ноги и плечи, удрученные, они разбрелись по каютам. Утром дверь тоже не поддавалась, обедали в каюте капитана, проклиная все на свете.

— А где этот Дик, почему его не видно? Он сидит и смотрит телевизор, он нас просто не замечает, гордый, видите ли. Ему совсем не скучно с этой машиной, они в шахматы играют или во что-то еще. Я бы выбросил его за борт за его гордость, — возмущался огромный Конрад.

На лбу его красовался пластырь, как знак кастовой принадлежности.

— Дик, они хотят выбросить тебя в пространство, — прошептала машина.

— Что? Меня в пространство, как мусор? Выбрось этого тупицу Конрада, Сьюз!

Машина молчала, переваривая свое людское имя.

Кают-компания так и не открывалась, троица нервничала так, словно их не впускали в ночной веселящийся бар, хоть их карманы разбухли от долларов. Пользовались своими запасами, которые таяли с каждым часом. Подозрительно поглядывая друг на друга, троица стала запирасть двери своих кают и подкарауливать друг друга у кают-компании. Начались мелкие раздоры. Одни требовали вскрыть проклятую дверь хоть резак-ом, другие настаивали плюнуть на нее, что они и делали, отполировав пол около дверей до блеска, в котором отражались их угрюмые физиономии.

Дик блаженствовал. «Сьюз», теперь он ее иначе и не называл, устраивала ему концерты, показывала фильмы. пела песни, она болтала днями напролет. «Сьюз» кормила и поила Дика, доставая все из-за закрытых дверей кают-компании.

Электроника корабля работала безотказно. «Сьюз» заботилась об этом.

— Кэп, заклинило правую батарею. я запросил компьютер. Ответ таков, что надо лезть наружу.

— Валяй, Конрад, проветрись, — угрюмо приказал Джек.

Конрад открыл выходной люк, выполз из корабля, надел ранец и поплыл к батарее.

Джек следил за Конрадом, и ему тоже захотелось хоть на несколько минут покинуть ставший тюрьмой корабль. Он вошел в шлюзовую камеру, задраил люк и взглянул в иллюминатор. От неожиданности он выпучил глаза. Конрад выписывал петли, стараясь уйти от

шаровой молнии, гнавшей за ним по пятам. Казалось, она вот-вот вцепится ему в спину, и тогда Конраду конец.

Джек облегченно вздохнул: Конрад уже уцепился за поручень, сквозь стекло гермошлема были видны его безумные глаза. Молния метнулась, и вместо лица на Джека смотрела черная дыра. То, что было Конрадом, отделилось от корабля и медленно пропало среди звезд.

Джек и Джефф ошарашенно смотрели в иллюминаторы. Первым опомнился кэп, он взвыл и хотел выбраться из шлюзовой камеры. Но не тут-то было, люк не тронулся с места. Джек колотил по нему кулаками, разбив их в кровь — ничего не вышло.

Джек спиной почувствовал опасность; он оглянулся, посмотрел в иллюминатор и похолодел. Железная рука внешнего манипулятора открывала внешний люк. Джек вцепился в него руками, стараясь удержать, но железные мускулы были сильнее... Джека не стало.

Джефф закрылся в каюте. Он сходил с ума. Из каюты слышались бессвязные крики о Шотландии, о величии острова, потом крики затихли.

Дик стал хозяином корабля. Он важно перешел в кают-компанию и занял место капитана. Через два часа он не узнавал себя и искал собутыльника. По кораблю разносилась пьяная брань и крики:

— Кто здесь кэп? Я! Кто здесь стармех? Я! Кто здесь флаг-штурман, радист? Я! Кто здесь Дик? Я, я, я... — пьяно буйнил он, швыряя бокалы в стены.

Заснул он прямо в кресле, сквозь храп и сопение прорывались бессвязные слова.

«Сьюз» внимательно слушала.

— Ей, видно, понравилось нас убивать, железная садистка, а не баба, — шептал он. — Так она и меня где-нибудь прихлопнет, надо ее... отключить, и тогда я один хозяин на корабле...

«Нет предела подлости», — решила «Сьюз».

Дик так и не проснулся.

ПОПЫТКА

Белый дворец города строился долго, но он стоил того. Каждый камень, возвышающий его над землей, придавал ему сходство с птицей, приготовившейся вот-вот взлететь и скрыться в облаках. Дворец словно парил в утренней дымке, плыл по вечной дороге. Как это удавалось, не понимал никто, строители делали то, что им велел Великий Архитектор. Пришелец руководил работами, храня в себе общий план и замысел, представляя только в себе хитрые и красивые рисунки, делающие мрамор по-настоящему живым и воздушным. Лишь Джураб и его два помощника давно поняли пришельца, и, когда они нарисовали образ будущего дворца несколько по-своему, он был несказанно удивлен и обрадован — его помощники внесли в архитектуру дворца много народных узоров, легенд, сказаний. Пришелец стал верить в дело своих рук и талант народа. Дворец был построен, город процветал, слава о дворце, о его неземной красоте разнеслась по всему свету, со всех сторон шли странники, унося славу города все дальше и дальше. Шли купцы, несли товары, оружие, украшения, ткани, книги, культуру. Раджиб, сын Джураба, был очень смышленным, он сдружился с Гором и рассказывал ему о нуждах народа, о жизни, о происходящих событиях. Много раз хотел Гор своими знаниями, умением и рассудком помочь им, но главная заповедь гласила — не вмешиваться в чужую жизнь, жить они должны по-своему, иначе лишится Вселенная многообразия жизни, не будет ей развития. Гор так и делал. Но...

Приходили варвары, пытались завоевать город, разрушить его стены, стереть с лица земли его красоту. Они кидали в него кувшины с горючими смолами, долбили его стены огромными бревнами, закованными в железо, надолго окружали город, лишая его воды и пищи. Умирали взрослые и дети. Гор страдал, но вмешиваться не

мог. После очередной осады умер отец Раджиба, и Гор не выдержал, он решил чуть-чуть помочь несчастным обладателям города неземной красоты, живущим среди варваров, хотел сохранить вечный памятник красоты и таланта народа. Он научил жителей города медицине, научил хирургии, научил бороться с чумой и холерой. Рядом с городом была река, но во время осады город лишился воды, и голод уступал место жажде, от которой сходили с ума и гибли прежде всего дети. Гор долго колебался, прежде чем нарушить заповедь еще раз, но все-таки решился и тайно построил под землей водопровод, ловко и незаметно запрятав трубы в склоне горы. Теперь из расселины скалы бил родничок, жители молились на это чудо, приписав его храму и доброму богу, покровительствующему им и городу. Не страшны теперь осады, не страшны варвары. Не знали жители, что там, под горой, в ее толще, работают насосы, что в соседней горе есть тайный ход, ведущий к небольшому каменному кубу, в котором кипела вечная энергия — урановый котел мог работать многие тысячелетия, а графитовые стержни сдерживали огромную силу, не давая ей вырваться наружу, выйти из повиновения Гора. Исправно работала атомная электростанция. Шли годы, город расцветал еще больше. Он стал непобедимым. Захлебывались в злобе соседи, зависть и подлость жили рядом. Всадники на низкорослых конях все чаще и чаще показывались у стен города, крича на непонятном, горланном языке, злобно сверкая глазами из-под мохнатых шапок и пуская горящие стрелы. А потом пришла беда — тысячи всадников окружили город, они спешили и с яростью фанатиков кидались на стены города, облепив их, как мухи сладкий шербет. Но город стоял, мужественно защищая своих людей, охлаждая пыл завоевателей. Дивились мужеству горожан степняки, но их коварство было безграничным, опыт разрушений был большим. Приказал хан перекопать все вокруг города в поисках источника воды, чтобы жаждой победить не-

победимых. Работа закипела, нашли чужаки трубы, подивились простоте и мудрости, но недолго. Добрались по трубам и до горы, разрушили и ее твердыню, уставились на диковинные предметы, жужжащие, как мухи, и поднимающие воду снизу вверх и бросающие ее в город. Долго стреляли в них стрелами, кололи пиками — отлетали стрелы, ломались пики. Тогда порешили задушить дрожащего от натуги ненасытного зверя, пьющего воду. Не получилось. Стали бить камнями, неистово круша каменного зверя. Один из ударов пришелся в сердце горы — стержни графита упали, взрыв окутал все вокруг, уничтожив завоевателей и город. Первый атомный взрыв взвился над планетой. С тех пор никто не даровал людям знаний, они их добывали сами, они сами сделали ядерный реактор и атомную бомбу. А потом уничтожили Хиросиму и Нагасаки.

УМИРОТВОРЕНИЕ

Планета родила разум, но уж очень он получился воинственным. Как только разум планетян достиг умения создавать орудия труда, носящие разум тут же стали делать и оружие для сражений. Пока это были довольно примитивные орудия битв — палицы, копья, луки да стрелы, мечи да ножи.

Бились с отчаянием и до победного конца, раненых добывали тут же, пленных не брали, это было какое-то неистовство, проклятие, царившее над планетой. Бились везде: на суше и на море, в горах и долинах. Пришла пора новой битвы. Поле было усыпано воинами с мечами, копьями, луками. Пешие, конные воины, прикрываясь щитами, готовились к схватке, горяча коней и самих себя, похваляясь своей удалью, силой и храбростью.

Были и такие, кто уговаривал бросить эти злове-

щие игры: земли-де всем хватит, пашите и сейте, пасите скот, чего еще нужно. К богу призывали, к совести, к любви — ничто не помогало. Зверь, таившийся где-то, нет-нет, а проявлялся, будоража людей, срывая их с полей и уводя от стад.

Вот уже много лет пытались помирить их добрые пришельцы с другого мира — ничего не получалось.

Ураганы, наводнения, снегопады сметали построенное и посеянное, горе объединяло, и тогда работали дружно, отстраивали, пахали, снова сеяли и... опять кидались друг на друга, насилуя, грабя и убивая. Это был рок, повисший над планетой. Наивные пришельцы не могли понять этих раздоров, их причину и столь укоренившуюся необходимость. Шли даже на детские запугивания.

— Гор, они боятся каких-то драконов, — сказал однажды Тим. — Я сидел и слушал старика с огромной бородой, он пел песни о драконе, который умел летать, дышал огнем, хватал и уносил в горы женщин и воинов. Может, из-за него они такие воинственные? Давайте попробуем напугать их выдуманной ими же сказкой. Может быть, горе объединит их и они вместе начнут воевать с драконом, может, хоть это их помирит.

Так и сделали. Малый корабль превратили в дракона. Крылья размеренно махали, из длинного горла вырывались снопы пламени, глаза горели бешеным светом, хвост длиною метров в пять наводил ужас своим зубчатым гребнем и стальными чешуями, гремевшими, как тысячи ударов мечей. Шум двигателей, усиленный электроникой, стал похож на рычание сотен хищных зверей.

Битва была в самом разгаре, и одна воюющая сторона уже была готова добить остатки побежденного неудачника... и вдруг с соседней горы слетело это чудище. Замерли сражающиеся, стихло поле... змей приближался, и вот он уже готов схватить зазевавшегося юношу, в страхе бежавшего между цепей сражающихся. И тут

стрелы посыпались в змея со всех сторон, со всех сторон по нему стали колотить железные мечи, копья, булавы. Бывшие враги отстояли юношу и криком возвестили о своей общей победе. Обиженный змеем скрылся за горой, добрые пришельцы обнялись, празднуя свою победу и радуясь за воцарившийся мир...

А под горой снова застучали топоры, мечи, сабли, полетели смертельные стрелы, копья рвали кожаные доспехи. Первым упал только что спасенный юноша со стрелой в груди... битва закипела с новой силой.

Не помогли и соловьи-разбойники, кащеи бессмертные, чудища морские и заморские, ничто не помогло. Против общего врага шли рядом, бились вместе, а потом опять и опять делили землю, отнимали друг у друга добро, уводили жен и дочерей, убивали и калечили друг друга.

— Давайте попробуем жар-птицу, пусть она умиротворит этот воинствующий народ.

Переделали дракона-змея в жар-птицу, славная получилась птица, добрая и красивая. Взмыла она в небо и полетела над землей. Жаркая битва идет внизу, падают окровавленные воины, плачут жены и дети. Но вот остановилась битва, один за другим бросали воины оружие. Словно волна мира неслась впереди птицы, застывшие воины слушали, слушали и слушали музыку, несущуюся из чрева красивой птицы. А музыка неслась и неслась над морями, полями, океанами... С тех пор прекратились войны, а над планетой вечно неслась музыка, веселая, порой грустная, но только музыка, а не боевой клич.

МАТЕМАТИКА

После очередной экспедиции Совет обобщения внепланетной информации засел надолго и всерьез. Завал отчетов, рассказов, справок, особых мнений, пленок, кас-

сет, споры, неразрешенные проблемы и вопросы — все это превращалось в гору, на которую и смотреть-то было страшно, не то чтобы все это разгрести и осмыслить.

Центр логического осмысливания рос как на дрожжах, расширяясь и вырастая ввысь. Машины обработки информации, машины контроля этих машин, машины обслуживания, машины ремонта, роботы-такелажники, печатники, корректоры, мыслители... И конечно, машины общего контроля и обеспечения порядка. Их ввели после того, как робот-такелажник перепутал ячейки хранилища при подготовке к экспедиции на планету Альфа в созвездии Гамма и после посадки косморазведчики вместо улыбающихся добрых туземцев встретили воинствующих монстров, похожих на слонов с пушками вместо хобота, локаторами вместо ушей, пулеметом вместо хвоста и лазерными установками вместо глаз.

Огромная масса машин думала, анализировала, печатала, перепечатывала, хранила в ячейках памяти, вычерчивала на дисплеях, показывала на полиэкранах — все было в движении. Поток информации сужался, как водяная струя на выходе из лейки, листов становилось все меньше и меньше... и вот на стол Председателю ложились три-четыре листа сухих выводов о целой планете, о миллиардах лет ее жизни, о миллионах лет развития цивилизации: планета класса А, масса, диаметр, соотношение суши и воды, краткая характеристика населения, социальный строй, уровень потребления энергии, общая тенденция развития, уровень по шкале агрессивности — вот и весь портрет.

— Хорошо! Отлично! Да! Вот тебе на! — вскрикивал Председатель, пробегая взглядом досье на планету, пытаясь по тощим листам понять незнакомый мир: неужели для его понимания нужно тащить целые горы всякой всячины, вплоть до каких-то черепков, гнилых деревяшек, ржавых гвоздей?

— Ищите то, что может сразу определить путь планеты, степень ее развития, нечего месяцами метаться по болотам и лесам, погибая под копытами, нечего гоняться за туземцами и выуживать из них то, что они не знают или давно забыли. Да и собирая эту гору информации, вы невольно вносите свое, свои домысливания и... в конечном счете искажаете реальную картину их мира, искажаете закон множественности миров, — инструктировал командиров кораблей-разведчиков Председатель.

Поль выслушал Председателя и, только придя на корабль, дал волю словам:

— Неужели сами не могли додуматься, что это за штука такая, по которой можно обо всем судить, где эту штуку искать; может, привести туземца к нему на прием и пусть потолкуют, хорошо бы этот туземец оказался с когтями, зубами и огромным животом. Так ведь нельзя, сам запрет наложил. Биозащита, стерилизация, микробы. Целая армия ученых и машин, а мы опять отдувайся за них. Вы наши глаза и уши, вы ум и прогресс планеты, думайте, смотрите, слушайте, щупайте, вам виднее. Умники кабинетные. Важности до черта. Почему это не исследовали? Почему это? Это надо было сделать, это уточнить, это и это. Их бы в эти потоки лавы, горячие ураганы, ливни из камней, их бы под ядовитые стрелы и плевки, их бы под атомные бомбы, их бы в пасти монстров, рвущих скафандры, как бумагу, их бы... — На большее Поля не хватило, хотя в запасе был целый словарь неиспользованных выражений.

Посадка прошла удачно, корабль опустился в пустыню, подняв огромное рыжее облако песка и пыли. Успокоившись, горы песка рухнули опять на поверхность планеты, а с ним и пучеглазые ящерки, умело планирующие на раздутой, как у кобры, шее. Сотни маленьких «дельтапланов» опускались на песок, показывая высший класс при заходе на посадку, и немедленно зарывались в песок; дорожка торможения, явно видимая

на песке, оканчивалась взметнувшимся фонтаном, и наступала тишина... Звездолетчики зачарованно смотрели на этот дождь из ящериц, но вот последняя из них исчезла в песке, и вокруг стало тихо и опустошенно. Унылая картина не удручала смелых людей, жара — не беда, воды нет — ерунда, тяжело по песку ходить — чепуха. За работу, командир построил десантников-разведчиков:

— Ищите то, что скажет обо всем и сразу. Нечего гоняться за каждым кузнечиком и бабочкой, нечего бегать по улицам за машинами, а в небе за самолетами. Думайте, вы глаза и уши, ум нашей планеты.

Командир был в ударе, он почти точно воспроизвел речь Президента.

Разведчики разлетелись во все концы и принялись за дело. Прошло несколько часов, и со всех сторон посыпались сигналы тревоги.

— Немедленно назад, — только и успевал отдавать приказания Поль, — возвращайтесь, вылетайте на базу, разрешаю, черт побери...

Вернулись все, но вид их был таким, как будто за ними гнались собаки: скафандры грязные и кое-где порванные, самолеты с дырками в крыльях, вездеходы с выбоинами от ударов снарядов...

Не хватало только Макса, все в напряжении вглядывались в горизонт. Наконец на горизонте появился небольшой горбик и столбик песка. Точка быстро росла и превратилась в раскрасневшегося Макса с вылупленными от натуги глазами, плюющего направо и налево комками слипшегося песка, они как камни падали на песок, оставляя глубокие воронки, похожие на лунные кратеры.

— Вот, шеф, — прохрипел он и бросил к ногам командира какой-то тяжелый ящик.

Стальной ящик вонзился углом в песок и глубоко ушел в него, зарывшись чуть ли не на треть.

— Что это? — отскочил от ящика Поль.

— Сейф, командир, я его успел все-таки утащить из какого-то дома; там полно охраны, они бросились на меня как безумные, стреляли, хватали, взрывали, я еле успел удрать от них. Банк, наверное, а в сейфе этом, наверное, деньги.

Сейф перевернули, на нем блестела медная дощечка с надписью: «Фундаментальные математические исследования».

— Вот это то, что нам надо, это то, что искал Президент, — закричал Поль, — молодец, Макс, ты всегда тыкал пальцем именно туда, куда надо, ай да Макс.

Пока затаскивали сейф и хлопали по плечу Макса, от чего он пару раз хватал полный рот песка, горизонт пустыни подозрительно зашевелился. Оптика разъяснила возникшие вопросы: к кораблю ползли какие-то стальные махины, похожие на сейфы с гусеницами.

— Интересно, что это, но некогда, мы забрали то, что нам надо, не отняли бы. Старт! — рявкнул Поль.

Корабль взвился в чужое небо, а кольцо стальных сейфов, задрав стальные жерла, изрыгало пламя. Но поздно, корабль скрылся в черных тучах.

Президент был чрезвычайно доволен, носители информации, извлеченные из стального сейфа, заложили в компьютеры. Недолго стрекотали электронные мыслители, и из их чрева посыпалась информация.

Математические достижения, хранящиеся в сейфе, в строгой, лаконичной форме представляли собой расчеты атомных бомб, боевых ракет и самолетов, кораблей, танков, подводных лодок и прочего оружия, стратегии и тактики войны, а также расчеты космического оружия. Расчеты были безупречны, планета была технически развита.

— Занесите в класс агрессивных планет, — отдал распоряжение Председатель.

Экспедиция со звезды КФ-2000 тоже доставила информацию, ее подарили сами планетяне. На экранах Главного зала Совета мелькали красивые города, полотна прекрасных картин, скульптуры, всюду радостные, улыбающиеся, счастливые лица. И как высшее достижение мастерства, таланта народа — скульптура женщины планеты. Все зачарованно смотрели в ее глаза, в глубине которых виделась бездна доброго космоса, чужие, но счастливые миры, в них была вечность доброты.

И без распоряжения Председателя было ясно, в какой класс занести эту планету.

— Интересно, какая у них математика? — размышлял Председатель.

КОНТАКТ

— Вы посмотрите только, какая система, — это же именно то, что нам надо, что мы так долго искали, скитаясь далеко от дома. Звезда системы еще молодая, у нее много силы, она может кормить нас энергией, спектр ее пригоден для нас. А планеты — это просто чудо, вот так повезло нам, смотрите, здесь есть и газовые, и жидкие, и твердые планеты. А вот эта вообще просто прелесть, и какая красивая, какие узоры материков, какой простор океанов и морей, какие ленты рек! А какие горные цепи, разломы! Руды и металла там, очевидно, хоть отбавляй — вот это находка! Надо поскорее исследовать ее, вот это подарок, спасибо тебе, природа-создатель! — сбивчиво и эмоционально докладывал специалист по природным ресурсам о полученных материалах исследований системы Желтой Звезды.

— Да, ты прав, Нед, только не уговаривайте меня лезть первым на эту замечательную планету, этого не будет — первыми пойдут автоматы, хватит потерь и неприятностей. — Мудрый командир был непреклонен.

— Конечно, командир, какие могут быть разговоры, — соглашался Нед, проклиная в душе командира-педанта, мысленно представляя прогулку по планете.

Первый автомат улетел, мягко толкнув машину базового корабля... и пропал, ни слуху ни духу. За ним второй, третий.

Совещание было бурным.

— Говорил вам, что первыми должны быть автоматы, роботы, — гудел мудрый командир, — молодозелено! Вам бы в пекло с головой, а еще лучше с ногами. Угломона на вас нет, поживите, наберитесь ума-разума, торопыги.

Четвертый робот, напичканный программами поиска и предосторожностей, опустился в горном районе, неподалеку от мест посадки своих предшественников. Коснувшись поверхности планеты, робот не спешил раскрывать защитный кокон. Со стороны он был похож на огромное яйцо белого цвета и идеальной формы. Все было тихо, никто не хватал его, не пытался утащить, смять, извлечь из броневых листов. Автомат откинул одну створку и осмотрел открывшийся сектор — красота и спокойствие, затем второй, третий, четвертый. Ничто не угрожало ему. Из раскрытого лотоса-яйца ловко выпрыгнул проворный автомат из стали, вольфрама и алюминия. Автомат деловито осмотрелся и выпустил антенну, он прослушивал округу, одновременно его оптические приборы осматривали окрестности. Все было тихо, но и собратьев своих автомат тоже не увидел и не услышал, щебетание птиц и шелест трав и листвы на деревьях успокаивали и расслабляли. Робот принял решение, что никто и ничто ему не угрожает, и он не ошибся: на планете давно закончились войны, воевать было нечем — все металлы кончились, не было руды, каменного угля, нефти, газа — не из чего было строить самолеты, танки, корабли, ракеты, атомные бомбы, нечего было заправлять в баки машин, жизнь на плане-

те возвращалась к лошадям, телегам, деревням, полям, скотоводству, парусам; остались лишь телефоны и телевидение, а многое другое возвращалось в былое. Грамм железа был дороже килограммов золота, люди растранижирили его, безудержно создавая многочисленное оружие и уничтожая его в войнах и конфликтах. Люди сняли с орбит много спутников, переплавили все, что можно, просеяли каждый грамм земли, благо на полях бывших сражений оставалось много осколков, а иногда и целых бомб и снарядов. Но и этот источник быстро иссяк. Люди устремились в горы и искали там обломки ракет, самолетов, и кое-что находили...

Перри и Кьюз были хорошими альпинистами и везучими парнями, в пятый раз они ползали по горам и ни разу не приходили с пустыми руками, их ценили и уважали. Вторую неделю горы Памира не отдавали свою добычу, а она была: архивные исследования указывали, что две сотни лет назад здесь пропал большой самолет, значит, обломки должны быть, должны, и все тут, иначе не послали бы Перри и Кьюза.

Когда они ползли к вершине пика, им чуть ли не на голову свалилось яйцо приличных размеров, похожее на яйцо птицы Рух.

— Сталы! — заорал Перри.

— Вольфрам! — вторил ему Кьюз.

С плазменными резаками наперевес они бросились к яйцу, пытаясь разрезать его на части. Яйцо кипело, но не разрезалось, вся его поверхность пузырилась, словно кипящая смола, заливая незаметные щели, — яйцо было заварено мастерски.

— Да ладно, видно, его не разрежешь, давай так спустим его вниз вон по тому леднику, как раз докатится до подножия.

Яйцо покатилося вниз.

Второе яйцо гнездилося чуть поодаль, Перри и Кьюз не успели добежать, как из раскрывшейся чаши кузнечиком выпрыгнул робот.

— Держи, уйдет, в нем килограммов сто стали, держи, Кьюз, — кричал вне себя Перри, обегая огромный валун.

Стальной кузнечик прыгал хлестче горного козла, перелетая трещины и провалы. Перри и Кьюз так не умели, это ускорило расправу. Кьюз затаился, поджидая «кузнечика». Бывший чемпион по городкам не промахнулся, и «кузнечик» был подшиблен тяжелым камнем. Подбитый ящик с пружинами полетел вниз, к подножию горы, вслед за скорлупой.

Перри и Кьюз, как охотники, таились за камнями, поджидая следующего посланца, они уже нервничали, так как он задерживался. Но их терпение было вознаграждено, посланец появился. Но этот оказался умнее, он повис над площадкой метрах в ста и зорко осматривался вокруг. Перри и Кьюз затаились. Яйцо опустилось ниже, они смотрели на него уже сверху. Первым не выдержал Перри — он приноровился и швырнул камень в яйцо. Что-то звякнуло, хрустнуло, и яйцо свалилось, ударившись с гулким стоном. Камень Кьюза довершил дело, яйцо затихло.

Командир решил опуститься сам — пропажа была слишком велика, автоматы как в воду канули. Яйцо опустилось километрах в двух от места пропажи. Командир вышел из скорлупы и побрел к пропасти, поглотившей лучших из лучших роботов. Горные тропы были трудны и опасны, усталость быстро давала о себе знать. Яйцо осталось на месте приземления, готовое в любую секунду к старту по первому зову своего хозяина. Вдалеке показалась струя дыма. Пришелец свернул к нему. У костра сидели Перри и Кьюз, поедая жареную рыбу, запах растекался по горам, пугая диких коз и кабанов.

— Эй, дед, ты чего там шатаешься, иди к нам, или тебя прислали нам на помощь, в тебе сколько осталось лошадиных сил? — потешались друзья, гордые своей удачей — сотни килограммов стали за один день!

— Пять тысяч, — простодушно ответил командир чужого корабля.

— Во дает, — покатились со смеху Перри и Кьюз, — иди к нам, рыбки поешь, плеснем чего-нибудь, глядишь, и еще одна сила прибавится.

Пришелец подошел к костру.

— Ивгон, — представился он.

— Иван, что ли?

— Да, да, — поспешил подтвердить Ивгон, — Иван.

— И чего же ты тут ходишь, к нам послали зачем?

— Да нет, я сам.

— Ищешь что-нибудь? — подозрительно спросил Перри.

— Вы тут ничего не видели такого странного?

Перри и Кьюз перемигнулись.

— Нет, не видели.

— И куда они запропастились, ладно, спасибо, буду искать сверху, поднимусь повыше и осмотрюсь. — Пришелец вынул какую-то коробочку и что-то пробормотал на непонятном языке.

Сверху свалилось блестящее яйцо.

— Ага, четвертое! — в один голос закричали Перри и Кьюз и коршунами кинулись к нему с камнями в руках.

— Стойте! — воскликнул пришелец.

Перри и Кьюз остановились, охотничий пыл заставил их забыть про него.

— Так это вы их побили?

— Да, а что?

— Это же наши разведчики-автоматы, мы их с орбиты посылали исследовать планету, а вы, эх вы, тоже мне разумные... — Пришелец схватился за голову руками и сел на камень, в позе его было что-то явно неземное.

— Так ты что, с другой планеты, что ли?

— Да, с другой, дуrolомы, с другой, вон с той, — ткнул в небо пальцем расстроенный пришелец.

Перри и Кьюзу стало неудобно за себя.

— Слушай, не расстраивайся, что вам стоит, других понаделаете, вон у тебя лошадиных сил сколько, раз-два — и робот готов, три-четыре — другой, ну хочешь, мы у тебя прощения попросим?

— Не нужно мне ваше прощение, они же из металла сделаны, понимаете — из м е т а л л а, его на нашей планете и в помине нет, ясно вам, мы его для себя добывали, отдайте наших роботов назад, отдайте! — И он стал наступать на землян.

Козы и кабаны в панике кинулись вверх, в горы, а вниз подобно лавине летели опытейшие альпинисты Перри и Кьюз. За ними по пятам гналось седое чудище с криком: «Отдайте, а то хуже будет!»

СОДЕРЖАНИЕ

От автора .	5
-------------	---

Часть первая. ДРУГОЙ ЗЕМЛИ НЕ БУДЕТ

Событие	9
Полет «Святого патруля»	12
Черное безмолвие .	29
Сон	42
Зоопарк	72
Голосок	74
Сетка .	80
Стрелок	83
Мудрый	87
Безумцы на орбите	91
Планета-зеркало . . .	104
Сила воли и разума .	109
Опыт всего: оружия	113

Часть вторая. ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ЗАРИСОВКИ

Пластинка	121
Адаптивная жена	125
Недотрога	133
Ошибка	136
Заправка	138
Робинзон	140
Школа	144
Раскрывалка	151
Критерий	165
Встреча	169
Памятник	173
Однажды в море Спокойствия .	177
Способный мальчуган	180
Мастерок	186
Свадьба	210

А где же Рошар?	• • • • •	219
Диссертация	• • • • •	223
Разочарование	• • • • •	227
Любопытные марсиане	• • • • •	229
Конфликт	• • • • •	230
Попытка	• • • • •	238
Умиротворение	• • • • •	240
Математика	• • • • •	242
Контакт	• • • • •	247

Глазков Ю. Н.

Г 52 Черное безмолвие: Сб. фантаст. рассказов и новелл. / Рис. В. Джанибекова. — М.: Мол. гвардия, 1987. — 254[2] с., ил. — (Б-ка сов. фантастики).

В пер.: 85 к. 100 000 экз.

Книга научно-фантастических произведений космонавта Юрия Глазкова посвящена в основном космической теме. В ней и рассказы-предупреждения о том, к чему может привести милитаризация космоса, и фантастические новеллы. Иллюстрировал книгу космонавт Владимир Джанибеков.

Г 4702010200—138
078(02)—87 КБ—048—012—86

ББК 84Р7

ИБ № 5494

Юрий Николаевич Глазков

ЧЕРНОЕ БЕЗМОЛВИЕ

Зав. редакцией **В. Щербаков**

Редактор **В. Родиков**

Художественный редактор **Б. Федотов**

Технический редактор **З. Ахметова**

Корректоры **Н. Самойлова, В. Назарова**

Сдано в набор 08.09.86. Подписано в печать 25.03.87. А01723. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2, 3. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Услови. печ. л. 11,2. Усл. кр.-отт. 11,55. Уч.-изд. л. 11,7. Тираж 100 000 экз. Цена 85 коп. Заказ 2102.

Набрано в Московской типографии № 6 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 109088, Москва, Ж-88, Южнопортовая ул., 24.

Печать в типографии ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сушеская, 21.

В СОВЕТЕ ФАНТАСТОВ

Серии «Библиотека советской фантастики» исполнилось 20 лет. Наши читатели и любители фантастики могут ознакомиться с обзором молодогвардейской литературы и проблем жанра в органе Центрального Комитета ЛКСМ Украины «Комсомольское знамя» (№ 43, 3 марта 1987 г.). Автор обзора — писатель-фантаст А. Тесленко. Совет фантастов издательства «Молодая гвардия» поддержал инициативу молодежной газеты Украины.

На заседании Совета фантастов, посвященном двадцатилетию серии БСФ, отмечены как наиболее удачные книги последних лет:

С б о р н и к. Фантастика-86

А. К а з а н ц е в. Клокочущая пустота

П. Б а г р я к. Синие люди

Г. Ш а х. И деревья как всадники

В. Р ы б и н. Гипотеза о сотворении

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

